

ПАВЕЛ ГОРБАЧЕВ

Дневники черного копателя. Часть I

МОИ 6 СЕЗОНОВ.
ЭПИЗОДЫ 2002 – 2005

Павел Горбачев

**Дневники черного копателя.
Часть I. Мои 6 сезонов.
Эпизоды 2002—2005**

«Издательские решения»

Горбачев П.

Дневники черного копателя. Часть I. Мои 6 сезонов. Эпизоды 2002—2005 / П. Горбачев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749065-2

«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф 6:19—6:21).

ISBN 978-5-44-749065-2

© Горбачев П.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Вступление	7
2002: Начало	9
Покупка первого металлоискателя	12
Реанимация «копейки»	15
Первый выезд	16
Покупка второго металлоискателя	27
Зямин дядя	29
Москва-Волга	33
Нарские рубежи	36
Немецкая сторона	40
Сезон закрыт	42
Готовимся к следующему сезону	44
2003: Планы на будущее	46
Продажа второго металлоискателя	50
Покупка третьего металлоискателя	52
Иклинское	54
Зяма отчаливает	62
Стас и первая каска	64
Новые надежды	66
Зямина монета	68
Долина Славы	71
Делаем сайт	83
Входим в тусовку	84
2004: Общее дело	85
Шипилов	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Дневники черного копателя. Часть I Мои 6 сезонов. Эпизоды 2002—2005

Павел Горбачев

© Павел Горбачев, 2016

Редактор Елизавета Горбачева

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

С 25 августа 2013 года любительское увлечение археологией на территории РФ оказалось за гранью закона. Федеральным законом №245-ФЗ была ужесточена ответственность за незаконное проведение работ в целях поиска и изъятия археологических предметов.

Была введена уголовная ответственность за незаконные поиск и изъятие археологических предметов из мест залегания на поверхности земли, в земле или под водой, повлекшие повреждение или уничтожение культурного слоя. Также была введена административная ответственность за незаконный оборот археологических предметов.

Вступление

Зачем мне это все было надо

Военная археология меня впервые заинтересовала в 15 лет. Я тогда учился в обычной школе и параллельно ходил на занятия к репетитору, учительнице немецкого языка в одной из московских гимназий. Немецкий я учил с нуля и за полгода добился неплохих результатов. Но мне не хватало стимула, чтобы интересоваться языком по-настоящему. Как-то Нина Александровна мне рассказала, что ее старший сын состоит в военно-патриотическом клубе, и они каждый год весной ездят на раскопки по местам боев. Военная тема меня волновала всегда, поэтому я захотел побольше узнать о немецкой армии, а начать решил с военных терминов и строевых команд на немецком языке.

В 18 лет я поступил на факультет журналистики МГУ. Наконец-то я стал студентом! Но уже совсем скоро оказалось, что студенческая жизнь без приключений слишком пресная. Сессии, пересдачи сложных экзаменов античной литературы и грамматики русского языка – это, конечно, вещи экстремальные, но они быстро заканчиваются. Сдал – и забыл. Я тогда еще не видел себя в профессии, не пробовал себя серьезно в журналистике. Мне не хотелось наблюдать и описывать события, я мечтал действовать. К деньгам и карьере я в то время относился достаточно прохладно: не было задачи выживать в большом городе, пробиваться в Москве и набираться творческого опыта. Учился – и уже хорошо. Где-то на 2-м курсе я понял суть профессии пишущего человека – писать нужно только о том, что пропустил через себя. Чтобы опустошить стакан, надо его чем-то наполнить. И поэтому девушки-журналистки, пишущие о политике и экономике, критикующие власть и события в стране, но сами не имеющие представления об этих темах, тогда вызывали, да и сейчас вызывают у меня только иронию. Мы все тогда были как пустые стаканы. Многие ругают журналистов за поверхностность суждений, за легкомысленность, за неглубокое знание предмета. Это зачастую справедливо.

На журфаке МГУ подавляющее большинство студентов – это девушки. Юноши есть, но их всего 10—20%. Причем все студенты-журналисты весьма начитанны, знают как минимум один иностранный язык, разбираются в текущей политической ситуации, знакомы с бизнес-процессами в СМИ и смело берутся освещать сложные общественные явления. Но при этом мало кто из них держал в руках что-нибудь тяжелее диктофона. Они даже не вникают в законы жизни, которая протекает за пределами МКАД. Пишущая работа – это все, что им нужно. Факты создаются из воздуха, зарплаты создаются из воздуха. Это нечестно.

Я понимал всю порочность нашей профессии. Кстати, еще на 1-м курсе один из преподавателей нашей кафедры телевидения и радиовещания прямо на семинаре предупредил нас: «Запомните, журналистика – не самая лучшая профессия, а журналисты – не самые лучшие люди». Это был своего рода демотиватор. В молодости не хочется совершенствоваться в том, что не считаешь самым лучшим. Но и бросать учебу тоже не хотелось, потому что все-таки было интересно. И я решил, что нужно обязательно доучиться до конца, доучиться честно. А получив диплом, можно будет решить, кем быть.

А как быть, если мне захотелось действовать? Просто физически было нужно делать что-то, что не укладывается в сложившиеся стереотипы учебы. Баскетбол как спорт и как активность на тот момент перестал быть для меня интересен. Поскольку я всегда вел здоровый образ жизни, то нужно было выбирать из того, что помогло бы сохранить и преумножить здоровье. Туристические походы сами по себе казались слишком стерильными. Не было романтики, риска и определенной доли авантюризма. Ну, я и решил копать «по войне». Причем уча-

стие в официальных раскопках в составе «красного» поискового отряда было отмечено сразу. Если где и есть подлинный интерес, то только в полуправильном состоянии. Интересно же хранить хоть какой-то секрет, противостоять системе. Мы думали, что противостоять официозу. По сути, так оно и было. Поэтому я решил весь процесс изысканий вести самостоятельно – от поиска информации до собственно раскопок. Так я стал «черным» копателем. Также мы были вне закона, поскольку в какие-то моменты наши деяния попадали под определенные статьи Уголовного Кодекса РФ. Но в душе мы не были преступниками, и это нас всегда спасало.

В этой книге в двух частях вы узнаете о том, как в течение 6 сезонов я и мои товарищи прошли путь от новичков военной археологии до уровня прожженных копателей. По ходу действия нам несколько раз приходилось столкнуться со спорными ситуациями. Слава Богу, все обходилось, и все мои тогдашние соратники живы и здоровы. Я буду писать от первого лица, а также буду включать в повествование истории людей, которым я доверяю и знаю, что их слова – не вымысел. Эти 5 лет моей жизни были очень насыщенными: было много событий, передвижений, встреч, случайных знакомств, совпадений, замыслов и удачи. Я успел за это время реализовать почти все задумки по археологии, которые у меня были. Кто-то узнает в нас себя, а кому-то эта книга будет пособием по любительской археологии. Надеюсь, мои рассказы не оставят вас равнодушными. В любом случае, здесь нет места вымыслу. Все, что здесь есть, – правда о черных копателях.

2002: Начало

Все начиналось с того, что я агитировал Зяму на поиски приключений. Его авантюрная натура требовала, чтобы жизнь шла своим чередом, чтобы в ней происходили всякие интересные события (истории не сочетается с глаголом происходить), но чтобы при этом не надо было прикладывать особых усилий. На лекциях, вместо того чтобы усиленно конспектировать, я рисовал сюжеты про войну, немецких солдат в форме и с автоматами, в касках на фоне горящих строений. Зяма сидел рядом, слушал лекции одним ухом и смотрел на мои рисунки. На перерывах между занятиями я прорывался в Интернет, заходил на сайты официальных поисковых отрядов России и Украины. Тексты, которые они помещали на страницы, были очень скудными. Зато фотографии и подписи к ним будоражили воображение. Представьте, на фотографии с сайта петербургского отряда вы видите бруствер со свежим отвалом земли, на котором лежит немецкая каска в белом зимнем окрасе, рядом лежит пистолет-пулемет МР-38 без магазина и пистолет Р-08 «Парабеллум». Десятки выкопанных ржавых и пробитых осколками касок немецких парашютистов, противогазные бачки из синей глины в превосходном состоянии, вынутые из этих бачков оранжевые сигнальные полотнища для обозначения переднего края, немецкие кожаные сапоги с подковами, немецкие штыки в ножнах и с кожаными подвесами, осветительные ракеты, стрелковые очки, алюминиевые пряжки со свастикой и надписью «Gott Mit Uns». Остатки разбитой советской и немецкой техники, вещи из братских захоронений бойцов Красной армии, бумажные вкладыши в солдатские медальоны русских солдат, подписанные инициалами владельцев ложки, котелки и другие личные вещи.

Когда смотришь на все это впервые, то тебя охватывает непонятный трепет. Казалось бы, обычные вещи. Но у них такая мощная энергетика, такие сильные заряды, что хочется смотреть и смотреть, хочется поддержать их в руках. А взяв их в руки, кожей ощущаешь вереницу лет, которая пролегла между тобой и теми событиями. Война уже прошла, над Рейхстагом поднялось и опустилось красное знамя Победы, застрелился Гитлер, умер Сталин, дядя Юра Гагарин слетал в космос и вернулся обратно, умер Жуков, умерли тысячи и тысячи участников той войны. Этот магнит кого-то к себе тянет сразу, а кого-то резко отталкивает. Отталкивает тех, кто стремится жить только сегодняшним днем, не пытаясь понять лично для себя причин и следствий. Притягивает тех, кто живет не только в одномерном пространстве настоящего, а еще и помнит то, что было вчера, позавчера, и хочет узнать, что же было на самом деле до его рождения. Ну а война в жизни нашей страны всегда много значила. Сколько было снято фильмов о ней, сколько написано и сколько спето? Люди, чье сознательное детство пришлось на советское время, непременно помнят бесчисленные игры в войнушку, в немцев и русских, как строгаи себе ружья и автоматы и носились по двору. А как было здорово выскочить на противника и притворно умереть геройской смертью на глазах у всех. Это игра, которая лежит корнями в нашем русском менталитете.

Образ войны из художественных фильмов, когда орды немецких солдат с автоматами и с засученными по локоть рукавами идут на нескольких оставшихся в живых раненых советских солдат. У немцев сверкают каски, надвинутые на брови, они очередями поливают позиции наших. На заднем плане скрежещут гусеницами немецкие танки. Гибель наших неминуема. Паника и страх, ничто не остановит немцев. Но тут оживает русский пулемет в руках молодого солдата с рязанской внешностью, он зло и весело стреляет по врагам. Немцы падают на землю, кто-то больше никогда не поднимается, а кто-то в страхе ползет назад. Вот такое геройство, вот такую удачу нам показывали в кино. В детстве обычно веришь всему, но когда становишься взрослым и начинаешь всерьез интересоваться историей, то натыкаешься на мно-

жество несоответствий между тем, что ты знал о войне по фильмам и книжкам, и тем, что об этом пишут историки, какие цифры и документы приводят. Не замечать этих несоответствий просто невозможно – слишком велика разница между тем, что у всех на устах в качестве общепринятой «правды» и той правды, которая не выпячивает себя, а проявляется только при пристальном изучении цифр, боевых донесений и даже таких вот фотографий с мест раскопок.

Я уже тогда понимал, что поисковая деятельность – дело очень непростое. Для человека, который никогда не ходил в пешие туристические походы, это просто целый неизвестный мир. Оказалось, что Зяма в школе участвовал в туристическом кружке, ходил с рюкзаком за спиной по всяким маршрутам. А самое главное – его не пугала походная жизнь со всеми ее лишениями и тяготами. Меня она тоже не пугала.

Дело за малым – уговорить товарища поучаствовать в раскопках. Обычно после занятий мы выходили из здания журфака и спускались в подземный переход под Моховой улицей. Покупали пиво в ларьке и стояли, общались. И вот в один такой момент я предложил Зяме:

– Давай тоже как-нибудь съездим на места боев?

– Не вопрос! А куда?

– Да мест полно! Вон они почти до Москвы дошли, 40 километров не хватило, Кремль из бинокля виден был.

– Кстати, да. У меня дача есть под Крюково, там много памятников. Правда, там сейчас много дач. Наверное, нужно искать более глухие места.

– Да места найдем. Я в Интернете видел такое – техника, каски, пряжки, автоматы. Все валяется, а ведь прошло 60 лет. Это под Петербургом.

– Ну, до Питера ехать далеко. Что-нибудь поближе надо смотреть.

– Поближе? Сейчас навскидку: Ржев, Тверь, Наро-Фоминск, Калуга, Тула, Вязьма, Смоленск.

– Ржев? Да, про Ржев я слышал.

– Там более миллиона человек погибло. Бои шли и летом, и зимой.

– Сколько туда ехать от Москвы?

– Да километров 200—250 примерно. Только машина нужна. С вещами и рюкзаками в электричке тащиться, да потом еще по лесу идти до места – никаких сил не хватит. Тебя мама на «Фелиции» отпустит поехать за город?

– Да она-то отпустит. Только вот... Стремно как-то на иномарке ехать. Ну, сам подумай, приедем мы в деревню, там местные на нас посмотрят – номера московские, иномарка. И сразу начнутся всякие вопросы, дай денег на водку, а там недалеко и до проблем. Я на даче на такие разборки насмотрелся.

– То есть боишься ехать?

– Да не то чтобы боюсь. Да и «Фелиция» низкая, это машина для города, а не по деревенским дорогам ездить. Представляешь, застрянем мы там, на пузо сядем и что? Где-нибудь в глухомани окажемся, где телефон не ловит, до деревни далеко. И что?

– Что-нибудь придумаем, можно в деревню сходить, попросить помочь, вытолкать...

– Э, нет-нет. Придут местные, увидят пару москвичей с иномаркой в глуши. Машину заберут и все. А вокруг лес... Стукнут по голове, закопают в овраге, пропадем без вести. Лучше так не рисковать.

– Так что же теперь, вообще не ехать? Неужели только на джипе?

– Да, на Уазике или на джипе. Но джипа нет.

– Эх, ладно. Будем думать.

– Давай думай.

Вот так и начинались разговоры о возможных приключениях. Потом уже стало понятно, что с лопатами в лесу делать нечего. На местах боев сразу после событий ходили трофейные команды, которые подбирали оружие, забирали все мало-мальски ценное. Только крупное железо могло остаться после них. А затем уже после войны в лес приходили местные жители, собирали латунные гильзы от орудий, каски, пустые патронные ящики, одежду, остатки техники – в общем, все, что могло пригодиться в хозяйстве. И через 60 лет в лесу, где шли жестокие бои, где остались еще контуры окопов и блиндажей, уже ничего просто так на земле не валяется. Поэтому для раскопок необходим металлоискатель.

Покупка первого металлоискателя

Уже растаял снег, скоро весна должна заявить о своих правах. Хотелось куда-нибудь поскорее съездить покопать! За час поиска в Интернете Зяма нашел для меня на выбор два десятка различных моделей металлоискателей Fisher, Garrett, Tesoro, Ace, White's и других производителей. Немного разобравшись с техническими характеристиками и ценами на оборудование, мы поняли – это очень дорого. Тогда нам нужен самый простой и дешевый металлоискатель, какой только можно найти. Мы достали газету бесплатных объявлений «Из рук в руки» и стали искать подходящий вариант. Предложений было немного, в основном продавали бывшие в употреблении дорогие приборы.

Я взял газету домой, чтобы в спокойной обстановке изучить варианты. Вот предлагают какой-то индукционный металлоискатель, цена 3000 руб. Продавец Александр. Надо сказать, что тогда у меня не было денег на такие покупки. И Зяма благородно вызвался спонсировать покупку прибора. Позвонил этому Александру, и голос на другом конце провода мне сразу не понравился. Знаете, бывает такое, что вроде бы все нормально, но вот характер разговора и проскальзывающие в беседе интонации заставляют вас невольно напрягаться и быть настороже. В общем, договорились о том, чтобы посмотреть это чудо техники. Продавец назначил место и время. Спросил, на какой мы будем машине, указал, чтобы мы подъехали по такому-то адресу, остановились возле продуктового магазина на открытом месте и ждали его. Ну ладно, странно, но все же мы вдвоем и бояться нам нечего. Может, этому Александру есть чего остерегаться? Что же, копание – занятие для авантюристов. Это мы понимаем. Может, этот человек на самом деле очень опытный копатель-нелегал, и у него есть свои секреты, которые он тщательно бережет. Может, это именно он ведет себя грамотно, не раскрывает себя, а мы, как новички, этого всего не понимаем. Пока что вопросов больше, чем ответов. Ну да ничего. Даже любопытно посмотреть на опытного черного археолога!

И вот мы на месте, встали возле продуктового магазина, ждем продавца. Проходит минут 10 – к нам никто не подходит. Еще 10 минут прошли – тишина. Только уже собрались уезжать, как к машине подходит щуплый такой мужичонка. На вид из работяг, да только вот глазки бегают, взгляд хитрый, говорит быстро.

– Ребят, выходите прибор посмотреть!

Мы вышли из машины. Так и есть – мужичонка из тертых. Видать, успел посидеть за что-то. Сразу видно – пройдоха. Неужели и мы такими будем когда-нибудь? Развязывает тесемку на матерчатом мешке, достает из него прибор.

– Как его заряжать? Тут батарейка или аккумулятор? – спрашиваю его.

– Четыре батарейки обычные, – говорит Александр.

– Так, а в воду его можно погружать?

– Вообще можно, но не рекомендуется. Может закоротить.

– Какая у него чувствительность?

– Ну, гвозди видит на сантиметров 15.

– А каску как глубоко определит?

– Большой предмет типа каски или ведра определит на расстоянии до метра. На воздухе. В земле – это как повезет.

– Ага, ясно. А ударов он боится?

– Ударов боится все, даже человеческая голова, – шутит Александр. Ну так что, брать будешь?

– Ну что, Зяма, будем брать? – спрашиваю своего товарища.

Лично мне уже не хочется брать. Такое ощущение, что этот прибор он где-то случайно украл, а теперь пытается продать. Станный тип.

Зяма в растерянности. Он точно не знает, что же нам нужно, поэтому неуверенно качает головой.

– Нет, Александр, наверное, Ваш прибор нам не подойдет.

– Как хотите, дело ваше, – ворчит продавец, расстроено засовывает прибор обратно в мешок и быстро удаляется.

Садимся в машину. По пути домой обсуждаем поведение Александра. Оно не только мне показалось неприятным, Зяма тоже напрягся при виде этого человека. Значит, действительно что-то не так. Если бы он спокойно нас встретил где-нибудь в тихом месте, где нет людской толчеи, рассказал о возможностях металлоискателя и показал его в действии, то мы бы купили тогда этот прибор. Нам ведь не с чем было сравнивать! И лишь суетливость продавца, его нервозность и явное неумение продавать заставили нас отказаться.

А кто он был, это загадочный продавец? Если он продает прибор, которым раньше пользовался, то что он находил? Сумел ли он найти в земле что-то интересное? Или же, потерпев неудачу, решил избавиться от ненужного аппарата? Или он перешел на новый уровень, продает старый металлоискатель, чтобы купить новый и более мощный? Неужели действительно все копатели такие: подозрительные, хитрые и странные?

Вот такие мысли преследовали меня еще примерно дня два, пока в очередном выпуске газеты «Из рук в руки» среди импортных металлоискателей я нашел интересное объявление: «Продам МД в Москве. Цена 2500 руб.» Позвонил продавцу, чтобы узнать вкратце характеристики прибора. Мне ответила девушка, чему я очень удивился. Она сразу спросила, для чего он нужен, а узнав, что для копания по войне, сразу стала рассказывать о характеристиках. Она рассказывала легко и непринужденно, причем характер ее речи очень походил на тон статей о «черных» копателях, которые я читал в последнее время. Девушка представилась Юлией, рассказала, что они с мужем раньше много ездили на раскопки, в экспедиции. А теперь у них родился ребенок, и для раскопок совсем нет времени. В общем, слово за слово – договорились о встрече на следующий день.

Вечер, метро «Южная». Мы с Зямой снова приехали на его «Фелиции». заезжаем во двор по указанному адресу. Останавливаемся возле подъезда, ждем. Уже стемнело, из окон горит свет, выход из подъезда освещен яркой лампочкой. Ждем.

Наконец из подъезда выходят двое – молодой мужчина и девушка с металлоискателем. Они подходят к нам, мы выходим из машины.

– Здравствуйте, Юлия!

– Здравствуйте, Павел! Это мой муж.

– Здравствуйте, Михаил!

– Привет! Ну что, ребята, пойдём: посмотрим, протестируем.

Михаил повел нас всех в глубину двора, на детскую площадку. И тут я заметил, что он как-то странно прихрамывает, но в тот момент я не придавал этому значения. Мы подошли к песочнице. Юлия извлекла металлоискатель, и наше внимание оказалось прикованным к нему. Этот прибор был чем-то похож на то, что мы у уже видели в прошлый раз: прямая металлическая палка с ручкой, похожая на лыжную, к которой снизу было прикреплено плоской пластиковое кольцо, а под ручкой находилась черная пластиковая коробочка с тумблером. Юлия включила тумблер на приборе, и он громко запищал!

– Сейчас он подстроится и не будет орать.

– А громкость у него регулируется? – спросил Зяма

– Нет, не регулируется. Тут только один тумблер. Подстройка под грунт, он же «Вкл. – Выкл».

Юлия опустила металлоискатель ближе к земле и стала водить над ней. Затем она пошла вперед и прибор стал громко попискивать.

– Мусор, пивные пробки, – вздохнула Юлия.

– Если бы здесь не было бы замусорено, то не орал бы на каждом шагу, – Михаил явно знал толк в работе с металлоискателем.

Вот так мы протестировали металлодетектер, а потом Михаил неожиданно поинтересовался, для чего он нам нужен. Узнав, что для копания по войне, Юлия и Михаил заметно оживились. Они наперебой стали рассказывать, как копали подо Ржевом, как находили советских солдат, как доставали из-под земли каски. Видимо, они действительно знали, о чем говорят. Михаил даже отправил Юлию домой за книжкой и картой. Юлия вернулась довольно скоро, и Михаил показал нам книжку Хорста Гроссмана «Ржев-краеугольный камень Восточного фронта» и двухкилометровую карту Тверской области. Полистали страницы, посмотрели схемы из книги и сравнили их с картой. В общем, эта парочка нас обаяла. Мы с Зямой были уже рады одному тому, что нам встретились настоящие поисковики. Особо не совещавшись, мы с Зямой решили это прибор забрать. Отдали ребятам деньги, поблагодарили за рассказ. Они нам в свою очередь пожелали успехов, а на прощание Михаил бросил:

– Пацаны, будьте аккуратнее! Это вы правильно сделали, что металлоискатель купили. Я вот как-то с щупом работал, ткнул им не туда. Оказалось, прямо на взрыватель мины попал. Подорвался, короче. Теперь вот ноги нет, с протезом хожу. Удачи вам!

И они с Юлией пошли к подъезду. А в ярком свете лампочки мы видели две фигуры, из которых одна заметно хромала.

Вот так. Эхо войны. Слава Богу, он жив остался. Дай Бог им здоровья!

Нас этот пассаж не смутил. По крайней мере, я отнесся к этому философски. Я знал точно, что никогда не буду вести себя с взрывоопасными предметами неблагоразумно.

Зато теперь у нас есть металлоискатель, и мы его заставим искать для нас металлы!

Реанимация «копейки»

Теперь остается решить вопрос с транспортом. У меня в гараже стояла старая отцовская машина. Это были «Жигули» 1972 года выпуска. От этой машины так и пахло советской властью. Незамысловатый дизайн, почти 100% родных деталей, повсюду следы вмешательства бывшего владельца. После смерти отца в 1995 ее никто не трогал. Копать – так копать, ездить – так ездить! На такой машине нас в любой деревне примут за своих и точно никто пальцем не тронет. «Копейка» – это символ борьбы с капитализмом и бездорожьем, куда уж до нее какой-то «Фелиции»! Мы с Зямой решили поставить этот автомобиль на ход. Решали-то мы вместе, а вот дальше от участия в процессе ремонта Зяма уклонился. Не то чтобы он не разбирался в техническом устройстве автомобиля. Он разбирался, но вот чтобы самому что-то сделать – это для него было затруднительно по причине лени. Он отделался тем, что купил только новый аккумулятор. В общем, для восстановления машины я позвал своего старого друга Ламкина. Сам бы я не сообразил, что нужно заменить и на какие детали необходимо обращать внимание.

Машина стояла в гараже 6 лет без движения, у нее до сих пор остались старые советские номера – белые буквы на черном фоне. Мой отец очень берег ее, следил за техническим состоянием, и машина нашу семью никогда не подводила. В принципе, там и восстанавливать было нечего. Мы с Ламкиным установили аккумулятор, поменяли передние тормозные колодки и залили тосол. Все! Попробовали завести двигатель, и он завелся с первого раза. Более того, машина сама поехала. Забегу вперед и скажу, что груженная вещами под завязку и с четырьмя пассажирами в салоне она спокойно разогналась до 100 км\ч. Я даже пару раз выезжал показаться на ней по своему району, сделав несколько кругов почета. Что было немного рискованно, поскольку машина не была оформлена на меня, да и водительских прав я тогда не имел.

Но вот мы все сделали, и теперь осталось съездить в ГИБДД, снять ее с учета и оформить по новой. Когда Зяма сел за руль, и мы поехали на машине по городу, выяснилось, что глушитель не глушит, а указатели поворота отказались работать. Вот так мы и приехали к автоинспектору с орущим мотором, показывая направления поворота голыми руками. На всю процедуру переоформления ушло полдня, и вот у нас есть автомобиль на ходу с новыми номерами. Даже техосмотр проходить не нужно было, поскольку выдача новых регистрационных знаков тогда давала фору в 30 дней для ремонта. Дома уже поменяли предохранители в реле, и все поворотники снова ожили. Глушитель не стали менять, поскольку это было трудоемкое занятие, а на носу уже был конец апреля. Решили ехать так, и будь что будет.

Первый выезд

Желание копать есть, металлоискатель есть, и даже средство передвижения есть. Куда едем? Естественно, в Тверскую область, ведь о ней так красочно рассказывали люди, продавшие нам металлоискатель. Я купил такую же карту-двухкилометровку, и сел составлять маршрут. Согласно отечественной историографии, Ржевская битва состоит из нескольких боевых операций, которые длились целый год с лишним – с января 1942 по март 1943. Сам Ржев как вариант был отброшен по причине излишней известности. Туда многие ездили и ездят, там уже все исхожено и выкопано, думал я. А нам нужно искать свое место, где бы можно было начать практику и попробовать свои силы на нетронутой территории. Надо сказать, что всю зиму до этого я сидел в библиотеке и изучал мемуары советских полководцев, читал хроникальные произведения о битве под Москвой и на дальних подступах. Уже тогда стало ясно, что маневренный характер боевых действий в 1941 году подразумевает большое рассеяние отдельных огневых стычек. Сколько раз нашим войскам отдавали приказ занять оборону, укрепиться на рубеже, а потом оказывалось, что немецкие части уже пробили брешь в обороне левее или правее, и наши бойцы остались в тылу. Поэтому им приказывали отойти назад, пробиваться с боями через окружение. А что такое пробиваться? Это значит – идти в атаку на подготовленные позиции. Как известно, в атаке соотношение потерь между атакующими и обороняющимися примерно 20 к 1. Вот так бойцы Красной Армии в 1941 и гибли из-за того, что командиры не могли согласовать между собой действия отдельных частей на участке, не предвидели молниеносный характер немецкого наступления, не умели воевать.

С точки зрения поиска, маневренные бои представляют самую большую сложность. Ведь нет никаких окопов, широких полос обороны. Все действия происходят спонтанно: кого где застали – там и сражаются. Забегу вперед и скажу, что в процессе поиска в лесу, где проходил маневренный бой, на поверхности земли можно не обнаружить никаких следов войны – ни окопов, ни землянок, ни артиллерийских воронок. Зато под ворохом листвы по всей территории этого леса можно найти ржавые винтовки, части оружия, элементы снаряжения, россыпи патронов, останки солдат с обеих сторон.

Места маневренных сражений для начала поисков я отверг сразу. Это значило бы, что нам придется слишком много ходить по лесам, проверять с помощью каждый кустик. А хочется же всего и сразу. Именно желание найти все и сразу двигало нами на начальном этапе. Оттого-то я и стал искать ближайшие к Москве места, где надолго остановилась линия фронта. После долгих изысканий и сравнений, я пришел к выводу, что такие места находятся уже на западной и северо-западной границе Московской области. Все, что ближе – следы маневренной войны, где зона действий двигалась то в одну, то в другую сторону. Кроме того, на расстоянии ближе 80 км от Москвы всегда было много деревень. Сразу после того, как немца погнали назад, туда стали возвращаться местные жители. Они-то и были первыми черными копателями. Тогда каски, винтовки, пулеметы и прочее оружие из леса и с полей собирали грузовиками. Немецкие войска на ближних подступах к Москве потеряли много техники: грузовых автомобилей, легковых автомобилей, легких и средних танков, орудий и минометов. Все это, в основном в исправном состоянии, попадало советским войскам в качестве трофеев. Морозы в ноябре-декабре 194 года сковали действия немецких дивизий, которые не были обмундированы по такой погоде. Действительно, когда Красная Армия перешла в контрнаступление под Москвой, то она погнала немцев обратно на запад, но силы наших тоже были на исходе. А уж когда Гитлер в январе 1942 издал приказ «Держаться до конца», то немцы вкопались в землю, выстроили долговременную линию обороны. Вот эту-то линию и надо было нам найти.

Надо ли говорить, что все поиски перспективного места проходили среди кучи разных книг, вороха бумажек с пометками из них и несколькими картами? Для человека, который раньше никогда не искал информацию подобного рода, такое занятие кажется очень утомительным. Пару раз я приглашал Зяму на такие посиделки ко мне домой, и каждый раз его хватало не более чем на 1,5 часа. Дальше уже у него мозг отключался, и он отказывался продолжать. У меня мозг тоже переставал работать, и названия десятков и сотен деревень крутились в сознании эдаким калейдоскопом. Но я понимал, что кроме меня этими вычислениями никто заниматься не будет, и на следующий день я заставлял себя снова открывать книжки, помечал интересные места и искал их на картах. Тем, кто только начинает свой путь в военной археологии, я настоятельно советую поступать именно так. Пусть это нудно, тяжело и на первый взгляд кажется пустой работой, но так Вы через какое-то время научитесь читать карту, разовьете зрительную память и способность запоминать названия деревень. Это очень важные навыки.

Спустя еще какое-то время Вы поймете, что казавшиеся поначалу перспективные места совсем невыгодны в плане поиска, тогда как совсем неприметные уголки, о которых нигде не написано и которые никогда не были упомянуты в качестве мест, где шли тяжелые бои — как раз таковыми и являются. К тому же, все действия всегда проще планировать на бумаге. Если бы такая работа не была нужна, то и в армии не было бы штабов. Копатель — по сути военный, только оружие не носит. Из снаряжения только карта, компас, лопата и металлоискатель. Средства передвижения и предметы быта — по желанию. Копатель еще и потому военный, что все его оружие находится в лесу, и ему его еще предстоит найти. Осознание всего этого ко мне пришло гораздо позже, а пока мы и не знали даже, с чем мы столкнемся в лесу, чего же нам ожидать. Вот это-то и было интереснее всего.

В Тверской области линия фронта установилась зимой 1942 года на рубеже между Княжьими Горами и Погорелым Городищем. В районе Княжьих Гор располагались резервы советских войск. Все окрестные деревни были уничтожены в предыдущих боях. Кроме того, у немцев был приказ — не оставлять советским войскам ни одного целого строения, ни одного литра бензина, ни одного дерева. Это была тактика выжженной земли. Чтобы выжить в таких условиях, солдатам приходилось в лютый мороз долбить закаменевшую землю, строить себе укрытия, рыть окопы. Немцам тоже пришлось несладко, но у них за спиной были теплые хаты, из которых они выгнали крестьян, у них были подготовленные надежные огневые точки, на них работали тысячи военнопленных.

Мы решили на все майские праздники поехать именно в эти места, чтобы дебютировать в качестве копателей и археологов. Предполагалось, что по Рижскому шоссе мы доедем до начала Тверской области, проедем Князьи Горы и свернем на деревню Новое. Параллельно дороге Ботино — Новое течет извилистая река Держа, с которой советские войска начали свое контрнаступление согласно плану операции «Марс». У нас будет 10 дней, чтобы разведать места вдоль реки, а если мы ничего не найдем интересного, то есть еще запасной вариант — доехать до Погорелого Городища, спуститься на юг и посмотреть места в районе Раково, Праслово, Денежное и Акулино. То есть это уже те места, где немцы тогда держали оборону.

Десять дней — это достаточно много для первого выезда. Мы все рассчитали так, чтобы запастись едой на все это время, чтобы не отрываться от копания и не ездить куда-то закупаться дополнительно. Зяма сказал, что вместе с ним поедет его подруга Юлька, а также его лучший друг Серый. Юлька училась вместе с нами в одной группе, и они с Зямой к тому времени встречались уже полгода. Ну, нормально, не скучно будет, да и Серый в качестве рабочей силы не помешает. Сережа, он же Серый, — бывший одноклассник Зямы. Они в школе были очень

дружны, вместе работали на конюшне в Строгино. Про Серого я знал только то, что он большой любитель выпить и потусоваться, и что копанием он никогда не интересовался. Ну что же, если Зяма с ним дружит, то и я смогу найти общий язык. Моя подруга Аня, которая тоже училась вместе с нами на журфаке в одной группе, ехать отказалась. Впрочем, в итоге она все равно оказалась в нашей компании на этих майских. Но обо всем по порядку.

Я нашел в гараже большую четырехместную палатку из брезента. Также мы купили три маленькие саперные лопатки. Металлоискатель у нас есть. Вот и все снаряжение. Как я уже упоминал, еды мы взяли много, да еще Зяма взял пару бутылок водки:

– Обязательно надо брать с собой! Обязательно! Это же в деревне жидкая валюта! Если где-нибудь застрянем, то попросим местных, и за пузырь они нас вытащат на руках. К тому же, водка – она и есть водка, лучше ее отдать, чем деньги светить. Ну, а если все будет нормально, то мы с Серым сами ее выпьем, – разглагольствовал Зяма.

Надо признать, доля истины в его словах была, да и все логично. Я тогда даже почувствовал себя совершенно неприспособленным к таким вещам, как умение договариваться с местными и решать вопросы вот таким небанальным образом.

Вот так мы и поехали – на только что починенной и поставленной на учет «копейке», 3 молодых человека и одна девушка. Старт назначили на 1 мая.

Рано утром Зяма вместе с Юлькой и Серым приехал на «Фелиции» ко мне. Мы выкачали «копейку» из гаража, поставили туда Зямину машину и стали загружаться. В мыслях уже были просторы, леса, поля. Выехали на МКАД где-то в 9 утра, доехали по нему до Строгино и встали на Новорижскую трассу. До Волоколамска дорога была очень хорошая – направления движения по 3 полосы разделены широким разделительным газоном, а кое-где на нем еще есть и отбойник. До Волоколамска асфальт был хороший, мы это расстояние преодолели быстро и незаметно. На этой трассе наша «копейка» спокойно держала скорость в 100 км\ч. Конечно, в салоне было шумно, зато советские амортизаторы работали как надо, и ехать было достаточно комфортно. А вот потом дорога сузилась до двух полос в одну сторону. Кроме того, как только закончилась Московская область, хороший асфальт исчез, и дальше было сплошное огорчение – повсюду выбоины, трещины в асфальте и на полотне глубокие колеи от грузовиков.

Зяма вел машину, я сидел на переднем пассажирском сиденье, а Юлька с Серым сидели и спали на заднем сиденье. Свежий воздух дул в лицо даже через закрытые окна, прорывался в легкие и заставлял дышать полной грудью. Я сидел с картой в руках, и все время сверялся с ней. Это был мой первый выезд, и я ловил себя на том, что мне очень нравится переживать ожидание неизвестности. Что там будет в реальности? Как выглядят эти места, которые на карте показаны синей извилистой линией реки и округлыми очертаниями лесов? Как на самом деле выглядят места, где 60 лет назад шли тяжелые бои? Чем они отличаются от мест, где войны не было?

Вот такие мысли кружились у меня в голове, как вдруг мои рассуждения прервал Зяма:

– Когда с трассы сворачивать будем?

– Так, нам надо проехать Князьи Горы и, не доезжая до Погорелого Городища, свернуть налево. Там будет указатель на Ботино.

На самом деле я не знал, будет ли там указатель на Ботино, но при движении от Москвы на небольшом расстоянии от Погорелого Городища есть только один поворот налево.

Неожиданно справа мы оба увидели указатель, который гласил, что мы въезжаем в Погорелое Городище! Значит, мы уже проехали наш поворот!

В Погорелом мы остановились на рыночной площади. Это было Первое мая, народ вокруг суетился, кто-то что-то продавал, а кто-то покупал, везде была какая-то активность. Мы вышли из машины, чтобы оглядеться.

Настоящая сельская местность. Наша «копейка» и правда ничем не выбивалась из пейзажа, поскольку вокруг были тоже в основном старые советские машины. Выдавали в нас москвичей собственно московские номера на машине и подозрительно белые лица. Да, вокруг все люди были загорелыми. Мне стало как-то неуютно. Тут Зяма вспомнил, что у нас, оказывается, нет кастрюли никакой. Интересно, а как бы мы стали готовить еду? Этот вопрос нас волновал меньше всего, поэтому-то мы о кастрюле и забыли. Не беда, Серый вызвался с Зямой сходить в селпо и купить кастрюлю. Да, немного о Сером. Зная, что нас ждет 10 дней жизни на природе, он не взял с собой вообще ничего. На нем были кроссовки, джинсы и кожаная куртка-косуха. Он не взял с собой ни кружки, ни миски, ни вилки, ни ножа, ни даже спальника. У Серого вообще не было вещей! Когда я спросил его, что он думает обо всем этом, он тут же парировал:

- А я буду спать в машине!
- Одежда сменная у тебя есть хотя бы?
- Нет. Да забей, мне джинсы не жалко.

Это только потом я понял, что Серый ехал не копать, а выпивать. Собственно, именно для этого его Зяма и пригласил. Но это все раскрылось только через некоторое время.

Итак, кастрюля у нас есть, теперь нужно выехать из Погорелого Городища, проехать 3—4 километра обратно в сторону Москвы и свернуть направо.

Сказано-сделано, поехали по Рижской трассе, уже медленнее, чтобы заметить поворот. На самом деле там не было вообще никакого указателя, и если бы не карта, то мы бы вряд ли добрались до места.

Уже греет солнце, время примерно половина двенадцатого, а мы уже свернули с трассы и едем по той самой дороге. А вот справа за пригорком виднеется излучина реки Держи. Боже мой, какая красота, какая вольница! На поле еще не взошла трава, все вокруг видно как на ладони. Я открыл окно и любовался видом. Вот мы проехали еще километра 2 по этой дороге и решили остановиться.

Вышли из машины и стали осматриваться. Слева поле, за ним лес, и видна железная дорога. Справа поле, за ним речка, а за речкой более высокий берег. Да, именно тот высокий берег и был немецким, а это поле было исходным рубежом, с которого советские дивизии пошли в атаку. Ба, а поле-то все перерыто воронками! Круглые такие воронки, где может поместиться целая «Газель». Стоит присмотреться повнимательнее, и замечаешь торчащие то там то здесь листы железа, бесформенные железяки. Вот они, места боев!

Итак, господа, именно с этого места, с участка между деревнями Новое и Ивановское мы и начнем наш славный путь.

Мы поставили машину на обочине, потом что Зяма отказался съезжать на поле:

– Я боюсь, что обратно на дорогу не заеду. К тому же, все поле в рытвинах, а еще если дождь пойдет, то увязнем по крышу.

Действительно, съезд с дороги на поле был разбит, видимо, он предназначался для тракторов и грузовиков.

Хорошо, тогда дальше пойдем пешком. Мы достали из машины лопаты и металлоискатель, и пошли на поле. Прошли метров 300, вот уже и машина на обочине дороги стала совсем маленькой. А впереди уже и поле закончилось, вот он спуск к реке, видны обмелевшие пороги, какая-то старая переправа на другой берег. Вот по этой кромке поля мы и будем ходить. В принципе, можно будет даже как-нибудь попробовать переправиться на высокий берег и походить там, но это не к спеху. У нас же есть 10 дней впереди, чего торопиться?

Я взял в одну руку металлоискатель, в другую лопату, и мы все толпой стали ходить. Сначала нам попадались мелкие осколки металла, потом выкопали связку ржавых и почти рассыпавшихся в труху гвоздей.

– А что вы думали? Что сразу пойдут золотые или серебряные монеты? – злорадствовал Серый, – Это был деревянный ящик. Доски сгнили, а гвозди остались.

– Да, ты прав, точно был ящик.

Не помню, сколько мы вот так ходили и копали, но в итоге нам еще попалось несколько гвоздей, ржавое железное кольцо – как будто от лошадиной сбруи, кусок какой-то стальной пряжки и, самое интересное, регулировочная стальная пластина от советского противогаза. Вот это уже прямая отсылка на то, что здесь действительно была война, и мы можем действительно что-то найти из этого времени. Немного устав, мы решили пройти к самой кромке поля, чтобы посидеть на берегу речки. И уже на подходе к кромке мы заметили огромную яму правильной конусообразной формы, примерно 3 метра в диаметре и более двух глубиной. Конечно же, это была воронка от авиабомбы. Зяма с Юлькой присели на траву отдохнуть, а мы с Серым полезли в воронку. Она была сухая, внутри уже сквозь землю пробивалась молодая травка. Я стал прозванивать металлоискателем воронку, и прибор тут же запищал. Серый начал копать в этом месте и наткнулся на кусок железа, которое противно скрипело под лопатой, когда Серый пытался его поддеть. Видимо, кусок железа был большого размера. Серый продолжил копать, а я решил подняться из воронки наверх и посмотреть, нет ли здесь еще поблизости воронок или окопов. Походив минут 10 вокруг и не найдя больше ничего интересного, я вернулся к Серому. К этому времени он уже обкопал железку со всех сторон. По конфигурации это был либо металлический ящик, либо кусок борта от какой-то техники. Толщина металла была небольшая, кое-где он прогнул насквозь. Мы позвали Зяму и решили вытащить втроем эту железяку из земли. А поскольку никто не догадался взять с собой из машины садовые перчатки, которые мы по совету копателей все-таки купили, то пришлось тянуть голыми руками. А ими особо много не натягаешь. Серый передал лопату Зяме, и тот стал обкапывать железяку дальше. Когда он устал, то его сменил я. Эта железяка была с какими-то ребрами жесткости и проушинами. Через минут 30 общими усилиями и под восторженным взглядом Юльки мы втроем выволокли эту железку из земли. Это была какая-то бесформенная груда железа, которая, судя по состоянию металла, осталась здесь с войны. Вот такой был наш первый результат. На лицах ребят читалось удивление, смешанное с радостью от выполненной работы. Мы сделали это!

Обменявшись впечатлениями, мы поняли, что это все хлам и мусор, который в свое время сбросили с поля в воронку, чтобы не мешал сельхозработам. А значит, нам надо искать дальше, причем в эти воронки смысла залезать и копать нет – там будет только подобное. Я передал металлоискатель Зяме, и он с Юлькой пошел по полю.

– Если тут жили люди, то они наверняка здесь что-нибудь потеряли. Как минимум пару монет мы сейчас найдем! – кричал Зяма издалека.

– Давай, давай, позови, когда будет что-нибудь интересное! – кричали ему ответ мы с Серым. Было очень жарко, мы уже устали, но при этом глаза у каждого горели энтузиазмом. Мы не знали, что мы можем найти на этом поле, но не надо забывать, что есть еще вон тот противоположный берег, а потом – мы на колесах. Захотим – поедem в другое место, в конце концов, карта у нас есть, времени тоже вагон, и еды мы с собой взяли на целых 10 дней.

Юлька вернулась минут через 15. Она стала рассказывать, что там, на поле, им стали попадаться куски кирпичей, оплавившиеся осколки стекла и куски фарфора. Мы все пришли на то место, где Зяма ковырялся среди каких-то черепков.

– Давайте, копайте здесь! Тут кирпичи мешают, а там внутри что-то пищит нехило, – с этими словами он передал лопату мне.

Я начал копать. Вообще, малая саперная лопата – вещь удобная в переноске и транспортировке. Но вот копать ей большую яму, или колупать битый кирпич вперемешку с землей – очень монотонное занятие. Из-за короткой ручки приходится садиться на землю, и вот так в три погибели двумя руками ворошить землю, выковыривать фрагменты кирпичей, камни. Когда я устал, то меня сменил Серый, а его снова сменил Зяма. Я отошел от этого места и посмотрел на весь процесс со стороны: двое парней и одна девушка склонились вокруг какой-то маленькой ямки, в которой один из молодых людей что-то скрежещет лопаткой. Жалкое зрелище.

Апофеозом этого труда было вот что – под кирпичами притаилась большая ржавая консервная банка! Она действительно сильно фонила, и было непонятно – современная это банка или лежит тут еще со времен войны?

Вот мы уже все подустали, присели на травку и стали обсуждать ситуацию.

– Надо ехать дальше, тут слишком близко от дороги и от шоссе, – авторитетно заявил Зяма.

– Ребята, я тут на берегу видела разбитые бутылки и место для костра. Там несколько кирпичей еще лежало, – это Юлька доложила о результатах увиденного.

– А мне пофигу, можно и здесь походить еще, – молвил Серый.

– Ладно, давайте сейчас сходим к машине, возьмем воды попить, а там решим – копаем здесь или едем дальше.

Когда мы устало подошли к середине поля, откуда уже можно было увидеть машину, то Юлька испуганно вскрикнула:

– Ребята, там машина какая-то стоит!

У меня появилось нехорошее предчувствие. Возле нашей машины действительно стоял красный «Москвич-2141» с тонированными стеклами. Что он тут делает? Это местные? Грибники? Что делать будем? Прятаться поздно, они уже нас наверняка увидели. Ладно, пойдем как ни в чем не бывало.

А как можно идти как ни в чем не бывало, когда у Серого на плече металлоискатель, у нас у каждого в руках по саперной лопате, и все мы, как оказалось, вымазаны в земле?

Подходим к нашей копейке, я осторожно смотрю, что же это за «Москвич». У него твердые номера, в машине сидят люди. Четверо мужчин. Я открываю нашу машину, и в этот момент из «Москвича» выходят эти четверо – трое молодых людей примерно 25 лет и мужик лет 35—40. Молодой, который сидел рядом с водителем, достает из машины красную папку, поправляет на поясе кобуру с пистолетом и идет ко мне.

Менты! Что делать? Что врать? Врать бесполезно, поэтому буду говорить все как есть.

– Старший оперуполномоченный Иванов! Zubцовский отдел внутренних дел. Прошу предъявить ваши документы. Показывайте документы все, а также документы на машину.

Водитель «Москвича» сначала наполовину вылез из машины, а потом все-таки хлопнул дверью и тоже подошел ко мне.

Что делать? Такого поворота мы не ожидали! Сердце бешено стучит, мозг лихорадочно подбирает фразы. Как поведут себя Зяма, Серый, Юлька? Зяма уже с готовностью хлопает себя по карманам и протягивает этому менту документы. Серый с видимым безразличием тоже отдает паспорт второму пассажиру. Немолодой дядька, видимо из местных, обошел нашу копейку, заглянул через стекло в салон. Я тоже отдаю менту свой паспорт. Юлька совершенно спокойно делает то же самое, и по ней одной видно, что ее происходящее совершенно не пугает и не напрягает. А я вот думаю: мы что-нибудь нарушили? И тут же себе отвечаю: а кто ж его знает? Но знаю одно – ни за что не признаваться ни в чем, а главное – ничего не подписывать. Да, ситуация: мы сейчас в Тверской области, неизвестно где, не прошло и трех часов, да что там – в первый же день нас уже остановили менты.

Собрав наши документы, мент передает их водителю:

– Перепиши данные.

Второй тоже обходит нашу машину, заглядывает в салон и говорит:

– Откройте салон и багажник для осмотра.

У меня сердце стучит как отбойный молоток, в висках отдается глухими ударами. Медленно открываю багажник и двери в машине. Второй сует нос во все места, роется в вещах, заглядывает в бардачок. В это время слышу, как немолодой мужик тихо говорит водителю, который переписывает наши данные:

– А, это копатели, из Москвы. Сейчас мы у них металлоискатель заберем.

Мент меня спрашивает:

– Что здесь делаете?

– Остановились на обочине, – отвечаю, а сам чувствую, как голос предательски дрожит.

– С какой целью?

– Опробовать металлоискатель, – говорю, а в это время Серый как раз стоит напротив с прибором в руках.

– Что, копатели?

– Нет, мы выехали на природу, вот взяли с собой металлоискатель попробовать.

– В районе проводится операция «Арсенал». Оружие, взрывчатые вещества с собой есть?

– Нет, что вы!

– Что здесь копали, что нашли?

– Да так, гвозди в основном. А вот еще какая-то застежка от противогаза, – пытаюсь косить под дурачка. Хочу все преподать так, что мы обычные туристы, выехали попить на майские праздники за город, да и взяли с собой металлоискатель.

По сути, так оно и есть: мы еще ничего не накопили, никакого оружия и взрывчатых веществ у нас нет. Так что можно ничего не бояться. Вот уже и сердце не так сильно стучит.

Тут вступает в разговор второй:

– А документы на металлоискатель у вас есть?

– Нет, мы его с рук покупали. Не было никакого документа.

Первый мент, похоже, просек фишку:

– Ну-ка, дай посмотреть! Слушай, да он какой-то странный. Сертификат на него есть?

– Да не знаю, это же российский прибор. Самый простой металлоискатель! – я уже начинаю немного паниковать. А ведь действительно, к нему была бумажка со спецификациями. Но там ни номера, ни какого другого официального штампа не было.

– Есть, есть к нему бумажка какая-то. Но там просто описание и инструкция, – пытаюсь как-то выкрутить. Я уже понял, что мы им не нужны, они хотя забрать у нас прибор!

– А вдруг он запрещен к обороту? У него ведь нет сертификата? Да и у вас паспорта на него нет. Был бы паспорт, тогда другое дело, – разводит нас первый мент. —Значит так, сейчас выпишем вам протокол на изъятие. Вы распишетесь, а после первых майских приезжайте с той инструкцией в Зубцов, прямо к начальнику ОВД. И там будете ему доказывать, что он разрешен к обороту.

Подписывать? Я точно знаю, что нельзя ничего подписывать! На каком основании они забирают у нас металлоискатель? Но мы на чужой земле, мы здесь впервые, мы чужаки. От этой мысли становится страшно. Боже, только первый день поездки, а у нас уже проблемы.

– Никому ничего не подписывать, – бурчу я в сторону ребят, а сам в это время утрамбовываю багажник после того, как там порылись.

Тут снова рисуется немолодой мужик:

– Это ты-то не подпишешь? Подпишешь все, что тебе скажут! – заявил он по-хамски.

Кто он такой? Тоже мент или просто колхозник? Или тут у них мафия вообще, все повязаны? Скорее всего, так и есть – все друг другу родня. Да, попали мы. Зяма тоже как-то изменился в лице, Юлька стоит в сторонке в полном спокойствии, а Серый присел на обочину и курит.

– Паш, ладно, не надо. Подпишем, и все. Хрен с ним, ничего страшного, – уговаривает меня Зяма, пока первый мент идет ко второму за протоколом. А мне обидно! У нас забирают прибор, а мы только начали копать, у нас еще целых 9 дней впереди. А тут такой облом – прибор сейчас точно заберут. Вроде как обещают отдать, но каким образом – предлагают в будний день самим приехать в город Зубцов, прийти прямо к начальнику ОВД и там доказывать ему, что это наш металлоискатель, и что он не запрещен к обороту.

Неизвестно, что еще будет с нами сейчас. Но вроде нас задерживать не собираются. Это уже хорошо.

– А вы к кому-то приехали или сами по себе? – сменил тон немолодой мужик.

– Мы сами по себе, вот ехали, видим место красивое, и решили здесь остановиться, – мягко так отвечает Зяма.

– Ну так вот что, отдыхать – отдыхайте, а копать тут не надо. Один мужик тут копал, у него дома кучу оружия нашли. На четыре года пойдет теперь, – толкует мне первый мент. – Вот у нас план операции, вот показано, кто сколько сдал. На, смотри.

Я смотрю на разлинованную бумажку. Действительно, реквизиты Зубцовского ОВД, вот графа «Сданное оружие»: винтовки Мосина, щиток к пулемету Максим, гранаты. Да, видимо, здесь действительно богато раскидано этого по округе. Ну надо же так было попасться, в первый день! А вообще хорошо, что еще ничего мы не нашли подобного. Тогда они могли бы и по-другому с нами говорить.

В общем, все мы подписали этот протокол об изъятии нашего металлоискателя. Ясное дело, нас развели и отобрали его на пустом месте.

«Москвич» укатил в сторону трассы, а мы остались рядом с «копейкой». В руках лопаты, настроение у всех испорчено. Вот он, финал – еще первый день не закончен, а нас уже ограбили, и не кто-то, а менты. Зяма сразу начал меня успокаивать:

– Не переживай из-за металлоискателя. Хорошо, что так дешево отделались. Не стали бы подписывать, могли бы всех избить и забрать в ментовку. Вот там точно бы мы попарились. Ладно, в Москве можно такой вопрос быстро решить, а это 250 километров от Москвы. Кому ты тут что будешь доказывать? Они же тут все повязаны, а этот мужик вообще непонятно кто.

– Да, мне только мент с пистолетом документы показал. А остальные вообще кто такие были? – я не могу поверить, что все наши старания потрачены впустую, все мечты разбиты и планы сорваны. Куда мы теперь поедem без металлодетектора? Что теперь вообще делать?

В полном молчании мы находились несколько минут. Наконец Зяма собрался с духом и предложил:

– Короче, надо отсюда уезжать поскорее. По крайней мере, уехать из этой Тверской области. Ну-ка, дай карту.

Я достал двухкилометровку, Зяма склонился над ней:

– Так мы вот здесь? Ага, вот граница. Слушай, а вот здесь, в Московской области есть неплохое место. От Шаховской на юг километров пять, потом на запад и начинается Верхнерузское водохранилище. Поскольку мы уже собрались, а нас так обломали, то смысла возвращаться в Москву нет никакого. Поехали на водохранилище, покупаемся, отдохнем, а там посмотрим.

Мы сели в машину, выехали на трассу и поехали назад. В Шаховской Зяма с Серым сходили в магазин и купили целый ящик бутылок пива «Волга». Ну все, вот и сбылась их мечта. А моя мечта втоптана этими ментами в грязь. Хоть бы посмотреть на то, что они собрали в качестве трофеев за эту операцию «Арсенал». Хоть бы на щиток от пулемета Максим глянуть. Эх!

Приехали мы на водохранилище. Место и вправду оказалось очень живописным. Такой полуостров, есть маленькая полянка. Вот там можно установить палатку, рядом развести костер. На самом конце полуостровка есть спуск к воде – можно купаться. Над спуском наклонилось дерево, с веток спускается обрывок «тарзанки». Место и правда весьма курортное. Что ж, остановимся пока здесь.

Установил палатку, разложили вещи, распаковали еду. Машину оставили недалеко, чтобы была под присмотром. Хотя это наши чисто городские заморочки – до ближайшей деревни Черленково отсюда не меньше 2-х километров. Кстати, пока мы ехали к водохранилищу, я успел заметить в Черленково полуразрушенный храм, у которого вся колокольня была в пулевых отметинах. Надо же, и тут была война. Судя по всему, и тут тоже можно было покопать, будь у нас металлоискатель. Но об этом пока можно забыть – надо прийти в себя и осмыслить произошедшее за сегодняшний день.

Так мы отдыхали на берегу дня два, уже хорошо успокоились и я почти не сожалел о случившемся. Действительно, мы все живы и здоровы, отделались лишь потерей металлоискателя. Зяма, который потратил на него свои деньги, совсем не переживает о финансовой стороне вопроса. Они с Серым пьют пиво и ловят рыбу на закидушку. Юлька тоже всем довольна, загорает и дышит свежим воздухом. В общем, решил и я позвонить своей подруге Ане, чтобы она приехала сюда и отдохнула вместе с нами. Она долго сопротивлялась, все спрашивала про бытовые условия здесь. Всей компанией уговаривали ее приехать, обещали чистый воздух, отличную погоду и хороший отдых. Надо сказать, что все 10 дней погода и вправду была просто чудная, ни разу не шел дождь. Договорились, что Аня завтра сядет на электричку на Рижском вокзале, приедет в Шаховскую, а мы ее заберем со станции. Наутро я проснулся первым, стал будить Зяму. Он долго отбрыкивался, а когда в итоге проснулся и умылся, оказалось, что мы опаздываем к поезду. Пока ехали в Шаховскую, я заметил, что указатель заряда аккумулятора на «копейке» стал моргать. Нехороший признак, однако.

Забрали Аню на станции. Как оказалось, она прождала нас 40 минут, и уже было собралась уезжать обратно. Мне стало стыдно, что все так вышло. Пока ехали к месту стоянки,

я снова заметил, что лампочка недостатка заряда аккумулятора не просто моргает, а горит не переставая.

Аня пробыла с нами всего 3 дня, а потом ей наши условия пребывания показались скотскими. Действительно, горячей воды нет, ночуем в палатке, воду для приготовления пищи берем в водохранилище. Хорошо еще, что кипятим. Мы снова завели копейку и поехали отвозить Аню на станцию. И надо же такому случиться, что перед поворотом на прямую дорогу к Шаховской наша «копейка» заглохла! Попытались ее заводить стартером, толкали ее с горочки – все бесполезно. Стали ловить машину, чтобы «прикурить» аккумулятор. Из легковых никто не останавливается, а время идет – Аня опаздывает на электричку. В итоге возле нас остановился грузовик «Урал» армейского образца. Мужик-водила вышел из кабины, выслушал нас:

– Пацаны, проводов, чтобы «прикурить», нету. Сейчас вот сзади едут ребята, они могут вашу девушку довести до станции.

Через пару минут приехала рыжая «копейка», почти такая же, как наша. Там сидели деревенские ребята примерно нашего с Зямой возраста, с открытыми простыми лицами. Мужик объяснил им ситуацию, и они согласились довести Аню до станции. Благо, ехать всего 2 километра. Я посадил ее в эту рыжую «копейку» с легким сердцем, потому что не чуял никакого подвоха.

Забегая вперед, скажу, что все закончилось благополучно – местные довели ее до Шаховской, она успела на электричку и уже из дома отзвонилась нам, что все в порядке.

Ну а мы с Зямой остались вдвоем на дороге у остывающей «копейки». Постояли, посидели, решили попробовать ее завести со стартера. Ну знаете, бывает так, что аккумулятор разрядится, а потом постоит, и снова есть заряд. Зяма крутанул ключ зажигания – и «копейка» завелась с полоборота! Ура! Быстрее едем к стоянке, пока есть ток в батарее.

Уже вернувшись на место, стали думать, что же это такое. Серый, как знаток техники и заядлый байкер, установил диагноз – не работает генератор. Мы всю дорогу сюда ехали на заряде нового аккумулятора. Генератор не дает ток, и аккумулятору неоткуда взять зарядку. Поэтому обратно нам на нем не доехать.

Еще один раз на этой зарядке мы втроем, по наводке местных алкашей, съездили в соседнее Красное Село за самогоном. И вернулись. Но больше наша «копейка» не заводилась. Отказывалась. Пришлось за сутки до отъезда бегать по деревне и спрашивать у местных зарядное устройство-выпрямитель, но ни у кого такого устройства не было. Когда мы пришли на МТС, то тракторист, собиравший какие-то запчасти от трактора на наш вопрос ответил:

– А здесь-на ни у кого-на выпрямителя нет-на. У меня нет-на. Сходите к дачникам.

Н-да, вот он, колорит... За эти неполные 10 дней я узнал о своей стране больше, чем за все предыдущие годы своей жизни. На тот момент мне и Серому было по 19, а Зяме с Юлькой по 18 лет. Самогонку пили все вместе, было уже как-то все равно. Как-то быстро стемнело, пока костер горел – было тепло. Потом он погас, дрова закончились, а идти в темноту за ветками и сухостоем ни у кого не было ни сил, ни желания. Полезли в палатку спать. Серый в темноте укрывался моими копательскими штанами. А когда стало совсем прохладно, то надел их на себя и больше уже не снимал.

Слава Богу, у одного из дачников было такое устройство, мы попросили его оставить у себя на ночь наш аккумулятор, чтобы его зарядить.

Между прочим, те местные алкаши много интересного рассказали про Черленково. Полуразрушенной церковь стояла в деревне с войны. В 1942 году, когда Красная Армия освобождала Московскую область, на колокольне засел немецкий пулеметчик. И когда наши пошли в атаку, он на ближайшем поле расстрелял до 300 человек. В Черленково есть братская могила, где на плите написаны фамилии лишь 26 погибших. Остальные числятся безымянными. А того пулеметчика смогли сбить только огнеметом. С тех пор церковь не восстанавливали, хотя старый стальной крест без позолоты до сих пор стоит там. Хоть и немного накренился.

Пока мы ездили за самогоном, я уселся за руль и проехал по деревне. В одном месте нужно было развернуться на узком месте, и я умудрился сильно пожечь сцепление, когда переключал передачи «вперед-назад». Машина стала слабее тянуть, Зяма это сразу отметил.

Короче говоря, в поисках приключений мы их нашли в полном объеме. Да еще, когда пришла пора выезжать, Зяма загнал машину под такой уклон, с которого она уже не могла выехать сама. Хорошо, что как раз в это время приехали рыбаки на УАЗе, толпой в человек 6. Мы уже как люди тертые не стали стесняться, а сразу попросили помочь вытолкать машину на ровное место. Вытолкали, и сразу по газам. Домой!

Обратно ехали в Москву затаив дыхание: аккумулятор отдавал последний заряд, сцепление еле тянуло автомобиль.

В довершение ко всему уже на Новорижской трассе у нас лопнуло и разбортировалось правое заднее колесо. Спасибо водителю фуры, который миганием фар обратил наше внимание. Мы в салоне ничего не чувствовали, а когда я посмотрел в свое внешнее зеркало заднего вида, то ужаснулся: задняя часть машины осела почти до днища! Срочно остановились, вышли и что видим – резина на диске превратилась в лохмотья. Слава Богу, у нас был домкрат, запасное колесо, насос и инструменты. Я за 5 минут поменял колесо, подкачал камеру, и мы поехали дальше. После этого до самого дома вообще старались не говорить лишних слов – было очень страшно. Вдруг еще что-нибудь случится, да такое, что уже мы не сможем починить своими силами?

Покупка второго металлоискателя

Съездили покопали, называется. Металлоискателя нет, машина больше не на ходу, энтузиазм у Серого и Юльки пропал. Хорошо, что Зяма держится бодрячком. Тут еще у нас началась очередная сессия, горевать было некогда. Начались другие заботы, и эти приключения стали вспоминаться с юмором. И вот однажды ко мне в гости приехали Зяма с Юлькой. Приезжают и говорят:

– Вот мы тебе привезли от Серого твои штаны.

– Какие штаны? – говорю, – не понимаю.

– Те штаны, – говорит Зяма, – которыми Серый сначала укрывался, а потом в них ходил.

Вот они в пакете.

И протягивает мне пакет. А из пакета пахнет чем-то очень кислым. Фу, неприятный запах. Вытряхиваю содержимое пакета на пол, а там и правда мои штаны. Но что с ними? Они как-то скомканы странно. Поднимаю их с пола, а они дымятся!!! Дымятся и источают кислый запах. Потом от того куска материи, который я держу в руке, отваливается другой кусок материи, который падает на пол. Ткань дымится и шипит. Что такое? Это такая шутка?

– Серый говорил, что он в них кислоту для аккумулятора переливал. Может, немного накапал, – только и смог пролепетать Зяма.

– Накапал? Да он их облил серной кислотой! Он вот эти дымящиеся обрывки вместо штанов отдает назад? Он мне предлагает их носить? Он это серьезно?

Зяма только пожал плечами. Ну, посмеялись, конечно – над ситуацией, над Серым. Но я скомкал эти тряпки обратно в пакет, вернул его Зяме со словами:

– Передай Серому, что он мне должен штаны. Пусть покупает.

Конечно, эти мои штаны не были новыми. Мне их было не жалко. Но сам факт такого отношения говорит о многом. Больше я с Серым никогда никуда не ездил. Да он и не просился.

Летнюю сессию мы сдали, и второй курс остался позади. Майские приключения только еще больше сплотили нас с Зямой. Деревня Черленково, Верхнерузское водохранилище и самогонка из Красного села – это все надолго стало темой разговоров и воспоминаний. Эти 10 дней изменили нас, они изменили наш мир. Поскольку мы так и не покопали, то было решено купить еще один металлоискатель. На этот раз за покупку взялся Зяма, сказав, что он теперь хорошо разбирается в такой технике.

Примерно через две недели он позвонил мне и сообщил, что металлоискатель куплен, причем за смешные 2000 рублей. С его слов, это армейский миноискатель в полном комплекте. И теперь нам надо его проверить.

Когда я увидел этот миноискатель, то пережил смешанные чувства. Это был стандартный миноискатель советской армии, всем известный ИМП-1. Что он собой представляет? Во-первых, он поставляется в разобранном виде в целом жестяном чемодане, покрашенном оливковой краской. Все детали миноискателя тоже покрашены той же краской цвета хаки.

Собрав этот конструктор, мы увидели перед собой достаточно громоздкий прибор: длинная составная штанга, на конце которой находится поисковый элемент. От этого элемента тянется длинный провод, который входит в отдельный блок. В блоке находятся 4 большие круглые батарейки. На крышке блока всего один тумблер и 2 катушки подстройки. Динамика на блоке нет, вместо него есть розетка, куда втыкается вилка с наушниками. Предполагается, что сапер держит двумя руками перед собой штангу с поисковым элементом, через плечо у него висит блок управления, а сигналы от предметов поиска он слушает через наушники. Это очень неудобная для копателя конструкция!

– Где ты достал эту штуку? – спрашиваю я у Зямы.

– По объявлению нашел. Приехал к мужику, а у него целый гараж забит такими миноискателями. Говорит, им можно и под водой искать, выдерживает до 2-х метров. Цена всего-то 2000 рублей. Надо протестировать его. Кстати, у моего дядьки есть в Подмосковье дача за Волоколамском, недалеко от Теряево. Там тоже война была. Поехали туда?

Зямин дядя

И мы поехали туда. Дядю звали Игорем, это был младший брат Зяминого отца. Недалеко от Теряево есть деревня Ожигово. Вот в этой деревне у Игоря была дача, куда он с семьей летом выезжал на выходные. В гости к Игорю на Зяминой «Фелиции» мы приехали втроем: я, Зяма и его Юлька. Нас радостно встретил Игорь, его жена Оксана и их маленькие дети – Никита и Аня. Дача Игоря стояла на пригорке, буквально в самом конце деревни. На участке стояли двухэтажный деревянный дом, баня и сарай. Игорь – добродушный человек в очках лет тридцати пяти с радостью показал нам все свои владения. Зная нашу цель приезда, пообещал свозить завтра на УАЗике на место бывшей барской усадьбы, где в 1941 году наши артиллеристы держали оборону.

Со слов Игоря, именно в этих местах в свое время Сергей Бондарчук снимал сцену Бородинского сражения для своей эпопеи «Война и мир». Места там и правда были очень живописные, с горы открывается вид на все окрестный деревни. Под горой текла река, были рощи, а вдалеке уже виднелись густые леса.

Мы сели ужинать прямо на улице, стали знакомиться. Тут пришел сосед Игоря, деревенский парень Ванька. Он был года на 2—3 младше нас с Зямой. Ванька присоединился к общему столу, и вот мы все уже сидели большой компанией на природе, вдыхая свежий воздух и расслабляясь от городских забот.

Наутро я встал раньше всех, сбегал к речке, искупался и вернулся, чтобы будить всех – надо было ехать копать! Но не тут-то было. Все так крепко спали, что было бы очень негуманно поднимать людей. Решил дожидаться, пока они сами проснутся. Мне уже не терпелось поскорее добраться до этих мест, где стояла усадьба и были артиллерийские позиции. Но вот прошел час, второй – никто не просыпался. Я уже собрал все вещи, упаковал этот громоздкий ИМП в рюкзак, приладил лопатки. Сiju, скучаю. Походил по участку, посидел на крылечке: в доме тишина. Тогда решил не ждать всех, а пока походить с металлоискателем за участком на пригорке.

Расчехлил ИМП, собрал его и начал поиск. Надо сказать, что металлоискателем с наушниками, в принципе, пользоваться можно. Но это если металлоискатель держишь в одной руке, а лопату в другой, либо вторая рука вообще остается свободной. Но в случае с ИМП копателю приходится обеими руками держать штангу миноискателя. Ни о какой оперативности уже нет и речи. Стоит услышать сигнал, как нужно снять наушники, положить на землю штангу, снять с плеча блок управления, и только тогда можешь взять в руки лопату и начать копать. А если требуется уточнить местоположение предмета, то придется в обратном порядке произвести всю процедуру. После чего снова снять наушники, положить штангу, снять с плеча блок и начать копать. После 15 минут такой мороки я понял, что в одиночку с ИМП работать просто невозможно. Нужно, чтобы было как минимум двое: один ищет, а второй копает.

Отдельного упоминания стоят и сами наушники. Поскольку ИМП относится к индукционным металлоискателям, то во время работы он издает в наушниках пороговый сигнал. Этот сигнал нужно подстраивать каждый раз, когда включаешь прибор, чтобы гудение было минимально громким. Когда после этого в зону действия поискового элемента попадает металлический предмет, то громкость сигнала начинает усиливаться. Это дает оператору понять, что предмет все ближе. Если поисковый элемент отдалить от предмета, то громкость звука снижается. Вот так и ищешь, где же этот предмет.

ИМП – штука действительно надежная, по нему видно, что он выдержит даже игру в хоккей. Именно за внешний вид этот металлоискатель прозвали «клюшкой», «бананом». Но вот его потребительские свойства далеки от идеала. Вот так я постепенно вникал в суть поисковой работы.

Увлечшись копанием на поле, я не заметил, как прошел почти час. В доме все уже проснулись и даже успели позавтракать. Поскольку один я не спустился к завтраку, то меня не стали будить и решили дать выспаться. И Зяма был сильно удивлен, увидев за участком меня уже в процессе копания.

За это время я уже нашел пару ржавых подков, несколько старых кованых гвоздей, два шарика от шрапнели и много-много осколков от разорвавшихся артиллерийских снарядов. Если подковы могли остаться в деревне как еще с царских времен, таки после съемок Бондарчука, то насчет шрапнели сомневаться не приходится: вряд ли бы киношники позволили артистам-пушкарям стрелять по атакующим их цепям артистов-пехотинцев настоящими зарядами. Шрапнель и осколки – следы Великой Отечественной. По результатам пробного копания стало ясно, что война точно здесь была. Передал я металлоискатель Зяме и пошел завтракать. За 10 минут ему тоже стало ясно, что эта тяжелая и чересчур громоздкая штука мало подходит понятию «активный отдых с металлоискателем на природе».

Наконец, собрались. Игорь завел УАЗик, мы загрузили в него свои рюкзаки, расселись по местам. Я был готов к тому, что сейчас мы будем ехать в какую-то глушь – судя по рассказу Игоря, это место было пустырем на склоне глубоких оврагов. Он сел за руль, посоветовал держаться крепче, и завел мотор. В реальности мы ехали всего 15 минут на медленной скорости от собственно ворот дачного участка до усадьбы. Бывшая когда-то дорогой к барскому дому, неровная колея несла следы трактора.

– Там на лугу деревенские траву косят, – пояснял Игорь, – на месте барского дома года три назад начали рыть экскаватором. Но не копатели, а обычные рабочие. Там, оказывается, песок хороший, вот и сделали небольшой карьер. Когда они начали рыть, то показались старые кирпичи от фундамента, может, от подвала. Сам-то дом был деревянный. Местные старики говорят, что барский дом был большой. А вот мы и приехали.

Мы остановились на небольшой поляне, которую окружали старые деревья с широкими кронами. Да, это вековое место.

Вместе с нами поехал и Ванька, и он был нашим гидом по этим местам.

– Вон там яма сухая, так это место, где был пруд. Это, надо понимать, парк тут был. Надо там попробовать поискать монеты. А там дальше за рощей и сам дом был.

Я осмотрел то место. Скрытый экскаватором холм, песчаный грунт, обломки кирпичей, осколки бутылочного стекла, какие-то белые кости.

– Что за кости? – спрашиваю.

– А это что-то типа скотомогильника. Точнее, откуда-то с округи свезли сюда кости коров и лошадей, – отозвался Игорь. – Да вы тут пока посмотрите, а потом я вас поведу на артиллерийские позиции с 41-го года.

Мы с Зямой полчаса полазили с миноискателем по поляне, заглянули в небольшой заросший овраг за домом. Результат – нулевой. Всюду приходилось выкапывать крышки от водочных бутылок, фольгу от сигаретных пачек, пивные пробки. Попробовали покопаться в песочном отвале на месте барского дома – никаких интересных находок. Вдруг как-то пронзительно стало ясно, что мы занимаемся не тем, чем надо. Решили оставить пруд и парк на потом, а пока

пошли к Игорю. Пусть показывает артиллерийские позиции. Должны же быть у нас первые находки!

Мы стали ходить по роще, продираясь через заросли кустарника. Уже конец июня, растительность стала очень густой. На поле так вообще трава поднялась почти с человеческий рост, а молодая крапива жалила очень сильно. По идее, артиллерийские позиции представляют собой ряд капониров, где стоят орудия. Рядом должны быть окопы-щели для расчетов. Чуть дальше обязательно должны быть землянки, где жили солдаты. Но никаких следов в этой роще мы не нашли. Под рощей лежал глубокий овраг, заросший деревьями. Там уж точно искать позиции было бессмысленно.

– Ребята, а вот тут какая-то ложбинка! Похожа на окоп, – кричит Игорь.

Мы бегом к нему через рожу, и видим что-то наподобие канавы, проходящей вдоль склона на ровном месте. Только вот для канавы глубина маленькая. Ладно, проверим место миноискателем.

Я достал из рюкзака ИМП, надел блок питания, взял в руки штангу, и все разобрали лопаты. Проверил канаву – сигнала нет. Даже пивных крышек не нашлось.

Ладно, – говорю, – давайте проверим саму рощу.

Пошел я по роще с прибором наперевес, а за мной идут 4 человека с лопатками. То еще зрелище! У каждого в глазах читается любопытство, заинтересованность, азарт. Вот так покружили мы по роще, как вдруг в одном месте я услышал в наушниках какой-то сигнал

– Вот, тут что-то есть, – и показываю на совершенно ровное место, поросшее мягкой травой.

Зяма тут же рванулся копать, а я отложил прибор и присел на землю перевести дух. Ванька взял прибор и занял позицию наготове. Зяма отрыл ямку, и Ванька стал проверять, что же там. Сигнал усиливался. Зяма копал, Ванька проверял. Потом Зяма устал копать, и они с Ванькой поменялись местами. Юлька смотрела на это с интересом, ей было весело наблюдать за самим процессом наших поисков. Потом устал Ванька, его сменил Игорь. Яма увеличивалась, сигнал не утихал. И вот уже через полчаса работы мы выкопали яму размером примерно метр на полметра, где вполне мог, скрючившись, поместиться человек. Глубина ямы была примерно чуть ниже пояса. Сигнал не утихал. Что же такое? Может что-то большое закопано. А ведь была война, крестьяне уходили от нашествия немцев, и могли закопать что-то ценное. А еще рядом барская усадьба. Была революция, погромы и разграбления. Господа могли вынести из дома что-нибудь ценное, переложить в сундук и спрятать недалеко от дома. А ведь дом-то барский совсем рядом. Так-так, становится интересно. Но ведь мы выкопали яму глубиной 70 см, а ИМП так глубоко он тоже не может «видеть» – у него чувствительность всего-то 40 см.

Вот мы все выбились из сил, а тут как раз нас стали донимать комары. Почуяли, твари, теплую кровушку и поналетели со всего леса. Игорь и Зяма закурили, мы стали думать, что же это за мистика. Я уже передохнул, а потому снова взял прибор и решил проверить, что тут еще есть поблизости. Отхожу от ямы и слышу в наушниках, что сигнал как был сильный – так и остается. Поводил штангой туда-сюда, и тут до меня дошло... Миноискатель ИМП требовал подстройки перед началом работы, чтобы пороговый сигнал был как можно меньше. А в процессе лазанья по кустам и оврагам колесо настройки сбилось, и прибор стал издавать звук, будто зафиксировал металлический предмет в зоне действия поискового элемента. Я покрутил настройку, и сигнал снова стал очень тихим.

Е-мое! Какая замороженная техника! Абсолютно никакой от нее пользы. Что делать? Прийти и сказать ребятам, что все наши труды пропали даром, и там в земле нет никакого сундука с золотом?

Так и сделал. На меня смотрели 3 пары горящих глаз. Каждый уже представлял себе что-то свое: Игорь, наверное, думал о господских богатствах, Зяма представлял себе кувшинчик с монетами, Ванька тоже что-то себе думал, Юлька все ждала, что же мы в итоге выкопаем. А тут я р-раз – и прерываю их фантазии. Нет тут ничего, это колесико на приборе сбилось с настройки.

Какой пассаж! Видели бы вы эти расстроенные лица. Игорь тряхнул головой и сказал:

– Ладно, вы еще там пруд проверьте, может монеты будут. Я пойду машину пока заведу и поставлю на дорогу.

В пруду и рядом мы, конечно же, ничего интересного не нашли. У всех запал как-то поиссяк. Я тоже чувствовал определенное разочарование, но не мог себе дать отчет – в чем же наш просчет и недоработка?

Мы еще походили по бывшей усадьбе минут 20, а потом сели в УАЗик и поехали домой. В этот день мы больше не копали. Вечером мы купались в речке, прыгали с тарзанки, сидели на веранде бани и отдыхали. Зяма и Игорь пили пиво, Игорь рассказывал нам о том, как в детстве его одноклассник как-то притащил в школу немецкую каску и даже кому-то обменял ее на что-то. Вот так мы и провели этот день. Хорошо, что нам в этот раз не встретились менты. Какой-никакой, а опыт копания у нас есть. Прибор, конечно, наводит на размышления. Но другого у нас нет, и надо учиться работать этим ИМПом. Потом под вечер еще пришел Ванька и рассказал, что там под деревней, недалеко от места, где мы купались, во время войны колхозники похоронили 5 немцев. Наши освободили деревню и ушли дальше, а трупы оккупантов остались лежать. Вот на нынешнем сенокосе их и схоронили. Все это было очень интересно, но тогда тревожить покой умерших никому из нас не захотелось. Вообще, в деревне Ожогино с тех пор остался целым только один деревянный дом. Это был дома председателя колхоза. Зимой 41-го, когда деревню заняли немцы, они оборудовали там свой штаб. Все остальные дома либо были разобраны на блиндажи, либо не уцелели при наступлении Красной Армии. Я видел этот дом – ничем не выделяется на фоне послевоенных построек. Разве что дерево, из которого состоит сруб, значительно более темное. Да и вокруг дома стоят старые толстые березы. В доме даже жили люди, и было бы очень интересно походить с металлоискателем по их участку. Но мы тут люди совсем новые и незнакомые, да, к тому же, без всякого официального статуса. Собственно, мы же черные копатели. Поэтому мы не стали возмущать общественное спокойствие, да еще и нужно учесть, что Игорю тут еще жить да жить. Поэтому в этот приезд к Зяминому дяде мы больше не копали. Даже и не пытались.

Москва-Волга

Июнь и июль 2002 года пролетели очень быстро. И за это время я только один раз попробовал выехать в одиночку в ближнее Подмосковье.

В какой-то книжке прочитал, что на рубеже канала Москва-Волга в районе Дмитрова в декабре 1941 года линия фронта проходила как раз по этому каналу. В каких-то местах немцам удалось его перейти и захватить небольшой плацдарм на правой стороне. Потом наши выбили немцев оттуда, установили там артиллерийскую батарею и в дальнейшем с этого места уже обстреливали отступавшие немецкие войска. По прилагавшейся к тексту карте-схеме я определил, что это место должно быть примерно в районе железнодорожных станций «Морозки» и «Турист».

Сел на электричку с Савеловского вокзала, и через 1,5 часа был уже на месте. Стояла жаркая погода, температура зашкаливала за 30 градусов. Пока ехал в электричке, пытался себе представить, с чем же столкнусь на месте.

Канал Москва-Волга создавали в 1930-х годах силами заключенных. Ближе всего к каналу находится станция «Морозки», всего в 10—15 минутах ходьбы. Я шел от станции к каналу, за спиной у меня был рюкзак с ИМП и складной саперной лопатой. И по мере приближения к каналу я постепенно разочаровывался. Реальность мало соответствовала моим представлениям.

Бетонные берега, высокие крутые насыпи по обоим берегам, везде следы пребывания отдыхающих и многочисленные кучи мусора. Но на левом берегу я все-таки заметил следы войны — это были оплывшие блиндажи и ведущие к ним нити окопов. Естественно, все заросло высокой травой. Даже и речи не было о том, чтобы копать в этом месте — слишком людно и все-таки очень близко к станции. Место это открытое, рядом все время туда-сюда снуют дачники и отдыхающие, слишком много прохожих. По мосту я перешел на правую сторону канала, на которой в 1941 году была наша оборона. И зашагал вдоль берега в сторону Дмитрова.

Примерно раз в 10 минут по каналу проходили баржи и пассажирские теплоходы. Огромные баржи тихо и медленно, даже как-то величественно проплывали вдоль высоких берегов. Казалось, протяни руку — и дотянешься. Теплоходы с пассажирами двигались быстрее, на нижних палубах люди сидели и отдыхали, а на верхних играла музыка и была дискотека на борту. Весело, шумно, задорно. Стоило судну скрыться с глаз, как местность опять погружалась в сонное состояние. Я поднялся на самую вершину правого берега и осмотрелся.

Следы пребывания отдыхающих почти на каждом шагу: пустые бутылки, пластиковые пакеты, одноразовые стаканчики и прочий мусор. Вокруг не было никого, хотя уже за рощей, очевидно, люди на этом же берегу устроили пикник и жарили шашлыки. Я достал ИМП из рюкзака, собрал его и настроил. Миноискатель по-прежнему приходилось держать обеими руками. Как-то припробовался держать в руке еще и лопату, хотя это было очень неудобно.

Копание началось. Везде было одно и то же — пивные и водочные крышки, фольга от сигаретных пачек, сплюснутые алюминиевые банки. Я методично шел вдоль берега, надеясь наткнуться хотя бы на гильзы. А когда вплотную приблизился к роще и пригляделся, то внутри в кустах заметил оплывшие окопы. Кусты росли так густо, что это место по сравнению с поляной можно было бы назвать девственно чистым. По крайней мере, мусора там не было. Я продрался сквозь колючки и оказался в полузасыпанной траншее. Сквозь листву был виден противоположный берег канала — левый. Все видно как на ладони — луг, отдельные деревья,

полоска автомобильной дороги за полем, крыши дач вдалеке. Логично, идеальное место для позиции, вдаль все просматривается довольно хорошо.

Начал в полусогнутом состоянии лазать по траншее. Кусты росли не только густо, но они еще и сплели свои ветки друг с другом. С полутораметровой штангой ИМП разместиться в узком пространстве стоило очень больших усилий. Но вот результат этого труда оказался удручающим – все те же крышки от водочных бутылок еще советского образца. Ни одной гильзы, ни одного упоминания о войне.

Выбрался из зарослей, решил немного передохнуть. Снял рюкзак, положил на землю миноискатель, а сам лег на туристический коврик. Надо сказать, что в этот момент я прочувствовал весь круговорот времен на этом месте, все перипетии истории. В голове проносились картинки: вот каналоармейцы работают лопатами, ярусами стоят на склоне и углубляют дно, затем первые суда идут по каналу, а их на дамбах приветствуют гипсовые статуи, затем лютая зима 1941-го года и редкая полоска оборонительных рубежей Красной Армии, потом разрывы снарядов на льду канала, бегущие в атаку красноармейцы, отступление немцев из этого района через просеки и лесные дороги на северо-запад, послевоенный годы и мирная жизнь, восьмидесятые годы и деревенская молодежь, разруха девяностых и вот, наконец, в 2002 году пришел сюда я.

Каким-то шестым чувством понял, что тут искать особо нечего. Не видел я тут кровопролитных сражений, не горели десятками подбитые танки, не была земля изрыта в результате долгой позиционной войны. Зато ясно представил себе маневренные бои в начале 1942 года, как с этого рубежа Красная Армия преследовала вермахт через Клин и Солнечногорск и дальше на запад и северо-запад.

Отдохнув, решил еще немного пройтись по кромке берега. И в том месте, где берег достигал пика высоты, и стояло одинокой кривое дерево, я наткнулся на небольшой укрепайон. С этой высоты вся округа была видна во всех подробностях. Окопы оплыли, но они были гораздо глубже предыдущих. Они поросли высокой травой, их было много. Грунт – песок, то есть копать будет очень удобно. А главное – нет никаких кустов, а это и экономия сил, и пощада для нервов.

Сигнал металлоискателя «зацепил» какой-то большой предмет прямо посередине окопа. Я стал копать, все глубже и глубже. Все время приходилось отвлекаться от копания и уточнять местонахождение предмета миноискателем. Наконец, лопата задела за железо в земле и противно закрипела. Песок вокруг стал ржавым от окислов. Обкопав яму, я наткнулся на ржавый толстый стальной трос. Зачем он здесь? К чему он ведет? Какой он в длину? Ответить на эти вопросы можно только одним способом – копать!

Через 20 минут с помощью маленькой складной саперки я выкопал этот трос. Он шел по дну окопа на глубине в полметра, и его длина была больше 5 метров. Умаявшись, откинулся на стенку окопа и задумался.

Это ж сколько сил человеческих в войну ушло на то, чтобы только копать вот такие траншеи! И эту работу нужно было делать постоянно, каждый раз на новом месте. Как говорили ветераны: «Пот экономит кровь». Не выкопал укрытие – считай, убьют. Вот и копали солдаты по обе стороны фронта, копали и не ныли. И я только начал копать, а уже устал. Ну, ничего. Отдохну и буду дальше искать.

Под самым деревом среди свежей травы я увидел следы сгоревшей прошлогодней соломы. Обычное дело, местные жгли траву. И тут миноискатель издал чистый и ясный сигнал.

Два взмаха лопатой, и в земле показалась какая-то блестящая железка. Ого! Что это? Достаяю из ямы обгоревший и ржавый современный нож-выкидушку. Пластиковые накладки из-за температуры оплавилась, а лезвие обгорело и от влаги проржавело. А никелированная ручка блестела как новая. У меня такой же ножик был в школе, совершенно неинтересная китайская дрянь, годная только для натачивания карандашей. Кнопка на ручке позволяла эффектно и щегольски открывать и закрывать его. Видимо, кто-то из местных отдыхал в прошлом году на этом месте и потерял ножик. А я нашел, и это уже забавно.

Поняв бесперспективность этого места, я сложил металлоискатель и лопату в рюкзак и спустился к воде. В этом месте я разложил туристический коврик, перекусил взятыми с собой из дома бутербродами и пару раз искупался. А по каналу туда-сюда ходили баржи, теплоходы, играла музыка, плескались волны о бетонные берега. Вдоль берега проезжали машины, велосипеды, проходили отдыхающие. Все в это время в этом месте хотело отдыхать и греться на солнце. И только я один, скрывшись под личиной такого же отдыхающего, находился здесь в разведке, исследовал местность в качестве «черного копателя». Одно это уже невероятно мотивировало меня и заставляло сердце биться сильнее. Пусть я тут ничего не нашел, но я хотя бы попробовал. И я уже точно знаю, как надо искать и что нужно искать.

Нарские рубежи

Наступила осень. Мы снова пошли учиться, опять нас ждал журфак со всеми его прелестями. Третий курс – это уже вполне серьезно. Нас научили работать с информацией, раскрыли нам глаза на мир, рассказали, откуда растут ноги во всей мировой журналистике. Впереди еще столько всего неизведанного в профессии, что от одной мысли начинает кружиться голова. И чтобы как-то на время избежать этого головокружения, мы с Зямой в первые же выходные сентября решили снова поехать покопать. Я ехал потому, что уже был настроен на результат и не желал отступать. Зяма поехал копать оттого, что на этот момент он был свободен и хотел хоть куда-то деть свою неумную энергию.

В двухтомнике «Битва под Москвой» я прочитал о переломном моменте в декабре 1941 года.

Немецкое наступление к этому моменту было остановлено на ближних подступах к столице. На севере немецкие артиллеристы стояли в районе деревень Катюшки и Красная Поляна. Они на самом деле в стереоскопические трубы могли видеть башни Кремля, как это показано в эпосе Ю. Озерова «Освобождение». А на юго-западном направлении немецкие дивизии запнулись об оборону по реке Нара между Киевским и Минским шоссе. Весь ноябрь бои гремели в районе Малоярославца, Вереи, Дорохово, Тучково и Наро-Фоминска. К концу месяца фронт стабилизировался по реке Нара. С нашей стороны там стояла насмерть 32-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник Полосухин. Они были насмерть переброшены с Дальнего Востока, сходу разгрузились и очень здорово поддержали московские ополченческие дивизии.

И именно на этом участке немцы решили нанести свой решающий удар, в надежде прорвать оборону, вклинуться в тылы и соединиться с вспомогательной группой прорыва в районе Кубинки. Все эти события происходили 3—5 декабря 1941 года, они вошли в историю как «Наро-Фоминский прорыв». Эта затея для немцев в итоге закончилась неудачей. Сначала им удалось прорвать оборону на стыке 222-й и 32-й стрелковых дивизий, и они устремились на северо-восток, к Москве. На малой окружной кольцевой автодороге они разделились, и одна мобильная группа пошла налево в сторону Кубинки, а вторая – дальше в район Апрелевки. Группа, достигшая района Апрелевки, была там же и уничтожена силами зенитчиков и подоспевшими на помощь подразделениями НКВД. А та группа, что рвалась к Кубинке, в районе деревни Акулово наткнулась на завал из деревьев, который ко всему прочему еще и был заминирован советскими саперами. Сначала немцы подорвались на минах-ловушках, а потом были расстреляны из артиллерии.

На карту-километровку я перенес все данные о боях в этом районе. Нам с Зямой предстояло добраться до самой реки Нары. Решено был съездить туда на разведку на один день.

С Белорусского вокзала мы добрались на электричке до станции Кубинка за час с четвертью, а там сели на маршрутное такси и еще через 15 минут уже стояли на остановке возле Акулово.

Вот оно, это место! Когда-то здесь грохотало и взрывалось, а теперь стоит воинская часть, огороженная забором. Правда, на полянке притаился мемориал, но с дороги его практически не видно. Мы сверились с картой и пошли по дороге в сторону деревень Обухово и Жихарево. По карте там всего-то четыре с половиной километра. А мы это расстояние преодолели почти за полтора часа.

Стояла сухая осенняя погода, было тепло и солнечно. Кое-где деревья уже пожелтели, но основная масса листвы была зеленой. Изредка по дороге проезжали машины. Но мы шли и шли, вдыхали чистый воздух и радовались уже самой этой прогулке. Вот дошли до Обухова, купили там в магазине перекусить, Зяма покурил, и мы пошли дальше. Прошли дачные участки, подошли к лесной опушке, я понял, что нам пора сворачивать. Мы стояли у входа в лес, вокруг были аккуратно установленные мусорные контейнеры, но вокруг них и дальше все равно были разбросаны пластиковые пакеты, пустые бутылки и всякий хлам. Вздыхнув, мы углубились в чащу, и не прошли двухсот метров по лесу, как наткнулись на глубокие окопы! Они тянулись два ряда, а перед ними была оползшая из-за времени насыпь. Присмотревшись, за ней я увидел заросший луг, а за лугом уже была речка. Нара!

Вот они, боевые места. Именно здесь в самом конце 41-го года решалась судьба страны. И этот берег, и тот, и поля вокруг, и деревья – все это история. Тогда везде лежал снег, было холодно. Немцы и наши стреляли друг в друга, отбивали атаки, переходили в контратаки. Стреляли пулеметы, били винтовки, взрывались мины. На этом берегу была русская речь, а там – немецкий берег. Офицеры отдавали солдатам команды, все жило духом войны. Бойцы перебежали, стреляли, кто-то падал и больше не поднимался. Сколько здесь погибло людей с обеих сторон? Сколько здесь осталось лежать безымянными?

И вот мы на этой линии фронта. Что мы найдем здесь? Лично мне виделись разбросанные по лесам винтовки и автоматы, каски и детали снаряжения. Может, где-нибудь завалилась в укромном уголке блиндажа кобура с пистолетом, да так и осталась? Нара – это, конечно, не Мясной Бор, но все-таки настоящие места. Мы не можем здесь остаться без находок!

Хвойный лес немного отдавал сыростью, но в лесу вообще было сухо. Тишина, спокойствие, приятный запах еловых веток. Но мы будем копать, мы сейчас тут все перероем!

Я скинул рюкзак, достал из него миноискатель и лопату.

– Давай, Зяма, бери прибор и ищи!

– Только все, что найдем, – делим поровну, – тут же начал торговаться Зяма.

– Конечно, поровну! Все по-честному. Будем меняться, когда устанешь штангой махать, будешь с лопатой ходить. А пока учись работать с прибором.

Как-никак, я уже понял специфику работы с армейским миноискателем и захотел дать Зяме почувствовать все прелести купленного им нехитрого советского прибора.

Мы двинулись вдоль траншей. Прошло полчаса, а нам попадался все тот же знакомый набор подмосковных лесов: водочные и пивные крышки да сплюснутые алюминиевые банки. Но вот потихоньку стали попадаться и бесформенные металлические куски. Это осколки артиллерийских снарядов. Сначала только маленькие, а потом мы стали выкапывать и большие осколки, размером с ладонь и весом до двух килограммов. Да, не хотелось бы получить такой плашкой! Если эта железка попадет в человека на излете, то мало не покажется. Смерть или инвалидность будут обеспечены.

Идем дальше по лесу, берег постепенно поднимается, а река остается внизу и все ближе подбирается к окопам. Продираемся сквозь молодой ельник, выходим на маленькую полянку. Отсюда противоположный берег виден очень хорошо, скорее всего, в 1941 году всех этих деревьев тут еще не было. Это был крутой берег реки, где на открытом месте располагались переправочные позиции. Проходим еще метров тридцать, пейзаж не меняется – траншея все так же идет вдоль реки. Я оставил Зяму прозванивать стрелковые ячейки по траншее, а сам прошел вглубь полосы обороны. Там дальше была ровная земля, в лесу больше никаких окопов и землянок не встречалось. Вдруг, слышу – Зяма зовет меня. Бегом возвращаюсь к нему. Что такое?

– Тут на бруствере что-то гудит сильно, копни, – устало промолвил он и тяжело сел на землю.

Устал, бедняга. Отдохни, покури. Ну а я стал копать в указанном месте. Раз, два – и наружу показывается кусок колючей проволоки. Потянул за оставшийся в земле кусок – и она легко подалась. Ржавая, старая, но прочная и тугая, а сами колючки очень острые. Откладываю лопату, и беру прибор. А рядом с проволокой еще что-то есть. Раз, два – и на землю из-под лопаты вылетает позеленевшая от времени гильза! Хватаю ее двумя руками, начинаем вместе очищать и рассматривать. Обычная гильза от русской трехлинейки. Сколько потом таких гильз я находил – даже представить трудно. Наверное, с тонну весом будет. Но сейчас это самая первая наша настоящая находка с войны! Бережно кладу гильзу в карман, беру лопату и снова отдаю Зяме тяжеленный ИМП. Продолжая курить, он повел штангой миноискателя вдоль бруствера.

– Вон там что-то есть.

Снимаю дерн в указанном месте и углубляюсь на глубину штыка лопаты. Ш-шырк! Лопата скребнула по какой-то железяке, похожей на консервную банку. Полукруглые обводы, ровные края.

– Зям, давай, копни, а я теперь буду с прибором ходить.

Он встал, взял лопату и поддел железяку снизу. Она без труда подалась, и выкатилась ему прямо в руки. Круглая такая банка, похожая на консервную, только с ручкой. Это противотанковая граната РПГ-40.

– Зяма, это граната. Не надо ее трясти.

И в этот момент до него доходит, что он держит в руках. Он бросает ее обратно в яму и бежит к ближайшему дереву, по дороге теряя горящую сигарету.

– Зям, я ж говорю, что не нужно ее бросать!

– А я не понял сразу, что это такое, – говорит он срывающимся голосом. – Она не рванет?

Противотанковая граната РПГ-40, или, как ее называли бойцы, «ворошиловский килограмм», в боевом состоянии взрывалась при ударе о твердую поверхность. Например, о броню или гусеницу танка. Визуально определить, с запалом она или нет, сейчас нельзя. Вот она лежит на бруствере рядом с ямой, вся ржавая. Я тоже отошел за дерево к Зяме.

– Вообще-то, если она рванет, то тут не то что это дерево, все в округе 10 метров повалится, – я тоже начинаю волноваться из-за такой находки. Как-никак, а это уже настоящий трофей! Такого я никогда раньше не видел, да и Зяма видит подобное эхо войны впервые.

Что делать? Мы уже позабыли о сокровищах и ценностях. Перед нами лежала противотанковая граната, о которой мы тогда совершенно ничего не знали. Всего в трехстах метрах отсюда дачный поселок, люди наверняка постоянно ходят сюда за грибами, взрослые и дети. Какую опасность для простых людей представляет наша «чернокопательская» находка?

Чтобы забрать ее с собой, нет даже и речи. У нее внутри столько тротила, что хватит на целый танк. Более того, 222-ю статью Уголовного Кодекса никто не отменял. Мы крепко задумались.

– Надо ее обратно закопать. Аккуратно в яму скатить и забросать землей, ветками, – предложил Зяма.

– Но ведь найдут. Мы нашли, и кто-нибудь другой ее найдет. Опасно.

– Что делать? Не будем же вот так оставлять ее тут. Вокруг дачи.

– Я тоже об этом подумал. Давай ее выбросим в реку!

Решено, мы просто утопим ее в воде, где она очень быстро сгниет без следа. Кто пойдет выбрасывать?

– Я боюсь, ну ее нафиг, – отмахивается Зяма.

– Ладно, сам выкину.

Если она до сих пор не взорвалась от Зяминоного дерганья и бросания оземь, то и дальше с ней ничего не случится.

– Только заberi вещи и сам отойди подальше! – на всякий случай говорю товарищу.

Зяма быстренько забрал миноискатель, лопату и рюкзак, и отнес в предыдущий окоп.

А я подошел к гранате и внимательно осмотрел. Сохранность металла очень хорошая, ее хоть сейчас в музей обороны Москвы отнеси. Вот она, история. Лежала себе 61 год на бруст-вере окопа, ждала своего танка и не дождалась. А вот теперь пришли мы, достали ее и думаем, что же делать. Взял ее за корпус – достаточно тяжелая. Как же ее кидали? А ведь чтобы остаться в живых, нужно было ее кинуть как минимум на 15 метров. Да еще и скатиться в окоп надо. Это только в фильмах о войне боец со связкой гранат ползет навстречу приближающемуся немецкому танку, и, приподнявшись, ловко бросает ее. После чего следует взрыв, и теперь у бойца орден Красной звезды на гимнастерке. Теперь и я попробую метнуть эту гранату. В воду.

До реки было как раз метров 15, правда, я стоял выше на склоне. Обхватив гранату двумя руками, я размахнулся и бросил ее в воду. Она плюхнулась посередине реки, как булыжник, оставив только круги по воде. Но и они спустя мгновения растаяли, их смыло течением. И тишина.

Мы стояли в осеннем лесу, ветер слабо шумел в вершинах сосен. С ближайших дач был слышен лай собак, удары молотка. Наступал вечер, нам пора было ехать домой. Дорога назад показалась очень короткой. Еще засветло мы были дома, и у меня в кармане была гильза от винтовки Мосина. Тогда я считал, что мы съездили очень удачно.

Немецкая сторона

На следующие выходные мы поехали в то же место, и на этот раз Зяма взял с собой Юльку. К сожалению, погода уже соответствовала середине сентября, было прохладно и пасмурно. Тем же маршрутом добрались до деревни Обухово, только теперь мы пошли по дороге дальше и вышли к деревне Жихарево, которая стоит совсем недалеко от Нары. Когда мы проходили мимо Жихарево, я отметил, что на единственной улице стоят унылые, но крепкие деревянные дома. И где-то посередине улицы стояло одна толстая и высокая береза. Ей наверняка много лет, и она была свидетельницей событий, происходивших здесь во время войны. Но вот мы миновали Жихарево, прошли по пригорку над раскинувшимися прямо возле Нары дачными участками и вышли к мосту. Мост – громкое слово для небольшого бетонного мостика, соединяющего берега.

Небо стало затягиваться серыми тучами, мы ждали, что скоро может начаться дождь. Зяма всю дорогу рассказывал Юльке о нашей прошлой поездке, о том, как мы здесь ходили в прошлые выходные и как нашли гранату. Юлька слушала его с интересом, и ей совершенно не было скучно с нами. Она даже не устала за все время, хотя от Белорусского вокзала до Нары весь наш путь занял примерно 2,5 часа. Она не жаловалась ни на что, и это было приятно. Мы перешли на правый берег и долго выбирали, куда же нам пойти. Впереди на пригорке была деревня Большие Семенычи. Слева вдоль реки тоже были какие-то постройки, а за ними был лес. Мы решили идти по этому лесу вдоль Нары.

Ожидалось, что на этой стороне реки мы с большей вероятностью наткнемся на следы пребывания немецких войск. Зашли в лес, а он оказался более окультуренным, чем лес на правом берегу. Нигде не было куч мусора, хотя изредка нам встречались костровища и редкие «забытые» грибниками следы цивилизации. Мы тут же расчехлились – Зяма стал оператором миноискателя, а я снова стал оператором лопаты, или, по-русски, копателем. Лес был не очень густым, но вот крапива летом поднялась очень высоко, и невозможно было увидеть, что же находится перед тобой на земле даже в 5 метрах. Приходилось протискиваться через эти заросли, прочесывать лес. С миноискателем в таких условиях было очень сложно передвигаться.

Через полчаса хождений по лесу мы поняли, что сплошной линией окопов в этом месте нет. Но есть то, чего не было на противоположном берегу – блиндажи, причем они находятся недалеко друг от друга. Это не похоже на советские наставления по организации обороны. А значит, их выкопали немцы для себя.

Поскольку в этой густой крапиве с миноискателем ходить было очень трудно и совсем бесполезно, то мы решили сосредоточиться на блиндажах. Всего в этом лесу их оказалось до десяти штук, что обещало весьма интересный результат.

Немного притомившись, мы перекусили купленными в Кубинке «Сникерсами» и запили минералкой. Голод был утолен, но такая еда сил особо не прибавила. Что ж, ради интересных трофеев можно и немного потерпеть. В одной из ям недалеко от берега Зяма наткнулся на россыпи немецких винтовочных и пистолетных гильз. Я копал и копал, а гильзы все шли и шли. Потом пошли и патроны. Когда я достиг дна, и под лопатой перестали попадаться железки, мы решили передохнуть и отошли от ямы. Вот это да, целая гора гильз и патронов лежала перед нами!

Восстановив силы, мы продолжили работу, на этот раз копал Зяма. С боков ямы он продолжал доставать находки, казалось, им не будет конца. Не знаю точно, сколько мы рылись в этом месте, но в какой-то момент Юлька прервала нас:

– Ребята, уже поздно. Кстати, во сколько у нас электричка? Когда мы домой поедem?

Я посмотрел на часы, было уже около шести часов вечера. Действительно, время пролетело быстро, и нам уже нужно было сворачиваться. Но мы и так докопали эти гильзы и патроны до конца, больше в земле уже не было сигнала. Порешили на том, что это место очень интересное, и по результатам сегодняшней разведки можно сюда приехать еще. Я забрал все целые патроны в более-менее приличном сохране: очень уж хотелось с ними поковыряться дома на досуге.

Обратная дорога показалась совсем короткой, мы протопали по уже знакомым местам, дошли до большой дороги Кубинка – Наро-Фоминск и стали ждать маршрутку. Когда мы сели на остановке, то только в этот момент поняли, насколько же мы устали и проголодались. Сил уже не оставалось практически никаких. До Кубинки долго не было попутного транспорта, а тут как раз остановилась маршрутка, которая двигалась в сторону Наро-Фоминска. Недолго думая, мы прыгнули в нее и поехали. Минут через пятнадцать мы были уже на станции, в быстром темпе купили билеты и сели на ближайшую электричку в Москву.

По дороге мы купили пирожков с картошкой, Зяма с Юлькой болтали о чем-то своем, а я сидел напротив них, смотрел в темноту за окном и думал.

Дачи, деревни, пруды, пионерские лагеря – а ведь это все в районе Нары стоит на местах боев. Зайди в лес, протяни руку – и вот у тебя уже вещи, которым 60 лет. Время идет, река течет, все меняется, а для этих предметов время остановилось. Когда-то отгремели бои и ушли дальше на запад, но эти места все еще несут на себе следы войны в виде оплывших траншей и блиндажей. Для этих патронов война продолжалась, и для той гранаты война продолжалась. Чьи руки в последний раз трогали эти предметы, с какими мыслями люди смотрели на них перед тем, как оставить здесь, в этой земле? Это были и русские, и немцы. Наверняка многих из участников тех событий нет в живых, может, им довелось прожить всего неделю или месяц. Кто-то из них погиб в последующих тяжелых боях, а ведь кто-то до сих пор еще жив. И в памяти живого человека обязательно должен остаться этот эпизод на реке Наре, как в этом или в ближайшем лесу они сидели, ждали приказа и были наготове. Стреляли и уворачивались от пуль, убивали и рисковали сами быть убитыми. А вот эти немецкие патроны, что лежат у меня в рюкзаке? Таких патронов военными заводами было выпущено миллиарды. Одни пули попали в цель, другие не попали. И только вот эти патроны не выстрелили вообще. То ли негодились, то ли их потеряли, то ли бросили в спешном отступлении. И сколько еще можно найти интересных предметов, которые были брошены, потеряны или спрятаны! Вот ради этих вопросов, ради этих загадок мне и хотелось продолжать копать, искать и находить.

Сезон закрыт

Наступил октябрь. Стало холодно и сыро, укорачивался день. Ездить на один день стало бессмысленно. Ну что такое: только приехал на место, и уже надо уезжать. о том, чтобы ехать на два дня, пока не было и речи – у нас не было палатки, топора, котелков и другого необходимого снаряжения. Да и учеба стала прижимать: уже стало не до увлечений. Поэтому было решено закрыть этот сезон, за зиму подготовить все необходимое походное снаряжение, найти еще интересные места и уже следующей весной начать копать более серьезно и основательно.

Пришло время подвести итоги.

Я долго морально шел к тому, что бы начать заниматься тем, чем хочется, а именно – военной археологией. Сколько книжек о войне прочитано, сколько фильмов пересмотрено, а оказывается, что в реальности все обстояло немного не так. Познакомиться с реальной жизнью, восстановить действительный ход событий, значит выйти из мира иллюзий и эмпирических представлений. Копание само по себе – это тяжелый физический труд, а поиск артефактов, относящихся к войне, ко всему прочему, еще и рискованное занятие. Помимо того, что мы уже успели найти гранату и патроны за два выезда, то можно себе представить, с чем нам придется столкнуться в будущем. Риск заключается еще и в том, что оружие и взрывчатку целенаправленно могут искать такие люди, которые точно знают, для чего она им нужна. Не хотелось бы столкнуться в лесу лицом к лицу с этими людьми. Ведь нам, выезжающим на места боев в поисках романтики и сильных ощущений, нечего будет противопоставить более опытным и искушенным копателям. Поэтому надо быть морально готовым к любой встрече, к любому разговору. Вот в самый первый наш выезд, когда менты отобрали у нас первый металлоискатель, мы совершенно не ожидали такого поворота событий. Теперь мы ведем себя более скрытно, местным жителям и дачникам представляемся туристами или грибниками.

За эти несколько поездок я стал понимать гораздо больше об истории нашей страны, о судьбе нашего народа, о самой действительности.

Мы делали вещи, о которых не было написано в книгах и не было снято фильмов, но сами поиски трофеев по местам боев существовали всегда. И знания об этом мы уже начали черпать из разговоров с местными алкашами в деревне, с ветеранами на остановках, с ментами. Оказалось, что параллельно с нашей сытой обыденностью всегда существовала другая жизнь, никому ранее не известная. И в эту параллельную жизнь мне очень захотелось окунуться.

Если присмотреться, то следы войны вы можете найти везде, где она была. Война оставляет после себя памятники, мемориалы, окопы, блиндажи и воронки. Но это то, что можно увидеть с первого взгляда. И есть такие следы, которые можно увидеть лишь при пристальном изучении местности. Например, одиноко стоящее старое дерево на поляне – это след от бывшей деревни, которая была уничтожена в войну, и от которой ничего не осталось. Ряд современных построек вдоль дорог на Запад от Москвы – это следствие того, что в 1941—1942 годах все деревянные строения были сожжены или разобраны на блиндажи. И после Победы все это отстраивалось и восстанавливалось заново. Узнать это можно, только сравнив жилье на Западе и на Востоке Московской области. Там, где не было боев, сохранилось очень много деревянных построек начала XX века, причем в них до сих пор живут люди.

Кроме того, теперь у меня появилась еще одна цель. Конечно, я захотел найти что-то из того, что видел ранее в Центральном Музее Вооруженных Сил или в Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе. Но вещи для меня никогда не были самоцелью. Целью для меня был процесс поиска и желание к перемещению в пространстве. А путешествуя по местам

боев, ты волей-неволей путешествуешь и во времени. Вот ради этих путешествий я все это делал.

Готовимся к следующему сезону

Я понял, что в этом деле мне больше всех надо, и дальнейшее развитие в направлении – военной археологии – это целиком и полностью моя личная задача. Зяма был не настолько заинтересован в изучении истории, чтобы тратить время на чтение мемуаров, изучение хроники боевых действий и поиск мест для раскопок. Но как компаньон он всегда был готов поддерживать идею поехать куда-то за город и там провести время. На том мы с ним и договорились. Я же однажды попробовал съездить покопать в одиночку. Надо сказать, что одному мне тогда показалось это дело весьма скучным. Не с кем поделиться мыслями, эмоциями. Ведь недаром говорят, что одна голова хорошо, а две лучше. Строго говоря, мы пока что побывали на вполне легкодоступных местах, где заблудиться и потеряться очень трудно. Но в процессе поиска неизведанных мест нам обязательно придется углубляться дальше в лес, ходить по чащам. Туда соваться одному мне казалось совершенным безумием. Вдвоем ходить по таким местам было уже не так страшно. Конечно, хотелось бы найти еще и других людей, интересующихся копанием так же сильно, как я. Но где их найти? Возможно, впоследствии мы познакомимся с более опытными поисковиками, и эту задачу я поставил себе в одну из самых приоритетных. Один человек сам по себе ничего не может сделать, а вот скооперировавшись с другими энтузиастами, можно свернуть горы.

Всю зиму я свободное время провел в библиотеке, читал о войне и сравнивал описание боев с картой-километровкой. Постепенно приходило понимание, что интересных мест настолько много, что копать можно практически везде. Другое дело, сколько там прошло таких же копателей, и что после них осталось. Значит, надо искать более удаленные от жилья и дорог места, куда добраться грибнику или туристу будет сложнее.

Интересующие меня страницы карты-атласа Московской области были помечены указаниями стоявших там немецких и советских дивизий, я прорисовывал линии фронта, перемещения войск, направления главных ударов и пути отступления. Упомянутые в книгах и исторических документах названия населенных пунктов я всегда старался найти на карте и подчеркнуть. Работа на самом деле была проведена титаническая, и все это делалось с нуля. Сильно выручала интуиция, которая ставила вопросы и предлагала возможные варианты ответов. У меня улучшилась память, я научился легко запоминать большие объемы информации и воспроизводить их. К весне у меня уже была разработана методика поиска мест для раскопок и были определены самые перспективные места на ближайший период.

Река Нара была изучена от самих Нарских прудов, где она берет начало, до границы с Калужской областью в районе деревень Романово и Рыжково. Я надеялся, что в следующем 2003 году мы сможем более тщательно походить по этим местам.

Конечно, приходилось много читать еще и художественной литературы по программе 3-го курса журфака МГУ. Поскольку я в школе не любил читать, то сейчас уже не узнавал себя. Именно желание найти что-то интересное по истории войны было причиной того, что я много читал по этой теме. Так постепенно отторжение к чтению прошло, и я сам не заметил, как стал с удовольствием читать европейскую средневековую литературу, изучать рецензии и интерпретации классиков. Учеба перестала казаться каторгой, а наоборот, я почувствовал вкус к изучению фактического материала, к сопоставлению и сравнению.

После чтения книг о войне многие художественные фильм стали восприниматься совсем по-другому. Иначе, как патриотическими подделками их и назвать нельзя. Вчитываясь в боевые донесения и сводки с фронта, понимаешь, насколько велика разница между тем, что пишут

друг другу командующие, что они думают о текущем положении, и тем, как это впоследствии преподносится в кино.

В жизни не было места красивым фразам, на фронте не было ничего интересного. Это факт! Война – это тупая мясорубка, где цена человеческой жизни равна цене изготовления патрона. Выживал только тот, кто убивал. Кто больше убьет – тот победит. Поскольку умные люди находили себя в первую очередь на гражданской службе, то в армиях обеих сторон оказывались люди не самые одаренные. Другое дело, что во всей этой массе вооруженных народов кто-то был умнее других. Но ум одного, как известно, не может победить глупость множества. Отсюда такая тяжесть войны, отсюда такие бессмысленные потери.

Уже после первого сезона я понял, что война страшна не тем, что на ней могут убить, а тем, что ее сущность невозможно изменить. Сущность войны – бессмысленное истребление людьми друг друга. Это существовало во все времена, и будет существовать всегда. Меняться будет только форма на убитых солдатах, и по мере развития цивилизации орудия убийства будут только совершенствоваться.

2003: Планы на будущее

Задел на этот год у нас уже есть – это река Нара. Нам предстояло вернуться в район деревни Большие Семенычи и докопать там все разведанные прошлой осенью блиндажи. Бои были очень упорными и на подступах к Наре, в районе слияния рек Нары и Тарусы: это деревни Головкого, Крюково, Скугрово, Радчино и Маурино. Очень интересным для поиска, судя по сборнику боевых донесений, оказался район юго-восточнее Наро-Фоминска. Собственно, это оба берега реки ниже города. С точки зрения досягаемости эти места были очень удобны – от станции Нары во все стороны ходили автобусы и маршрутки. Можно было запросто доехать до границ интересующего района на этом виде транспорта, а потом уже рассчитывать только на свои силы.

Я заранее купил себе комплект хлопчатобумажной формы военного образца для ходьбы по лесу. Предполагалось, что в обычной гражданской одежде мы добираемся в общественном транспорте, не привлекая к себе внимания. И уже в лесу мы скидываем ее с себя и облачаемся в походное снаряжение. Для той же цели Зяма купил себе непромокаемый комплект балахон-брюки из прорезиненной синтетической ткани. Практика потом показала, что синтетика крайне непрактична в многодневных походах. Зяма страдал от того, что резина не пропускала воздух, и он во время интенсивного копания и переходов чувствовал себя как в парилке. А во время привала у костра в синтетике невозможно было подойти к костру. Малейшая искра, попавшая на одежду, оставляла в ней прожженные дыры. В то же время моя хэбэшка хоть и быстро намокала, например, низ штанов практически не высыхал из-за частого хождения по сырой высокой траве. Но куртка хорошо проветривалась, мне было очень комфортно в ней ходить с рюкзаком. Да и сушку у костра хлопчатобумажная ткань переносила абсолютно безболезненно. Но обо всех мелочах копательского быта будет рассказано ниже.

Но случилось так, что на первые майские праздники Зяма отказался ехать копать, ему захотелось поехать на дачу к своему дяде Игорю и там с ним попойнствовать.

Моя подруга Аня, которая была в курсе всех наших дел, постоянно интересовалась, как мы там ходим по лесу, чем мы там занимаемся, что интересного находим. И я, немного подумав, предложил ей поехать вдвоем на несколько дней на то самое место, где мы в прошлом сентябре ходили с Зямой и с Юлькой. Благо, место уже знакомое, добираться туда относительно просто, да и откладывать эту поездку не было никакого желания. Аня подготовилась к выезду, пособирав по знакомым котелок, фонарик и туристический коврик. К этому моменту я уже знал наизусть весь перечень снаряжения, которое должно быть у человека в лесу, чтобы он там мог чувствовать себя как дома. К сожалению или к счастью, Зяма отдал мне большой синий тент от палатки. Этот тент размерами 4х5 метров был настолько универсальным и удобным, что им можно было пользоваться как укрытием от дождя, навесом от солнца, палаткой и подстилкой для лежания. Забегая вперед, скажу, что специально для себя за всю копательскую карьеру я палатку так и не купил – настолько мне хватало возможностей этого синего тента.

Запланировав побыть на природе четыре дня первых майских праздников, мы с Аней выдвинулись из Москвы в сторону Нарских рубежей. Я этот путь проделывал уже третий раз, и мне практически каждое дерево и каждый кустик уже были как родные. А вот моя подруга здесь была впервые. Более того, раньше она никогда не выезжала в Подмоскovie для того, чтобы прожить четыре дня в лесу в палатке. Очень скоро она натерла ноги, и мы стали идти медленнее, пришлось много раз останавливаться и отдыхать. Помня о том, как Зямина Юлька без проблем преодолела эту дорогу, я впал в определенное замешательство. Все люди разные,

и именно трудности ставят на человеке пробу. Аня явно не была готова физически к таким приключениям, но она не сдавалась, она шла вперед, хотя и постоянно ныла. Наконец, мы добрались до того леса и тех блиндажей. Что я вижу? Высокой крапивы, которая мешала нам полгода назад, просто не было! Снег зимой примял ее как следует, и теперь перед нами был живописный смешанный лес, и блиндажи лежали перед нами как на ладони. Вот что значит времена года в природе: нет ничего общего от пребывания в летнем лесу, в осеннем и в весеннем. Ни в ощущениях, ни в настроении. Кто бывал в одних и тех же местах в разные времена года, поймет меня.

Лес просматривался очень хорошо, и я решил разбить первый лагерь подальше от входа в лес. Аня посмотрела на лес, сравнила расстояние, которое мы прошли, с тем расстоянием, которое я хотел пройти, и сказала, что дальше она не пойдет. Так и получилось, что все 4 дня мы просидели на одном месте. Заранее скажу, что я не отходил с миноискателем от палатки далее, чем на 100 метров, и этот радиус подарил мне находок больше, чем я мог представить. Так всегда получается, что когда начинаешь какое-то большое дело, то каждый следующий шаг кажется больше, чем все предыдущие вместе взятые.

Так было и в эти дни. Я ходил с ИМП по ровному месту, и в абсолютно неприметных местах делал совершенно неожиданные находки. В первый же день в десяти метрах от палатки мы нашли россыпь русских винтовочных патронов. Совсем рядом с ними лежал шомпол от винтовки Мосина.

Ночевать в лесу вдвоем оказалось совсем не боязно. Во-первых, мы были относительно недалеко от жилья. Днем был слышен лай собак и звук от работы инструментами на стройке дачных домиков. Во-вторых, в этом месте проходит ЛЭП, которая связывает Кубинку и Наро-Фоминск. Ночью гудение от проходящего по проводам высокого напряжения слышно особенно хорошо. Да и попадающие в чашу блики от освещающих дачи белых фонарей добавляли уверенности и спокойствия в ночном лесу.

На второй день я встал рано, и, пока Аня спала, в бруствере ближайшего к палатке блиндажа нашел точно такую же противотанковую гранату РПГ-40, как мы с Зямой откопали полгода назад на противоположном берегу Нары. На этот раз я не стал ее выбрасывать в реку. Досконально проверив бруствер со всех сторон и больше не найдя там ничего интересного, я закопал этот Ворошиловский килограмм обратно там, где нашел. Когда Аня проснулась, мы позавтракали и стали вместе ходить с миноискателем по нашему лесу. Попадались стреляные гильзы, патроны, осколки. Интересно, что нам стали в большом количестве попадаться хвостовики от минометных мин. Я определил, что это советские летучки. Значит, район обстреливали советские войска, накрывали место сосредоточения немцев. А раз есть россыпь мосинских патронов и отдельные стреляные гильзы, то, значит, здесь был и бой. Есть все основания ждать более интересных находок. Так и копали. Возле небольшого ручья, который дальше впадал в Нару, Аня миноискателем обнаружила какой-то сильный сигнал. Это оказался целый затвор от винтовки Мосина. Находка! Это была первая деталь от настоящего оружия, которую мы нашли. Я обстучал затвор лопатой – та сторона, на которой он лежал в земле, сильно пострадала от влаги. Я не собирался его ремонтировать и делать с ним что-то криминальное. Но и бросать просто так не хотел. Помня о норме 222-й статьи, я все-таки забрал его и спрятал в рюкзаке.

С противоположной стороны от палатки был другой блиндаж. У него на бруствере я нашел прямоугольную немецкую лопатку в очень плохом сохране, алюминиевую ручку от котелка и алюминиевый зацеп для ремня от сахарной сумки. Тогда я еще не знал, что именно

я нашел. Просто качество изготовления этих вещей никак не соответствовало нашему русскому менталитету, и по интуиции я понял, что это немецкие вещи.

Почти весь третий день шел дождь, и мы сидели под тентом, ожидая его завершения. Когда дождь прекратился и мы вышли из палатки, то я понял, что мы попали в неприятную ситуацию. Весь лес был мокрый, со всех веток капало, земля пропиталась водой. Хорошо, что мы выбрали ровное и довольно высокое место для лагеря, и нашу палатку хотя бы не заливало. Весь лес мокрый, дров взять негде. Заготовленные заранее сухие ветки тоже все промокли. Нужно было развести костер, чтобы погреться, просушиться и приготовить еду. Но дров нет. Что делать? Тогда я решил разобрать найденные ранее винтовочные патроны и проверить, горит ли порох. Патроны легко ломались пополам, и порох в них оказался в сыпучем состоянии. Срезав с березы бересту, которая горит всегда, даже мокрая, мы с Аней сделали из нее нечто похожее на емкость, и насыпали туда весь порох из патронов. Нам нужен был любой источник тепла, даже небольшой костер был бы счастьем. Тогда мы могли бы постепенно обсушить намокшие дрова и потихоньку развести нормальный огонь. Не с первого раза подожгли бересту и стали ждать. Порох на удивление легко стал гореть, давая яркое сильное пламя. Правда, он прогорал очень быстро, но этой тепловой энергии оказалось достаточно, чтобы выпарить воду из мелких веток. Они постепенно стали гореть, мы стали подкладывать более толстые сучья, которые в свою очередь тоже шипели и парились. Вот так, не сразу, но нам удалось в весеннем сыром лесу развести хороший костер. Я отошел от палатки метров на двадцать и оглянулся.

Мокрые деревья как-то сразу стали казаться темнее, с веток капала вода, от земли начал подниматься пар. Это была бы очень неуютная картинка, если бы не наша синяя палатка и дружелюбный огонек костра возле нее. Свет сразу создавал настроение, подавал надежду. Пока будет костер, здесь будет жизнь.

Когда я вот так ходил кругами вокруг палатки, то неожиданно для себя увидел в чаще леса синюю оградку и обелиск. Вот это да! Что это такое? Медленно подошел ближе и увидел: действительно, оградка. Из тех, которой ограждают место на кладбище. Внутри оградки лежат яркие искусственные цветы, а на столбике прикручена табличка из нержавеющей стали. Не дословно, но воспроизведу то, что запомнил: «Ребята — имена и фамилии, возраст — погибли здесь, на этом месте в апреле — число — 1961 года». Я смотрел на табличку в совершенном ступоре. Как погибли? От чего? Почему?

Медленно оглянулся — с этого места наша синяя палатка очень хорошо видна. Почему я раньше не замечал этот памятник?

Вернулся к Ане, рассказал ей об увиденном, и мы вместе сходили к оградке.

Молодые ребята, два парня, которым было 14 и 15 лет, погибли здесь примерно в то самое время, когда Юрий Гагарин совершал свой полет в космос. Невероятно! Там — радостное событие мирового масштаба, а тут — смерть двух мальчишек и трагедия для родителей. Мы стояли и молчали.

— Как они погибли? — спустя какое-то время спросила Аня

— Здесь была война. Видишь, сколько всего мы нашли вокруг палатки спустя 60 лет. Даже порох горит. А тогда здесь по верхам валялось столько всего интересного. Скорее всего, они нашли снаряд или мину. Может гранату.

— И кинули ее в костер?

— Может быть и в костер. А может, просто стали разбирать. Или даже просто нечаянно тронули, дернули — и все. Тогда же всего двадцать лет прошло с тех пор, все было рабочее. Рвануло видимо сильно, раз двоих убило.

— Они вдвоем были?

– Откуда я знаю? Может, вдвоем, а может, их тут было несколько, а погибли только двое. Дело темное, больше же ничего не написано.

– Грустная история.

– Да, невеселая.

– Мне страшно.

– Не бойся, мы тут уже третий день, и ничего не произошло. А с тех пор уже сорок лет прошло. Их, скорее всего, не здесь похоронили. После всего собрали, что смогли, и похоронили на кладбище в Больших Семенычах.

Мы вернулись к костру, и долго сидели возле него молча.

– Будь аккуратен, мало ли тут еще чего осталось взрывоопасного, – попросила Аня.

– Конечно, я всегда осторожен.

На следующий день прямо на тропинке, по которой мы пришли в этот лес, Аня нашла миноискателем неразорвавшуюся советскую мину. Мы ее не стали трогать и аккуратно закопали снова. Потом мы нашли еще одну такую же. И проделали ту же операцию. Синяя оградка будто была перед глазами и заставляла осторожничать. Она была совсем рядом, стоило лишь оглянуться, чтобы увидеть ее в густой листве. Такие вещи лучше всего помогают стать серьезным и не искушать судьбу. Я и до этого старался в лесу не шуметь, пусть и по причине конспирации, но никому не позволял даже бросать выкопанные патроны в костер. А получив от леса этот урок в виде оградки и таблички, ровно 3 года вообще не взрывал ничего в лесу. Тишина – наш хранитель и друг.

В последний четвертый день я уже ходил один, потому что Ане это занятие уже надоело и она стала скучать. Перед обедом я в небольшом ельнике нашел обрывки немецкой пулеметной ленты и проржавевшую немецкую же гранату в виде яйца. Больше ничего интересного в округе я так и не нашел, хотя удалялся и в чащу, и ходил дальше по течению реки.

Мы пообедали, уничтожили все расчетные запасы еды, собрали вещи и двинулись в обратную дорогу. От нас пахло костром, и мы уже освоились с ролью лесных жителей, партизан или туристов – кому как будет угодно. Уже дома Аня сказала, что такие приключения слишком сложны для нее и отсутствие горячей воды, продуваемая всеми ветрами палатка и дождь – это не то, что бы она хотела терпеть ради каких-то ржавых железок.

Продажа второго металлоискателя

Я сидел дома и разбирался с находками. Негусто, но все равно это был настоящий результат. В отличие от ребят, которые ездят в качестве массовки в составе официальных поисковых отрядов, мы, опираясь лишь на свои силы и интуицию, сами нашли интересное место. Сами его разведали, съездили туда за свой счет и сделали определенные находки. Насколько они ценные – это еще неизвестно. Но то, что они наши и только наши – не вызывает сомнения. Определенный риск, авантюризм, неизвестность – вот те стимулы, которые руководили нами. За все свои школьные годы я ни разу не был в обычном туристском походе, где живут в палатках и едят обед, сваренный в котелке на костре. Скажу честно, сам поход ради похода мне не был интересен ни ранее, ни сейчас. Походные условия – это неизбежная плата, которую платишь за то, чтобы получить взамен что-то. Я намеревался найти много трофеев, и это бы тогда окупало все те временные и финансовые затраты, которые пришлось понести.

Как минимум, нам надо было найти каску. Советскую или немецкую – неважно. Каска является фетишем. Это необходимый элемент снаряжения солдата, часть защитного обмундирования. Если многие найденные вещи нам впоследствии приходилось идентифицировать по типу «Что это такое?», то каска как находка не нуждается ни в каких пояснениях. Все знают, что это такое. Каска – этот также и мерило для определения мощности металлоискателя. На чем большей глубине он «увидит» каску, тем лучше эта модель прибора для военной археологии. Каска является и определителем территории по шкалам «хоженность-нехоженность», «перспективность-неперспективность». Если вы заходите в лес, и, спустя какое-то время, находите в нем брошенные, наполовину вросшие в землю каски, то, считайте, вам крупно повезло. Эти верховые находки в большинстве процентов случаев говорят о том, что в этом районе вы найдете много всего интересного. Если же ржавые каски висят на ветках деревьев или надеты на воткнутые в землю палки, то это четкий показатель того, что до вас на этом месте серьезно копали, и вы здесь легким наскоком ничего не добьетесь. Обо всех этих вещах нам успел рассказать Михаил, тот самый парень без ноги, который год назад продал нам самый первый прибор.

Что же касается второго прибора, этого громоздкого армейского миноискателя ИМП, то нам необходимо было его сменить на что-то более легкое и компактное. Если бы мы ездили копать на машине, то ИМП можно было бы и оставить в комплекте снаряжения, но, поскольку на ближайшее время машину для взять было неоткуда, то вопрос о покупке другого металлоискателя встал сам собой. А, как известно, чтобы купить что-нибудь ненужное, придется продать что-нибудь ненужное. И я взялся продавать ИМП.

В известную нам уже газету бесплатных объявлений «Из рук в руки» мы дали объявление о продаже, указали там мой домашний телефон и стали ждать. Параллельно стали присматриваться к производителям поисковой техники, сравнивать различные модели по техническим характеристикам и по цене.

В один прекрасный день, когда я сидел дома и занимался чисткой находок, позвонил телефон. Человек, представившийся Владимиром, стал подробно расспрашивать меня о характеристиках ИМП и его потребительских свойствах. Под конец разговора он задал еще один вопрос:

– А под водой им можно работать?

– Согласно инструкции, штангу можно опускать на глубину до двух метров, но при этом сам блок, в котором находятся батарейки и вся электроника, не должен намочать.

– То есть он будет искать в воде?

– Ну да, я вот только что вернулся из похода, мы проверяли воронки с водой этим прибором, совершенно без проблем можно опускать в воду.

– Хорошо, а можно на него посмотреть?

– Конечно, приезжайте, все покажу и расскажу, протестируем возле дома в парке.

Договорились о встрече, Владимир обещал приехать сегодня же.

Забыл сказать, в объявлении о продаже я указал цену 2500 рублей, хотя сам Зяма купил этот ИМП за 2000 рублей. Понятно, что продажа из рук в руки обычно подразумевает некий торг, поэтому величина этого торга на всякий случай была заранее вложена в цену металлоискателя.

Владимир приехал ко мне домой. Оказалось, что это полный мужчина добродушного вида с седой бородкой, в возрасте за 50, я провел его в комнату и стал показывать ИМП.

– Вы понимаете, – начал Владимир, – на майских праздниках мы с товарищами были на охоте в Псковской области. Плавали на лодках по протокам и стреляли уток. И в одной такой протоке я утопил свое ружье.

– Да вы что, серьезно утопили?

– Да, хоть ружье недорогое, но все равно. Там было много народу, многие видели. Вот теперь его надо найти и достать, нельзя вот так все оставить. Мало ли что, – заключил Владимир.

– Ясно. Ну вот, смотрите, вот штанга, вот толстый влагозащищенный провод, вот блок питания и управления настройками отдельно от штанги. Вот еще наушники – все сделано в СССР, надежно и сурово. Прибор работает от четырех толстых батареек, их хватает надолго, я вам их отдам вместе с прибором. Предлагаю пойти в ближайший парк, там проверите характеристики, посмотрите, подходит ли он вам. Да еще возле парка есть пруд, можно будет проверить его и в воде.

Мы вышли из дома, перешли через дорогу и спустились в овраг возле существовавшей тогда гостиницы «Спорт». Я достал прибор из рюкзака, собрал его и передал Владимиру. Он побросал в траву монеты, ключи и стал «искать» их. Походив со штангой и наушниками пару минут, найдя все свои вещи, он сказал:

– Отлично, ладно, давайте не будем смущать народ, а то подумают, что тут террористы какие-нибудь. Беру!

– Хорошо, вот он весь как есть, батарейки забирайте вместе с ним.

– Сколько, вы говорите, 2500?

– Да, хочу 2500 рублей.

Владимир отдал мне деньги, я помог ему запаковать ИМП в пакет, пожелал ему успехов в поиске ружья, и мы расстались.

На всю процедуру продажи-тестирования ушло не больше 20 минут. А в кармане у меня лежит 2500 рублей, которые можно будет вложить в покупку нового металлоискателя.

К этой сумме я прибавил еще 1500 рублей, и отдал все Зяме со словами:

– Из них 2000 рублей твои, а еще 2000 – мои, причем 500 рублей я «наварил» на продаже прибора. Итого мы уже имеем 4000 рублей на покупку нового.

– Нормально ты забарыжил. Надо будет поехать по магазинам, присмотреться к металлоискателям. Если там будут подороже – я еще свои добавлю.

Меня обрадовало, что Зямин энтузиазм не иссякал и он готов был вкладываться в наше общее дело. Получалось поровну: я ищу места и трачу время на чтение и изыскания, Зяма спонсирует деньгами. Находки делим пополам и все довольны.

Покупка третьего металлоискателя

Поиск наиболее подходящей модели в Интернете не дал результатов. Тогда этот рынок хоть и существовал, но не был сильно развит. Оставалось только одно – ехать в магазины, торгующие подобной электроникой, и выбирать уже на месте из того, что будет в наличии.

Первым делом мы посетили магазин «Мир приключений» на Ленинском проспекте. Среди нескольких дорогих моделей известных фирм не нашлось ни одного, который бы устраивал нас по цене. Наш бюджет был до 10 000 рублей. За эти деньги в «Мире приключений» ничего не было. Зато на прилавке под стеклом лежали примеры находок, сделанных этими приборами: медные и серебряные нательные кресты, всевозможные монеты различных эпох, гильзы – такие же, как мы находили на Наре. Особого внимания заслуживает немецкий железный крест второго класса в очень плохом сохране, черный знак за ранение. Вот это была неплохая реклама как для самого магазина, так и для приборов, да и для темы военной археологии вообще! Рядом лежали сборники карт по областям и губерния царской России, научные труды по истории и изыскания по археологии. Они меня не заинтересовали, потому что всю эту информацию в избытке можно найти самому, покопавшись несколько дней в любой районной библиотеке. В дальнем конце зала стоял манекен, наряженный в реплику немецкого кителя, а на голове у него была пробитая пулями советская каска, на поясе висел немецкий ремень с алюминиевой пряжкой, за который были заткнуты гранаты – колотушки. Рядом с манекеном стояла ржавая и погнутая винтовка Мосина без дерева. Я обратил внимание Зямы на эти экспонаты:

– Вот это мы и будем находить в большинстве случаев. Если сильно повезет, то можем найти монеты, кресты и что-то более ценное. Типа того, что лежит у них тут под стеклом.

Самый недорогой металлоискатель стоил в этой торговой точке 11 000 рублей. Я попросил показать его, это была одна из моделей фирмы Tesoro. Легкий, разборный, компактный металлоискатель с дискриминацией по типу металла. Питание от 9-ти вольтовой батарейки типа «Крона». После опыта работы с ИМП о таком приборе можно только мечтать. Но, к сожалению, у нас не было столько денег. Придется искать что-то более доступное.

Прошло еще примерно две недели, и мы вернулись к вопросу покупки прибора. Узнали в Интернете, что есть небольшая фирма «Родонит», которая сама разработала отечественную модель металлоискателя, а также занимается дистрибуцией импортных производителей. Мы с Зямой и Юлькой приехали на станцию метро «Первомайская», разыскали адрес и зашли в офис «Родонита». Контора представляла собой несколько комнат, где одновременно вели дела, продавали металлоискатели и показывали их в работе. По углам везде были разложены находки, демонстрирующие возможности современной поисковой техники: ржавые топоры, немецкие каски, куски метеоритов, всякие монеты пригоршнями. Цены оказались на удивление доступными. Мужчина, который представился менеджером по продажам, расспросил нас о цели покупки металлоискателя и предложил выбрать из нескольких моделей.

На полке мы увидели модель металлоискателя, очень похожую на ту, которую у нас год назад отобрали менты в Тверской области. Мы с Зямой посмеялись, а потом стали серьезно выбирать. Больше всего нам обоим пришелся по вкусу легкий и разборный металлоискатель американской фирмы Tesoro, модель Compadre. У него была дискриминация по типу металлов, он был прост в обращении. А главное, он стоил всего 8000 рублей. Мы немного посоветовались и решили – берем. Конечно, Зяма добродушно вложил в эту сумму. Хороший знак. Я увидел эту его решимость, и обрадовался вот чему: когда человек вкладывает серьезные ресурсы в какое-то дело, то это вложение стимулирует его продолжать движение в выбранном направ-

лении. Можно было надеяться, что теперь Зяма будет серьезнее относиться как к поездкам, так и нашему общему делу вообще.

Помня о том, как менты развели нас с первым металлоискателем, я на всякий случай сохранил чек о покупке, и впоследствии всегда носил его с собой в походах. Заранее скажу: больше к нам никто не приставал по поводу сертификации приборов, и этот чек ни разу не пригодился.

Иклинское

Лето стояло в самом разгаре, в городе было очень душно, несмотря на частые дожди. Мы с Зямой договорились поехать копать не меньше, чем на несколько дней. Предполагалось, что мы в нашем уже привычном формате доберемся до интересующего района на электричке, а оттуда сколько-то километров будем идти пешком до самого района поисков.

Так и случилось. Мы себе запланировали эту экспедицию на четыре дня, но условились, что, если место окажется неинтересным, уедем раньше времени. Если же нам попадется что-то стоящее, то мы останемся копать еще на 1—2 дня. То есть нас не связывали никакие временные ограничения.

От Киевского вокзала мы на электричке добрались до станции «Ворсино». Она находится недалеко от границы Московской и Калужской областей, уже на территории Калужской. Следующая станция – Балабаново. Город, известный на всю страну своим спичечным заводом.

Итак, мы вышли на станции «Ворсино». От нее до района поисков в окрестностях деревни Иклинское было около 7 километров. День был ясный, мы были полны сил. На одном дыхании прошли через поле и пересекли оживленное Киевское шоссе. Тут же находился перекресток, и по асфальтированной дороге мы пошли к ближайшей деревне Добрино. На входе в деревню нас встретил памятник на братской могиле бойцов Красной Армии. Это знак того, что мы идем в правильном направлении. После деревни хорошая дорога закончилась, и мы пошли по обычной грунтовой. Нам по пути встретились дачи и местное деревенское кладбище. За ним была маленькая деревенька Шилово, а на пригорке виднелась деревня Иклинское. Еще на Киевском шоссе я отметил про себя, что Иклинское стоит на высоте – крыши домов были видны еще оттуда. Красивые места и довольно глухие, по сравнению с весьма населенными нарскими берегами выше Наро-Фоминска. Ах да, это же Калужская область со всеми вытекающими административными последствиями. Тут уже совершеннейшая провинция, причем она начинается очень резко. Уклад жизни совсем иной, это сразу бросается в глаза. Даже мобильный телефон Зямы показывал уже контакт с калужской вышкой, а не с подмосковной. От Иклинского нам предстояло пойти в лес на северо-восток в сторону реки Нары и села Каменское. Административная граница областей, судя по карте, в этом месте проходила ровно посередине леса.

Потихоньку мы добрались до Иклинского, миновали его и подошли к опушке леса. Рядом был довольно большой и по форме вытянутый пруд, на берегу которого спали два местных алкаша. Их склонность к употреблению спиртного можно было легко вычислить по лежащим возле них пустым бутылкам и недоеденной закуске, разложенной на полотенце. Мы спокойно прошли мимо них, перешли поле и вошли в лес.

Сверились с часами, и оказалось, что от станции до этого места мы шли два часа. Солнце постепенно опускалось к горизонту, наступал вечер. У нас было немного времени, чтобы походить по лесу, а затем нужно было искать место для лагеря.

В лесу мы сразу переоделись из гражданкой одежды в более удобную копательскую. Я надел пятнистую хэбэшку, которую обновил на первых майских праздниках, а Зяма облачился в тот самый прорезиненный непромокаемый комплект, о котором я рассказывал раньше. Все, мы на месте. Экспедиция началась!

Небольшое отступление про наш новый металлоискатель. Его и тот старый ИМП даже и сравнивать не хочется – настолько это были различные приборы. Они различались, прежде всего, по задумке проектировщиков. ИМП нужен был для того, чтобы работать в любое время года в любой климатической зоне, проверять дорогу и прилегающую к ней территорию на предмет фугасов и неразорвавшихся снарядом, мин и бомб. Предполагалось, что солдат-сапер после использования не будет сам носить этот комплект на себе, а сложит его в ящик и сдаст на хранение прапорщику.

Современный пользовательский металлоискатель изначально должен обладать совершенно иными свойствами. Он должен быть легким, портативным складным, иметь низкое энергопотребление. Его принцип работы должен быть понятен, и работать с ним должно быть легко. Например, на купленном нами Tesoro Compadre был всего один тумблер, который еще и являлся дискриминатором по типу металлов. Шкала настройки была отмечена простыми и понятными обозначениями «Все металлы», «Железо», «Фольга», «5 центов», «Пивная крышка», «1 цент или Цинк» и «Максимальная дискриминация». По сути это был пляжный металлоискатель, которым можно было находить заданные предметы на небольшой глубине. Однако практика показала, что большие и объемные металлические предметы он «видит» на приличной глубине. Единственное неудобство в тихом лесу доставлял достаточно громкий динамик: так и хотелось прижать его свободным большим пальцем правой руки, чтобы он звучал тише. Но постепенно мы привыкли к нему, и впоследствии по этому пиканью легко могли найти друг друга в густом лесу.

Так вот, с новым металлоискателем мы практически не уставали. Практически уже на опушке возле Иклинского мы наткнулись на огромные артиллерийские капониры и небольшие одиночные стрелковые ячейки. К сожалению, они все были перелопачены: на земле валялись выкопанные укупорки от снарядов, снарядные гильзы, консервные банки. Интересное дело, здесь мы впервые столкнулись с небольшими алюминиевыми консервными баночками. На верхних крышках по-английски было написано «Aluminium Improves Quality» – что в переводе означает «Алюминий сохраняет качество». А на дне мелкими буквами выбито «Made in Norway». Немного подумав, мы с Зямой пришли к выводу, что это, скорее всего, экспортный вариант упаковки норвежской селедки, которую Норвегия поставляла своему союзнику Германии. Советский союз вряд ли бы стал закупать у Норвегии селедку для гражданских, а уж тем более, военных нужд. Значит, если мы в дальнейшем будем находить эти алюминиевые баночки, то это будет сигналом к тому, чтобы быть внимательнее к находкам – мы на немецких позициях.

Мы углубились в лес, и буквально через 100 метров наткнулись на несколько оплывших блиндажей. Стали ходить с металлоискателем, и за полтора часа, проведенные там, мы нашли советскую саперную лопатку, остатки советского противогаса с резиновым шлангом и с пожелтевшими стеклами, и неплохо сохранившийся штык от винтовки Мосина. Этих находок уже было достаточно. Как минимум, штык мы еще не находили, и я считал, мы уже не зря сюда приехали. А впереди у нас были еще 3 дня.

Однако начинало темнеть. Мы решили зайти подальше в чащу, чтобы в уютном месте поставить палатку и переночевать. Не помню, сколько прошли по времени, но вдруг поднялся ветер, с неба стал накрапывать дождь. А мы двигались по какой-то просеке или заросшей дороге. Слева и справа был густой ельник, там не было никаких условий для того, чтобы разбить лагерь. Тут дождь стал лить сильнее.

– Зяма, мне кажется, что нам нужно сейчас остановиться и достать тент. Растянем его и так хотя бы не промокнем. Если дождь закончится, то пойдем дальше, а если нет...

– Да, давай скорее тент доставай!

Мы остановились прямо на этой дороге – это оказалась именно заросшая старая дорога. Ногами явственно ощущались две колеи. Сначала растянули тент, поставили туда рюкзаки и разместились сами. Дождь не прекращался, начал грохотать гром.

– Давай здесь переночуем, никуда не пойдем! – кричал мне Зяма через шум дождя, – мы уже далеко от деревни и дачи, нас никто в принципе в такую погоду не потревожит!

– Хорошо, – кричу в ответ, – только все надо делать быстро, чтобы не промокнуть!

Минут пять мы под тентом распределяли порядок действий, кто вяжет какой конец тента к какому дереву и как сильно его натягивает. Под тентом действительно было совершенно сухо, а вот снаружи и листва на деревьях, и трава, и земля – все было совершенно мокрым. Более того, неподалеку от нас в колее стала образовываться лужа.

– Отлично, – говорит напарник, – как раз будет на чем завтра чай вскипятить.

Действительно, у нас с собой был большой котелок, но воды мы с собой из города не взяли. Как сказал Зяма, лишнюю воду тащить все это время на себе совершенно ни к чему, ведь в лесу мы найдем речки, ручьи. Я тогда с ним согласился, и это действительно было мудрое решение. Ближайшие 12 часов нам предстояло обходиться дождевой водой.

– Доставай все емкости, котелки, бутылки, фляжки – все это поставим на улице, и пусть туда вода набирается, – распорядился Зяма.

Так и сделали. Затем молниеносно натянули тент за веревки к ближайшим деревьям, и у нас получилось что-то похожее на палатку. Нижние концы тента мы подоткнули внутрь. Получилось достаточно уютное спальное место для двоих, защищенное от дождя и от ветра. Впервые такой вариант использования тента был испытан на Наре в мае.

Закусив последним «Сникерсом», поделенным пополам, мы улеглись спать. Перед тем как уснуть, Зяма покурил в палатке. Как он сказал, для того чтобы на всякий случай комаров распугать.

Утром мы проснулись в сыром лесу, наш тент прогнулся под тяжестью накапавшей за ночь воды. Мы оба не выспались, потому что в спальном мешке было очень жарко, а стоило немного приоткрыться, как тут же начинали досажать комары. Это было очень мучительно.

Воду из тента мы аккуратно слили в котелок, и у нас теперь было на чем сварить завтрак и попить чай. Через верхушки деревьев светило солнце, от веток шел пар. Я оглядел наш лагерь. Привязанный кое-как веревками к деревьям тент, брошенные на земле лопатки, разложенные вокруг емкости для воды и воткнутый в березу найденный вчера штык. Это и есть становище «черных» копателей. Понемногу расхोлившись, мы позавтракали кашей и тушенкой, не спеша собрали лагерь, сверились с компасом и пошли дальше.

Вокруг по всему лесу пели птицы, воздух сам так и просился в легкие. Мы шли в сторону Каменского, искали глазами следы войны, но очень долго ничего не попадалось.

– Слушай, может, нам нужно было остаться на том месте, где мы вчера уже кое-что нашли? – спросил Зяма.

– А что мы там найдем? Там уже все хожено-перехожено. Надо идти вглубь, искать такие места, где до нас либо еще никого не было, либо еще не успели все забрать. Весь этот лес был в зоне боев, надо по нему ходить.

Зяма нехотя согласился, и мы шли дальше. По пути нам попадались просеки, вполне проезжие лесные дороги, заросшие высокой травой поляны. Но нигде не было траншей, окопов, блиндажей. Не было ничего, что бы напоминало полосу боевых действий. Только изредка попадались стрелковые ячейки. При обследовании металлоискателем они оказывались пустыми.

Вот мы уже где-то на середине пути, прямо посреди лесного массива. Вышли на старую вырубку, нашли среди пней малину и стали ее собирать. Побросали рюкзаки, позабыли обо

всем и просто ели малину. Настало время обеда. Прямо на этой вырубке собрали старых щепок, соорудили костер и сделали макароны по-флотски. За эти сутки мы уже прилично вымотались, поскольку были все время в движении. Как такового копания еще и не было – мы все еще были в поиске места для раскопок.

После обеда мы обследовали вырубку, походили немного по ней, и стало ясно – дорога к ней ведет уже не из Иклинского, а из Каменского. То есть мы уже снова номинально находимся на территории Московской области. Сверились с картой – так и есть. Раз уж в середине леса не удалось обнаружить позиций, то остается теперь дойти до берега Нары и обследовать его. Ведь именно с Нарского рубежа началось движение советских войск на запад, освобождение всего этого района. А поскольку мы шли как бы из немецкого тыла, то, подходя к Наре, мы неминуемо должны были наткнуться на немецкие позиции.

Мы снова пошли вперед. Постепенно местность стала идти вниз, и мы поняли, что сейчас находимся на высоте. Значит, дальше мы будем постепенно спускаться, пока в конечном итоге не придем к берегу. А вот уже и до нашего слуха в этой глуши стал доноситься стук топора где-то за лесом. Мы все ближе и ближе к жилью, но сил у нас почему-то все меньше и меньше. Еще через полчаса движения по вырубкам силы окончательно покинули нас, и Зяма предложил сделать привал и логическую паузу.

Мы выбрали место покрасивее, посуше и сняли рюкзаки. Стоило лишь остановиться, как ноги подкосились, и мы устало повалились на землю. Только теперь можно было оглядеться. Стояла прекрасная летняя погода, вокруг было настолько спокойно и умиротворенно, что хотелось слушать природу вечно. Хотя и чувствовалась определенная усталость, но мы ощущали, что потраченная недавно энергия тут же возвращается обратно в виде чистого лесного воздуха с ароматами трав. Это был заслуженный отдых. Сняли ботинки, носки и легли отдыхать на туристических ковриках. Не заметили мы, как и день прошел. Снова захотелось есть, и мы развели костер прямо здесь, где лежали. Воду для ужина взяли в ближайшей рытвине от колеса – на дне были еле видны следы от широкого протектора грузовика. Было заметно, что по этой дороге ездили уже в этом году, но это было достаточно давно, чтобы колея превратилась в обычную замытую ливнями яму. Вода была свежая, дождевая, без разводов масла или какой-либо другой технической жидкости.

Каким-то шестым или седьмым чувством мы оба понимали, что на всем этом пространстве мы сейчас одни. Ощущалось спокойное единение с природой, мы окончательно входили в ее ритм. Соответственно, уже отключившись от бешеного темпа жизни в городе. Земля, трава, деревья, пение птиц и небо над головой – вот и все, что есть в этом мире. Вместе с тем как-то отчетливо я понимал, что мы сейчас проходим по местам, где когда-то шла война. Жестокая, беспощадная война. Кому-то довелось умереть в окружении всей этой красоты. Наверняка где-то в лесу еще сохранились те старые деревья, которые в декабре 1941 года были молодыми, они помнят то время, они несут в себе эту информацию о прошлом.

Мы топали и топали по набросанным на дорогу поверх глубоких колея жердям, а вокруг все длилась эта большая вырубка. Наконец, она закончилась, колея сворачивала куда-то вбок, а мы по компасу пошли вперед. Дальше пошло мелколесье, которое внезапно закончилось полем. Вот недавно скошенная трава лежит, вот накатанная полевая дорога, там, вдали на пригорке, видны телеграфные провода. Я оставил Зяму отдыхать, а сам снял рюкзак и пошел налегке вперед. Через 200 метров открывалась живописная картина: на противоположном берегу Нары слева и справа были повсюду разбросаны дачные участки с аккуратными домиками. Чуть левее была видна высота, на которой в гуще деревьев стояли основательные дере-

венские дома, чуть приземистые, с многочисленными надворными постройками. Это было село Каменское.

Все, после суток ходьбы по лесу мы уткнулись носом в цивилизацию. И что-то вдруг захотелось обратно в лес – там было гораздо уютнее. Я вернулся к Зяме, доложил обстановку и мы стали решать, куда пойдем дальше. На ту сторону идти не было смысла, потому что там был рубеж, с которого Красная Армия начала свое движение. Мы пришли из леса, в котором по ходу движения никаких следов не обнаружили. Оставалось два варианта: либо идти направо, в сторону деревни Романово, либо свернуть налево к деревне Чичково. Сверившись с картой, решили идти налево, где лес вплотную примыкал к Наре. Тогда как Романово стояло на поле, и от реки до леса было довольно далеко.

По пыльной дороге прошли какое-то расстояние, и вдруг из-под пригорка вынырнули домики, и мы неожиданно оказались на деревенской улице. В деревне жизнь шла своим ходом, мирно себе паслись гуси и утки, бабушки сидели на лавочках возле своих домиков. Мы спокойно, чинно-благородно прошли всю улицу. За ней уже начиналась опушка того самого леса, который нам был интересен. Мы снова остановились и снова решили передохнуть. Недалеко стоял сарай, возле которого дед косил сено. Зяма остался курить возле рюкзаков, а я пошел к деду.

– Здравствуйте! А как называется эта деревня? – спросил я, решив сделать вид, что не знаю.

– Каменское. А вы откуда? – дед прекратил свое занятие и стал с интересом смотреть на меня.

– Мы из турклуба, маршрут прокладываем, – ответил за меня Зяма, который незаметно оказался за моей спиной.

– А я думал – копатели. Тут же война была! – немного огорченно сказал дед.

– Да нет, мы не копатели! – вырвалось у меня эта ложь вместе с каким-то фальшивым смешком.

Дед все сразу понял. Он недоверчиво поглядел на меня, поглядел на Зяму и стал дальше косить траву.

– А что, здесь и правда война была? – пытался я вернуть разговор в нужное мне русло.

– Да еще какая! Сюда постоянно поисковики ездят, братские могилы раскапывают, солдат находят. А вон, видите, поле, – дед махнул рукой на то место, с которого мы спустились, – на том поле после войны много лет трактористы подрывались на снарядах. Зацепит, бывало, плугом случайно, и все. Многие потом отказывались там работать, а ему бутылку поставишь – только тогда садится и едет. А вы точно не копатели? – с искоркой надежды напоследок спросил дед.

Что ему ответить? Я уже соврал, и признаться теперь было неудобно. А зачем он спрашивал? Вдруг он относится к добровольным помощникам милиции, и тогда нас тоже могут ждать неприятности. Наподобие тех, когда менты у нас отобрали прибор в Тверской области. Но если он спрашивает из любопытства, что тогда? Может, он знает интересные места и покажет нам их? Нет, вряд ли. Ну, вот вы бы стали рассказывать кладоискателям о том месте, где, как вам кажется, зарыт клад. Нет, лучше мы сохраним свое инкогнито и прикинемся туристами. Меньше знаешь – лучше спишь.

– Да нет, у нас и этих, как они называются... И металлоискателей нет, – совсем уж безбожно врал я, – сейчас отметимся на карте, а потом назад пойдем через лес к Иклинскому.

– К Иклинскому? А это где такое? – искренне удивился дед.

– Да это на юго-запад через весь лес, уже в Калужской области.

- Да? А я не помню, какие там деревни есть. Это же далеко, – изумлялся дед.
- Не очень, всего километров 5—7 по лесу.
- Ну, давайте, туристы, успехов вам. Не заблудитесь!
- У нас компас есть, – бросил я напоследок.

Мы подхватили рюкзаки и с новыми силами пошли вдоль Нары. В этом месте она была гораздо шире, чем у Больших Семенычей. Это уже была серьезная река с хорошим течением. Правда, и вода тут была гораздо более мутная. Мы еще немного прошли вдоль берега, оглянулись – деревня уже скрылась из вида. И теперь можно было сворачивать в лес.

Внезапно в лесу перед нами открылась непривычная картина – овраги. Склон начинался прямо у наших ног, а дальше он шел вверх. Параллельно этому оврагу слева и справа шли такие же, и не было им числа. Очень живописное место, но не будем забывать о том, что это места боев. Именно в таких глубоких оврагах есть больше шансов найти что-то стоящее, чем на поле или в лесу.

Подойдем к этим оврагам с точки зрения военного искусства и истории войны. Здесь была немецкая линия обороны, точнее, на этом рубеже советские войска остановили немцев, и те были вынуждены здесь окопаться. Непосредственно оборона Красной Армии была на противоположной стороне Нары. Итак, немцы здесь остановились и окопались. Давайте подумаем, где лучше всего расположить огневые точки, чтобы при внезапном наступлении можно было бы успешно отразить атаку? Ответ напрашивается сам собой – примерно на середине гребня оврага. Мы с Зямой прошли немного по гребню, и, действительно, нам стали попадаться аккуратные Г-образные ямы.

– Это пулеметные ячейки гансов, – объясняю я Зяме, – в расчет пулемета входили 3 человека. Такая форма ячейки позволяет вести огонь чуть ли не на 360 градусов. Но основное направление огня в данном случае – в сторону реки и вдоль дна самого оврага. Чтобы, если вдруг наши достигнут подножья, они не смогли просочиться незамеченными по низине. Кстати, и внизу нужно будет походить с металлоискателем. Кто знает, сколько здесь людей постреляно?

Мы поднимались выше по оврагу, а я про себя отметил, что в лесу натоптаны тропинки, в кустах встречаются пустые бутылки и другой мусор, бычки. Вышли на относительно ровное место. Здесь можно ставить лагерь.

И опять внезапно стало темнеть. А поскольку мы оказались на северо-восточной стороне оврага, то темнеть стало гораздо быстрее. Уже привычными действиями за короткое время поставили палатку и развели костер. Зяма, как заядлый грибник, весь день собирал все, что видел съедобного. К вечеру у него набрался целый пакет грибов. Поскольку на природе аппетит разыгрывается всегда, то мы решили сэкономить плановую еду и сварить грибной суп. Просто и со вкусом. Зяма взял шефство над приготовлением супа, и он получился очень вкусным. Надо отдать должное его опыту в приготовлении грибов. Если бы у нас была с собой картошка, то мы бы могли побаловать себя и печеной картошкой с жареными грибами. Но и суп тоже прошел на ура, и, пока мы его готовили, стемнело окончательно. Легли спать и заснули моментально.

Утром, пока Зяма спал, я проверил несколько ближайших ячеек и воронок. Везде было практически пусто, за исключением пары-тройки хвостовиков от советских минометных мин. Старые знакомые!

Вскоре проснулся Зяма, и еще спустя какое-то время мы уже ходили вокруг палатки с металлоискателем и лопатой. Результат – все те же хвостовики и ни одной гильзы. Абсолютно пусто, как будто этот лес лихорадочно забрасывали летучками в надежде кого-нибудь зацепить

осколком. Мы бросили это дело и вернулись к палатке. Доели вчерашний грибной суп, свернули лагерь и пошли проверять овраги.

Ничего, ровным счетом ничего интересного! На середине гребней оврагов то там, то тут попадались ячейки, были немецкие гильзы, ржавые железные консервные банки и уже знакомые нам алюминиевые «Aluminium Improves Quality», хвостовики от мин и осколки. И больше ничего. Пока мы ныряли вверх-вниз это этим оврагам, силы постепенно покидали нас. Это было настолько изнуряющее занятие, что хотелось наткнуться хоть какое-нибудь мало-мальски интересное место с находками, чтобы спокойно поковыряться в земле, не отходя от одной ямы. Но нет, нашим мечтам в этот день не суждено было сбыться. До обеда мы вот так впустую тратили силы, а после обеда решил рвануть назад через лес в сторону Иклинского. Там-то хоть нам что-то попало!

Уже знакомой дорогой, все время сверяясь с картой и с компасом, мы пошли на юго-запад. Вот знакомые уже вырубки, вот место от костра, где мы сушили носки, а вот земляничная поляна. Чтобы не ломиться через завалы в лесу, мы решили обогнуть это место по карте. Благо, что лесовозная дорога и так шла в ту сторону, куда нам было нужно. Протопав энное количество километров, мы, наконец, вышли из леса. Перед нами через поле была незнакомая деревня. Это точно не Иклинское – пейзаж не тот. Смотрим карту, оказывается, что это деревня Аристово, соседняя с Иклинским. Мы дали влево примерно с километр. Что ж, неплохая точность для людей, которые идут по компасу всего второй раз в жизни. Тогда я твердо поверил в возможности компаса и карты, и еще больше в собственные силы. Мы с Зямой совершенно смотрели на лес как на дом, на убежище и на собственную территорию. Фактически мы стали партизанами, и, если раньше я просто не мог себе представить, как выжить в лесу, и зачем вообще туда нужно идти, то сейчас я относился к лесу с почтением и признанием.

Итак, посмотрев на Аристово с опушки, мы повернули направо и пошли искать в лесу наши позавчерашние позиции. Вот те самые развороченные недавно конкурентами артиллерийские капониры, вот одиночные стрелковые ячейки. А это что такое? В прошлый раз я сюда не заходил. У самой кромки леса была выкопана большая прямоугольная яма, глубиной больше двух метров. С одной стороны у нее был приступочек – чтоб удобнее стоять. Рядом с ямой аккуратно сложена куча земли из нее.

– Братская могила была, – догадался я.

– Такая глубокая? – недоверчиво спросил Зяма.

– Да, какая есть. Это «красные» следопыты сделали. Было неучтенное, или, наоборот, учтенное в местном военкомате захоронение, они его подняли и перенесли останки куда-нибудь в другое место, может, на большое воинское кладбище.

– А зачем переносить? Можно же ведь памятник сюда привезти, тут поставить его, ограду рядом и все.

– Да нет, если до конца неизвестно, кто там похоронен поименно и сколько вообще там лежит солдат, то такие могилы переносят. В любом случае, это их работа – искать медальоны и восстанавливать имена, искать потом родственников. В некоторых случаях находят. А в основном... Помнишь, как в прошлом году в Черленково нам местные показывали обелиск на братской могиле? Всего десять процентов от числа похороненных в табличке названы поименно. Остальные – неизвестные.

– Никак не пойму, ну как только такое могло произойти? Они же идут в атаку одним подразделением, все друг друга в лицо знают. Потом, документы же у них есть, красноармейские книжки, медальоны. Почему так? – все не успокаивался Зяма. Тогда мне нечего было ему ответить. А, действительно, почему так? Я войну не видел и не знал, почему все так.

Мы постояли возле ямы и двинулись к уже разведанным советским блиндажам. Снова наступал вечер, на этот раз солнце светило прямо в лицо нам, и заливало своими лучами лежащий перед нами в низине Иклинский пруд.

Выбрали место погуще, специально недалеко от ручья, чтобы недалеко было ходить умыться и набирать воду. Поставили палатку, развели костер. Ужин традиционно прошел на ура, хотя к тушенке уже начало появляться отторжение.

На следующее утро мы стали ходить с металлоискателем вокруг тех самых блиндажей, на которые наткнулись в первый день. И здесь Зяма нашел штык от винтовки Мосина – недалеко от того места, где 3 дня назад нашел такой же. Мы еще немного походили, повыкапывали осколков, целых патронов и стреляных гильз, вынули из-под земли несколько ржавых ящиков непонятного назначения. И, может быть, еще поискали бы в этом квадрате, да на нас вышел местный грибник с плетеной корзинкой. Он не стал подходить к нам и общаться, лишь обошел стороной. Походил рядом, да и пошел вглубь леса. Отчего-то мы стали немного волноваться за сохранность нашего лагеря, оставили активные поиски на позициях и вернулись к палатке. А тут как назло стало накрапывать. Мы с Зямой спрятались в палатке и часа полтора пережидали мелкий дождь. Когда он закончился, мы решили завершить этот поход и потихоньку выбираться из леса. По мокрой траве ходить в лесу – не самое приятное занятие. К тому же, мы уже хоть что-то нашли. Каждый взял по штыку, и мы этим были довольны. К сожалению, первый раз на неизвестном месте всегда так: ходишь в поисках всегда больше времени, чем копаешь и находишь.

Мы собрали вещи, «похоронили» по заведенному обычаю закопченные пустые банки от тушенки, сожгли весь мусор и двинулись в обратную дорогу. У Зямы было с собой расписание электричек, и мы подсчитали, что, если будем идти в среднем темпе, то успеем прямо на электричку. Если же нет, то следующую придется ждать около часа. Мы взяли темп и потопали. В Иклинском, когда мы проходили по улице, местный мужик бросил нам с крыльца своего дома издевку:

– Ну что, походнички, нашли что-нибудь?

– Нет, – коротко огрызнулся я ему в ответ, и мы пошли дальше не останавливаясь.

Разговаривать по теме с ним не было времени, да и как-то побаивались мы тогда незапланированных знакомств и бесед. Мы тогда были только начинающими в «черной» археологии, и не знали еще очень многого. Я догадывался, что мы мало знаем о реальной жизни и о том, как правильно разводить местных жителей на разговор. Нам все это еще предстояло узнать. Точнее, мне одному.

Зяма отчаливает

После похода в Иклинское Зяма взял большой тайм-аут. Он, как человек настроения, нуждался в смене впечатлений, и после нашего похода вскоре отправился вместе с Юлькой к своему дяде Игорю на дачу. Отдыхать, ходить на рыбалку, пьянствовать. Зная его, я был уверен, что он теперь всем друзьям и знакомым будет подолгу рассказывать о наших с ним похождениях в лесу. Наверное, ради этой самой возможности потом кому-то рассказать что-то эксклюзивное он и пошел в журналистику как в профессию. Так он очень быстро нашел себя в этом ремесле, и было непонятно, где заканчивается журналист и начинается просто Зяма. Он по своей натуре не мог хранить информацию, он везде ею делился со всеми. То есть, ему по натуре была ближе скандальная журналистика.

Я же всегда старался смотреть вглубь вещей, прикладывать усилия для познания скрытых смыслов. И интуитивно я чувствовал, что склоняюсь к серьезной исследовательской работе в области истории и обществознания. Так что, когда я неделями просиживал в библиотеке и поглощал из книжек информацию о боях под Москвой, — это тоже была журналистика, точнее, исследовательская работа.

Между тем, после нашего похода в Иклинское мой собственный интерес к копанию только усилился. Уже дома я стал спокойно анализировать весь наш поход, оценивать достигнутый успех и выявлять неудачи.

За эти 4 дня я научился очень многому, в какой-то мере свой прошлый туристический опыт мне передал Зяма. Самым важным результатом для себя определил то, что я больше не боялся леса, природы, отсутствия людей. Пустынность, столь характерная для малообжитых мест, стала моим союзником. Там, где нет людей, для путешественника нет опасностей, кроме тех, что он может создать для себя сам. И, если человек верит в свои силы, на всем протяжении похода совершает лишь обдуманные поступки и не делает ничего во вред природе, он может спокойно выжить без привычных всем нам городских удобств и развлечений. На природе жизнь проста, она вся находится в твоих руках.

Но, поскольку Зяма отчалил, как мне показалось, надолго, то я решил свободное время провести в поиске единомышленников в Интернете. Практически сразу мне попался на глаза сайт поискового отряда из Санкт-Петербурга под названием «Нейтральная полоса». Ребята выкладывали отчеты о поездках, рассказывали об интересных местах, об истории родных мест. И, конечно же, они выкладывали на сайт фотографии находок. Вот это было действительно завораживающее зрелище: свежевыкопанные немецкие каски с орлами и свастикой, алюминевые пряжки ремней солдат вермахта с надписью «Gott Mit Uns», ржавые детали оружия, элементы амуниции и снаряжения обеих противоборствующих сторон. На сайте было очень подробное описание опасных находок с указанием, что именно не рекомендуется с ними делать во избежание несчастных случаев. Оно и понятно — в Ленинградской области почвы с большим содержанием глины, торфа. Там все гораздо лучше сохраняется, в том числе и взрывоопасные предметы. На сайте был также раздел поисковой лирики, где копатели публиковали свои песни, стихотворения и художественные рассказы.

Все это вдохновляло меня на новые поиски, на новые свершения. Я написал в гостевой книге сайта несколько строчек, в которых выразил авторам сайта признательность за их работу. И, в свою очередь, вкратце рассказал о нашем недавнем походе в районе Наро-Фоминска. Очень скоро мне ответили, что принимают благодарность и желают всяческих успехов.

Как сейчас помню, было очень отраднo понимать, что где-то далеко есть люди, у которых представления о мире сходны с твоими и которые живут теми же интересами, что и ты.

Прошло чуть больше месяца, лето подходило к концу. Поскольку на Зяму уже надежды не было, я решил на один день съездить один в район Нарских прудов, проверить фактическую информацию из двухтомника «Битва под Москвой» и разведать новое место для копания. И вот в один обычный день мне на электронную почту пришло письмо примерно такого содержания: «Даров! Увидел твою запись в гостевой книге сайта „Нейтральная полоса“. Мне тоже интересна тема копа, я тоже из Москвы. Может, как-нибудь съездим покопать? Пиши. Стас».

Я очень удивился такому посланию и долго думал – что же это такое? Я спросил себя: стал бы я сам писать такое письмо другому человеку? Вряд ли. «Черное копательство» подразумевает подпольное занятие археологией, пусть и не обязательно с составом преступления. Но, тем не менее, все, что неформально, в нашей стране всегда может оказаться нелегальным. Может такое быть, что это письмо мне написал какой-нибудь сотрудник органов внутренних дел, чтобы «раскрутить» меня на предмет хранения оружия и боеприпасов? Вполне может быть. Я снова зашел на сайт, нашел свой пост в гостевой книге и несколько раз внимательно перечитал. Там не было ничего такого, что могло бы послужить поводом заподозрить меня в совершении противоправных деяний. Да, собственно, никаких законов мы не нарушали – все было очень культурно и вполне безобидно.

Поэтому решил вступить в переписку с этим Стасом, чтобы в дальнейшем выяснить его мотивы и устремления. Мы с ним несколько дней переписывались по электронной почте и стало ясно, что Стас – вполне вменяемый грамотный человек, которому интересна военная история и тема раскопок. Он довольно долго читал в Интернете отчеты различных поисковых отрядов и групп, даже хотел было попроситься в отряд к «красным следопытам», но всякий раз его что-то останавливало. И вот, когда он увидел мой небольшой отчет о походе в Иклинское, решил сразу написать мне. Я предложил Стасу созвониться, и мы очень быстро нашли по телефону общий язык. Оказалось, что Стас имел очень большой опыт обычных туристических походов, причем совершенно разных категорий сложности. У него была палатка и все необходимое снаряжение для пешего туризма. Но у него не было металлоискателя.

Немного подумав и взвесив все за и против, я предложил Стасу поехать на два дня в район Нарских прудов с ночевкой. Он немедленно согласился. Решили ехать в ближайшие выходные.

Стас и первая каска

Со Стасом мы договорились встретиться на станции метро «Белорусская-кольцевая» незадолго до отхода электрички. Я все гадал, как же выглядит этот человек. Судя по телефонному разговору, у него интеллигентный голос, он быстро и хорошо соображает. Так и оказалось в действительности. Мы быстро друг друга узнали в толпе, не в последнюю очередь благодаря огромным рюкзакам, которые были у нас. Поздоровались, и сразу же наше общение пошло очень легко и непринужденно. Стас – худощавый, чуть ниже среднего роста, выглядит весьма молодо. Как потом выяснилось, ему на момент нашего знакомства было уже 29 лет. Я был младше него на 8 лет, но мы как-то сразу стали общаться на равных.

Оказалось, что у нас много общих тем для разговоров. Я рассказывал Стасу о том, как мы начинали копать, как ходили по Наре, что интересного видели. Он в свою очередь делился наблюдениями из своих прошлых карельских и уральских походов. Мы вышли на станции Кубинка и стали ждать другой электрички, которая должна была нас подбросить до остановочного пункта недалеко от Чупряково, который на карте даже никак не отмечен. Можно было это расстояние пройти и пешком, но, на удачу, электричку нам пришлось ждать недолго. От Кубинки до этого полустанка мы ехали всего-то минут десять на медленной скорости.

Вышли из вагона, точнее, выпрыгнули, потому что платформа здесь была короткая и ее хватало не для всех вагонов. Спустились с высокой крутой насыпи вниз и сразу натолкнулись на границы дачных участков. На грядках мирно копошились их хозяева, по лесу бегали и играли дети. Мы прошли мимо дач и стали вглядываться в местность. Везде, где только можно было увидеть, были заметны остатки траншей и блиндажей. Многие из них были завалены мусором самых разных габаритов, поэтому мы даже не стали рассматривать возможность поисков вблизи дач. Вскоре наш путь пересекла дорога, на обочине которой был установлен столб с красной табличкой следующего содержания: «Внимание! Подводные стрельбы, вход в лес запрещен». Мы постояли возле таблички, Стас ее сфотографировал. В это время по дороге с той стороны, куда по идее вход должен быть запрещен, выехал дорогой джип, который медленно проехал мимо нас и скрылся в чаще. Мы внимательно пригляделись и заметили, что эта дорога ведет к огороженной высоким забором территории, где стоят элитные дачи. Хорошо устроились, поставили дачи прямо на берегу Нарских прудов. Еще и устрашающую табличку повесили. Все понятно, там нам делать нечего.

Мы по карте сверились с местностью, и я объяснил Стасу, что в этом достаточно обширном лесном массиве как раз и проходила линия обороны в декабре 1941 года.

Стас попросил меня рассказать, как надо работать с металлоискателем и как вообще строится теория поиска. Мы сделали привал, сняли рюкзаки, и я, собрав металлоискатель, с помощью мелких монет и ключей, разбросанных по земле, стал раскрывать ему секреты работы с прибором.

– Мне интересна мелкая бытовуха, типа фляжек, столовых ложек люфтваффе, армейских немецких котелков, – сказал Стас, – а всякие там мины, гранаты и оружие – ну его на фиг. Не хватало еще за какую-то ржавую железку в тюрьму попасть.

– Хорошо, если ты хочешь найти вещь, сделанную из цветного металла, то тогда переключашь тумблер в как минимум в положение «фольга», можно и еще дальше. Тогда металлоискатель не будет «замечать» стальные и железные предметы мелкого и среднего размера, вроде осколков и стальных гильз. Он будет реагировать только на цветные металлы, даже если они очень маленького размера. Но даже при режиме самой сильной дискриминации металло-

искатель среагирует на большую стальную, железную или чугунную вещь. Все эти моменты надо понять и запомнить. Тогда тебе будет проще работать, не будешь отвлекаться на выкапывание осколков и хвостовиков от мин, не будешь тратить силы попусту.

– А ты на каком режиме обычно работаешь?

– Когда очень много осколков в земле, то я так и поступаю, переключаясь на «фольгу», а когда находок нет вообще, то ставлю тумблер в положение «все металлы», чтобы по найденным фрагментам железяк можно было восстановить хоть какую-то картину происходившего здесь. Ну и приготовься, что будет очень много современного хлама. Работа вблизи от дач всегда накладывает отпечаток, будто копаешься в помойке.

Первые часа два я показывал Стасу на примере выкопанных находок, как надо водить металлоискателем над землей, чтобы не пропускать непроверенные участки по траектории движения.

Наконец, я вручил ему металлоискатель, и решил понаблюдать, как же Стас поведет себя в деле. Мой новый знакомый без тени смущения взял в руки прибор и очень бодро пошел прозванивать ближайшую поляну. Он не оглядывался, не пытался задавать наводящих вопросов, а сам старался молча разобраться во всем по ходу дела. Вот ему стали попадаться латунные гильзы, которые он старательно выкапывал до тех пор, пока педантично не извлек с этой точки все «звонившие» предметы. Потом пошел дальше и на ровном месте выкопал несколько гильз от советского противотанкового ружья.

– Ух ты, а я таких раньше не находил! – вырвалось у меня, – поздравляю!

– Они что, очень редкие? – недоумевал Стас.

– Нет, не редкие, просто я таких раньше никогда не видел, хотя и год с лишним копаю.

Он остался ковыряться с гильзами, а я, взяв металлоискатель, перехватил инициативу и пошел дальше. Побродив вот так по очереди на этом месте, мы решили углубиться в лес.

Вышли на широкую просеку с хоженной тропинкой и пошли прямо по ней. Со Стасом было интересно разговаривать, он с легкостью мог подхватить любую тему. С ним было не скучно, он живо интересовался спецификой копания, не чурался испачкать руки в земле, не ленился. Как резок был этот контраст между поведением и привычками моего старого друга Зямы и этого нового знакомого Стаса. Если Зяму мне приходилось как-то мотивировать, иной раз даже заставлять копать или идти куда-то разведать место, то Стас всегда с готовностью брал прибор или лопату. Сразу было видно, что этот человек увлечен копанием совершенно так же, как и я. Это рассеяло все мои сомнения о возможной принадлежности Стаса к правоохранительным органам, как дым.

– Стас, а ты кем работаешь? – спросил я его на марше.

– Я работаю в неправительственной организации, на должности менеджера проекта. А ты?

– А я пока учусь на журналиста.

Вот так мы и представились друг другу. Мне импонировало, что Стас вот так сходу вошел в тему копания, а ему было приятно, что ему за 5 минут все доходчиво показали и рассказали.

Новые надежды

В общем, мы быстро подружились. В течение сентября мы практически каждые выходные ездили на электричке по Белорусскому направлению и ходили в районе Минского шоссе. В тот год осень была сухая, без сильных и затяжных дождей. Мы ходили по лесам и постепенно характеры притирались друг к другу. Оказалось, что взгляды на мир у нас во многом похожи. Это были и нелюбовь к постоянному сидению в офисе (однако я реально работал журналистом-фрилансером, а Стас работал полный день и лишь мечтал найти себе такую работу, чтобы не нужно было «ходить на службу», как он выражался), и любовь к природе, и желание найти какую-нибудь интересную штучку с войны. Когда мы в темноте сидели у костра, то часто обсуждали то, что раньше прочитали на разных копательских сайтах. Самые сильные впечатления у нас были от отчета одного старого копателя. Он писал о том, как они с товарищем ехали копать на кроссовом мотоцикле в Калужскую область и потом, свернув с шоссе, запросто ехали на мотоцикле по лесным дорогам, по просекам и приехали наконец на какое-то странное место. И вот, где-то в глубине Калужских лесов, они с товарищем нашли заброшенный блиндажный городок с большим количеством хабара. Они перечисляли предметы, а у нас со Стасом эти вещи с войны тут же материализовывались перед глазами. Перечислю по памяти те артефакты: фляжки вермахта в войлочных чехлах; штыки от Маузера в ножнах, которые внутри были «в масле»; кители и шинели из раскопанного не обвалившегося блиндажа; снаряжение и амуниция в очень хорошем состоянии из ящиков; вросшая козырьком в накат блиндажа немецкая каска; связка отломанных половинок немецких жетонов; немецкая каска в зеленой краске с подшлемником и с заботливой подписью фамилии хозяина на внутренней стороне — «Neumann»; кожаные ремни с алюминиевыми пряжками «Gott Mit Uns»; полевые телефоны и мотки проволоки и так далее и тому подобное. Сидя у костра, мы обменивались впечатлениями и надеялись, что когда-нибудь и мы сами сможем найти если не что-то уникальное, то хотя бы вещи из того списка, который я перечислил. Мы пили чай, запивали его сгущенкой и заедали сухарями, смотрели то на костер, то на небо, и каждый представлял себе события шестидесятилетней давности.

Мы надеялись, что однажды количество выездов перейдет в качество, и с каждым разом, от похода к походу, мы становились более приспособленными к лесу, к природе, к погоде и к обстоятельствам.

У нас все так же был только один мой *Tesoro Compadre*, которого нам, впрочем, вполне хватало. Как только одному надоедало ходить и «прозванивать» ячейки, его тут же сменял другой.

Я потихоньку объяснял Стасу те или иные понятия о военной тактике, исходя из которых, можно лучше понять логику военных действий и, проанализировав в лесу ситуацию с обнаруженными следами войны в виде одиночных ячеек, окопов и блиндажей, быстро сориентироваться и с большой вероятностью определить — стоит здесь копать или нет.

Как и прежде, мы находили гильзы, осколки, неразорвавшиеся снаряды, прогнившие или целые корпуса гранат, старые и сильно проржавевшие, но очень хорошо сохранившие форму автозапчасти, лопатки самых разных форм и размеров. Попадался, конечно, железный хлам и размером побольше. Например, стандартные стальные бочки емкостью 200 литров, с выдавленными клеймами *Feuergefaerlich Kraftstoff* (немецкие) либо *Shell 1941* (американский ленд-лиз).

Постепенно мы поняли, что вблизи от дорог и населенных пунктов все было уже давно выкопано или собрано сразу после боев. Ведь в Московской области было преимущественно

маневренная война. И та битва за Москву, о которой снято много фильмов и написано много книг, на самом деле длилась совсем недолго. Самым драматическим было время с октября 1941 по январь 1942. То есть всего 3 месяца, и все это время фронт двигался, где-то только с запада на восток, а где-то взад-вперед, меняя очертания. Самые боевые места сейчас все застроены дачами, а в районе Химок, Зеленограда и Лобни так вообще многоэтажные дома стоят на тех местах, где когда-то стояли насмерть бойцы Красной Армии. Да, многое изменилось с тех пор...

Зямина монета

Как-то раз мне позвонил Зяма и вдруг неожиданно предложил поехать покопать. Куда-нибудь на один день, не очень далеко... Я очень удивился такой его прыти, но был рад, что он вспомнил обо мне и о нашем с ним общем увлечении. Мы сели на электричку и поехали по Белорусскому направлению в сторону станции «Дорохово». За разговорами дорога прошла незаметно, и мы с ним решили выйти чуть пораньше – на станции «Садовая». Погода стояла прекрасная, хоть и было начало октября. Мы с Зямой прошли через садовые участки, перешли на другую сторону Минского шоссе. В лесу было тепло и сухо, дождей давно не было. Мы пошли медленно по лесу в сторону к Москве, наш маршрут был спланирован так, чтобы в конце дня мы подошли к Нарским прудам и оттуда уже дошли до станции «Полушкино», откуда и уехали бы домой.

Зяма был как-то слишком весел, он взял с собой из Москвы несколько бутылок пива и пил их одну за одной. Через полтора часа он уже был явно пьян и водил металлоискателем над землей как метлой, не особо задумываясь о том, насколько это эффективно. Я ходил за ним по пятам с лопатой, и, как только у него срабатывал прибор, начинал копать.

– Да что ты копаешь, это же какая-нибудь ерунда, – надменно возмущался Зяма, – тут кучи пробок от пива, а ты их копаешь, будто это клад.

– Ну, мы же не знаем, что там лежит, поэтому надо копать. Каждый сигнал нужно отрабатывать, – я пытался вразумить его и призвать к терпению.

Без терпения в копательстве делать нечего. Ведь на каждом шагу под землей могут быть ценные вещи или ненужный мусор. Отделить ценное от хлама – это только наполовину задача металлоискателя. Твоя собственная задача заключается в том, чтобы нагнуться, дать себе труд выкопать ямку и достать из-под земли этот предмет. И только после этого ты сможешь оценить, стоили твои усилия полученного результата или нет.

Но Зяма, похоже, хотел всего и сразу, он не хотел напрягаться. Точнее, он был готов трудиться, но только лишь какое-то время, пока эмоции от ощущения себя кладоискателем брали над ним верх. Как только побеждала небольшая усталость, он отказывался копать. Мне приходилось перехватывать у него инициативу, и вот я иду по лесу с металлоискателем и лопатой, а сзади плетется с бутылкой пива Зяма и, пользуясь отсутствием почтенной публики, поет на весь лес похабные песни.

Так прошло еще часа два, мы оба притомились основательно и решили остановиться на обед. Надо ли уточнять, что разводил костер, готовил кашу с тушенкой и заваривал чай я? Зяма все это время сидел на пенке и пил пиво, задавал мне вопросы про копание и, похоже, не особо вслушивался в мои ответы. Я рассказывал ему, как мы недавно копали с новым знакомым Стасом совсем неподалеку от Нарских прудов, как выкопали советскую каску, как ночевали в лесу. Зяма на это отвечал, что мы маемся ерундой и что нужно копать монеты и ставить перед собой такие цели, как библиотека Ивана Грозного. Не меньше!

Когда мы пообедали, то усталость, наконец, одолела и меня, теплая пища сделала свое дело, мне тоже стало лень копать. Мы сидели в старом лесу, Минское шоссе шумело метрах в двухстах от нас, было приятно просто так сидеть у костра и ничего не делать.

И тут Зяма встрепенулся, швырнул пустую бутылку из-под пива в костер, схватил металлоискатель и начал ходить вокруг. Я улыбнулся, но, все же старался подсказывать Зяме, как лучше держать прибор, и где есть смысл светить – под кустами, возле деревьев. Он скрылся

за деревьями и только издалека на весь лес раздавался звук от металлоискателя. Я собрал наши вещи, затушил костер и пошел к Зяме. Он был полон энтузиазма, копал каждый сигнал. Ему попадались водочные пробки-«бескозырки», алюминиевые банки от «Кока-Колы», ржавые гвозди и мелкие осколки от мин и снарядов. Вдоль Минского шоссе в 1941 году шла война, а по параллельному Можайскому шоссе в 1812 году на Москву наступала Великая армия Наполеона. Названия Дорохово, Тучково, Крымское и Наро-Осаново – это все топонимы, связанные именно с Отечественной войной 1821 года. Вот мы с Зямой вышли на какие-то огромные ямы в лесу. Судя по размерам и расположению, это были укрытия для техники и лошадей. Только вот было непонятно, относятся они к осени 1941 года, или это уже более позднее фортификационные сооружения 1942-го и последующих годов. Мы стали ходить вдоль ям, спускаться в них и все время прозванивали прибором каждый метр земли. Железа нам попадалось много, это были остатки больших металлических бочек, куски рельс, ржавые бидоны, несколько раз попадались подковы. Зяма очень обрадовался подковам, «На счастье, на счастье!», – твердил он. Но мне не нравился сохран металла: вода подходит к поверхности земли очень близко, и каждая стальная или железная вещь буквально обрастает в земле комом ржавчины. На многих предметах процесс ржавения доходил до того, что они истончались очень сильно, и было очевидно, что это уже совершенный мусор. В таком грунте только предмет из цветного металла мог бы сохраниться в приемлемом виде, о чем я тут же сообщил Зяме. Мы переключили металлоискатель на режим «цветной металл» и пошли дальше вдоль Минского шоссе. Шли мы, шли, и было нам весело. Зяма рассказывал анекдоты и пел матерные частушки, временами переходил на серьезность, когда у него что-то звенело. Мы вместе проверяли сигнал, как обычно, оказывавшийся водочной пробкой или фольгой от пачки сигарет.

Но тут Зяма как-то поотстал, а я прошел чуть дальше и увидел живописные старые дубы. А рядом с ними были стрелковые ячейки по 1941 году. В этот момент металлоискатель у Зямы загудел как-то по-особенному – длинно, протяжно. Зяма проходил между кустами и в этот момент практически оперся металлоискателем на землю, чего делать не следовало, чтобы не сломать штангу и не испортить весь прибор.

Металлоискатель гудел, Зяма провел над этим местом снова – долгий сигнал повторился.

– Что там, цветник или черный? – поинтересовался я у Зямы.

– Стоит на всех металлах.

– Ну, тогда копай, – констатировал я, поскольку такой длинный сигнал на режиме «все металлы» может обнаружить и цветной металл. Зяма начал водить металлоискателем над этим местом, вой прибора раздался на весь лес.

– Хватит гудеть, голова болит, – прервал я его бессмысленные действия, – копай!

– Что, действительно будем копать? – он в последний раз задал вопрос, понимая, что больше отлынивать от работы не получится.

Вместо того чтобы продолжать пререкания с Зямой, я воткнул лопату рядом с тем местом, где был сигнал, и нажал на черенок. Земля с натягом вырвалась аккуратным квадратным комком, на дне которого лежал какой-то зеленовато-белесый диск довольно большого диаметра. Он был заметно больше крышки от пива, больше современной монеты.

– Монета! – вскричал Зяма после некоторой паузы.

Я схватил предмет из ямы и достал, поднеся к нашим глазам. На самом деле это была монета, причем такая, какой я раньше никогда не видел. По ребру у нее из-под толстого слоя зеленой патины виднелось рифленое ребро. Это рифление было в форме сетки. Что это за монета, так и не было понятно. Мы с Зямой начали по очереди плевать на монету и тереть ее стороны перчатками. Постепенно из-под зеленой патины стали вырисовываться силуэты. С одной стоны были какие-то вензеля, корона и буквы, на другой стороны мы стали узнавать

изображение двуглавого орла и номинал «5 копеек». Вот как! Это была монета достоинством пять копеек, самая настоящая! Мы стали тереть дальше, и когда стерли почти всю рыхлую зеленую патину, то увидели год чеканки – 1783 и вензель Екатерины Второй. И рядом с гербом были буквы – ЕМ. Это была наша первая с Зямой настоящая находка: дореволюционная монета, с царских времен, из эпохи царствования императрицы Екатерины Великой.

Мы остановились, мы сели, мы стали осмыслять наши ощущения. Зяма вдруг протрезвел, стал серьезен, и его лицо совсем переменялось.

– Я ехал покопать и развеяться, а тут такое.

– В нашем занятии нужно быть готовым ко всему и не лениться!

– Да я не ленюсь, просто в последнее время все из рук валится...

– Ну ничего, теперь ты наконец удостоверился, что это не просто дурацкое занятие, а на самом деле можно найти монеты. Хоть одна монета – не клад, но без металлоискателя мы бы никогда не нашли ее.

– Согласен, прибор – отличная вещь!

Так мы с Зямой обсудили нашу удачу, а потом стали осматривать местность вокруг. Зяма остался сидеть на пенке, по случаю находки он открыл последнюю оставшуюся бутылку и выпил за здоровье кладоискателей.

А я взял прибор и пошел проверить стрелковые ячейки с 1941 года. Рядом с ними были гильзы от трехлинейки, я также нашел молоток, чуть поодаль у старых дубов откопался полусгнивший серп, и больше тут не было ничего.

Монета, которую мы нашли, оказалась ровно на двести лет старше Зямы. Он так бережно гладил ее и изучал обводы двуглавого орла, что я решил не претендовать на нее.

– Молодец, что нашел, это твоя удача и успех, – мне хотелось так воодушевить Зяму, чтобы он проникся копательством и снова ездил со мной, как это было прошедшим летом, как мы хотели ездить все предыдущие пару лет.

– Да, монету нашел, а девушку потерял, – вздохнул Зяма, и я не поверил его словам.

Я начал выуживать из него слово за словом, и оказалось, что они с Юлькой недавно расстались. Точнее, она ушла от него, и он теперь не находил себе места. Вот почему он и решил позвонить мне, чтобы развеяться на природе после такой тяжелой личной драмы. Я постарался его поддержать, мы долго еще обсуждали, как это могло произойти.

Копание дальше как-то не клеилось, да и после монеты ковыряться в гильзах и осколках уже совершенно не имело смысла.

Мы еще раз перекусили разогретой тушенкой, погасили костер, закопали обожженную консервную банку в костровище и пошли в направлении станции. Сначала мы вышли на Минское шоссе, и через пятьсот метров справа увидели памятник – танк Т-34 на постаменте у поворота на деревню Еремино. Сфотографировались у памятника по очереди на Зямин пленочный фотоаппарат и пошли дальше в сторону станции «Полушкино», чтобы сесть на электричку и вернуться в Москву. Наш поход оказался ударным!

Но потом Зяма мне долго не звонил, он даже не появлялся на лекциях в университете. Возможно, переживал расставание с подругой. Но я не мог сидеть на месте, и мне хотелось копать. Я позвонил Стасу.

Долина Славы

И вот как-то в октябре мы поехали копать со Стасом в районе Минского шоссе между Дорохово и Тучково. Копать хотелось очень сильно, это было как помешательство. Пока не было снега, мы рассчитывали пройти по лесам, побольше увидеть и побольше блиндажей проверить на наличие хабара.

Опишу маршрут, это важно. Мы стартовали в субботу утром ранней электричкой с Белорусского вокзала. Спустя примерно 1 час 40 минут мы вышли на платформе «Садовая», которая находится между платформами «Тучково» и «Дорохово». Я в течение целой недели искал материалы о боях в 1941 году в этом районе, и особенно интересной мне показалась информация о боях в районе деревни Анашкино. Пробежавшись глазами по карте, я нашел Анашкино и быстро составил маршрут. Позднее выяснилось, что в Подмосковье есть еще одна деревня Анашкино, и она тоже находится в зоне боевых действий по 1941 году...

В общем, мы вышли на «Садовой», прошли метров 500 к Минскому шоссе, перешли его недалеко от автозаправки и стелы с указанием границы Рузского и Нарофоминского районов. Углубились в лес и пошли сначала вдоль Минского шоссе по направлению к Москве, а еще через 300 метров повернули направо, на дорогу к Анашкино.

В лесу нам встречались одиночные ячейки, настрел винтовочных гильз калибра 7,62 и 7,92 (винтовка Мосина и карабин Маузера соответственно). Состояние железных гильз удручало: верховой сохранился просто отвратительным. В дополнение ко всему в лесу мы обнаружили довольно много мусора, датировка которого была от 1960-х вплоть до наших дней. И, конечно же, горы мусора, которые дачники сбрасывают в воронки и стрелковые ячейки РККА, никак не добавляют оптимизма. Ведь никому неизвестно, пустая ли это ячейка. А вдруг там лежит боец, забытый во время отступления 1941 года или спешно похороненный в ходе контрнаступления в 1942-м? Сколько таких безымянных солдат лежит до сих пор в 15—20 метрах от оживленного шоссе, а рядом с ними лежит ржавая винтовка, пара гранат, котелок в ногах и последнее письмо-треугольник в сгнившем уже вещмешке...

Мы шли по лесу, практически не выключая прибор. Металлоискатель все время подавал сигналы, но мы уже научились на слух и по интуиции распознавать слабые сигналы гильз и осколков от мин и снарядов. Мы все это игнорировали в надежде «зацепить» что посерьезнее – каску, лопатку, фляжку, штык или еще что-нибудь интересное.

Наконец, дошли до Анашкино. Эта деревня оказалась вполне живой, с дачами москвичей на окраинах. У некоторых домиков из труб шел дым, люди топили свое жилье, как сто лет назад. А вокруг был тихий подмосковный лес, просто спокойный и абсолютно безмятежный. И мы шли, уже предвкушая себе немецкие позиции, разбросанные по лесу следы войны и кучу интересных находок. Проходим через Анашкино, поднимаемся на холм. На нем, огороженный старым забором, находится заброшенный пионерлагерь. Войдя на территорию, мы обошли вокруг полуразрушенных корпусов, зашли в один из них. Разбитые стекла на полу, выломанные с мясом оконные рамы, вырванные половые доски. Мусор, смятые консервные банки, следы кострища внутри здания. В общем, постапокалиптически-постсоветская картина... Мы оттуда ушли поскорее, чтобы не видеть всего этого безобразия, бесхозности и признаков современности. Нас манила война, а точнее – 1941 год.

Идем мы по лесу, и никаких особенных следов войны не замечаем. Успел начаться и закончиться дождь, вслед за этим пошел мокрый снег. Впрочем, он тает быстро и он как-

то проще переносится, чем обычный дождь. Вот уже и полдень, и пора обедать, а мы все так и не копали толком. Пообедали в лесу, поели сытной тушенки с гречневой кашей и, запив ее чаем с шоколадкой, двинулись дальше. Прибор включен, идем, внимательно глядя по сторонам. Вот первая яма – ага, это стрелковая ячейка, а за ней видна еще одна. Остановка, сваливаем рюкзаки со спины под ближайшую разлапистую ель. Так, вокруг нас виден примерно десяток стрелковых ячеек, и некоторые из них – в форме буквы Г. Все ясно, это оборонительные позиции Красной Армии. Но вот что странно – вокруг только ячейки, а землянок и блиндажей нет. То есть, получается, это временные позиции, где люди находились совсем недолго? Металлоискателем проверяем землю вокруг ячеек на наличие стреляных гильз и других металлических предметов. Тщетно, ничего нет. Правда, пару раз на ровном месте нам попадает несколько минометных осколков, но это абсолютно не показатель. Разочарованно возвращаемся к рюкзакам и идем дальше.

И вот таких вот неуспешных остановок у нас в этот день было много. Как водится поздней осенью, за делом и быстро стемнело. Надо было искать ровное место где-нибудь на пригорке, чтобы поставить там палатку и готовиться к ночлегу. Сверившись предварительно с картой, мы обнаружили, что из чащи вернулись опять к Минскому шоссе и находимся от него совсем недалеко – в каких-то 5—7 километров. Но из-за перманентного дождя, тумана и серой мглы звуков от шоссе слышно не было. Не беда, так даже лучше, решаем мы со Стасом, и, «накачавшись» горячим чаем, отправляемся в палатку спать. Стас еще предложил мне хлебнуть виски из припасенной у него фляжки, но я отказался. Наступила ночь, мы уснули.

На следующий день, в воскресенье, мы проснулись довольно поздно – часов в 8 утра. Откинув спальник, я обнаружил, что в палатке довольно холодно и что вылезать из спальника в принципе не хочется. Но – мы тут не прохладиться приехали, надо вставать, завтракать и идти дальше. Растолкал Стаса, мы вместе быстро соорудили костер... О, как приятно чувствовать тепло и даже жар от костра в холодном сыром осеннем подмосковном лесу! А крепкий горячий чай на свежем воздухе – это просто нечто незабываемое. Может быть, именно за этим мы отправляемся в лес, на природу? За этими простыми ощущениями: ногам холодно, рукам жарко, внутри тепло и ты чувствуешь в себе мощные силы и стимул что-то делать, хотя бы для того, чтобы не замерзнуть и упасть от голода.

Ничего интересного мы и в этот день не нашли, за исключением обычного джентльменского набора: гильзы, осколки, железки, хлам. Опять начинало рано темнеть, и мы уже направляемся в сторону железной дороги. Согласно нашему плану, мы должны вернуться к Минскому шоссе, пройти по нему мимо деревни Ляхово к Москве километров пять до деревни Еремино (ориентир танк-памятник) и далее нужно было повернуть налево на дорогу, ведущую к станции «Полушкино». Мы сложили лопаты в рюкзаки, я убрал прибор. Мы идем по лесу, шум от шоссе становится все громче – значит, идем правильно. Подмосковный лес в 2003 году – это не только высокие сосны вперемешку с дубами и березами. Это так же и кучи мусора от туристов-грибников и фантастические горы мусора от дачников, которые экономят на вывозе твердых бытовых отходов и сваливают их прямо в лесу, неподалеку от своих поселков. Чем ближе к цивилизации – тем больше в лесу мусора, стеклянных и пластиковых бутылок, смятых алюминиевых пивных банок и прочего неприглядного дерьма.

Вдруг пошел снег, но уже не мокрый. Он падал не землю, и уже не таял. Засада! Это значит, что земля остыла, и теперь нам не видать раскопок до следующей весны. Как жаль, что эта осень нам ничего так и не подарила, и мы вынуждены вот так неуспешно заканчивать этот копательский год. Так думали мы, шагая к шоссе. Но вот, совсем недалеко от дачного поселка, расположенного прямо в лесу, мы натываемся на хорошие такие ямы. Вот ячейки, вот

пулеметные гнезда, вот блиндажи, и этого всего довольно много. Быстренько скидываем рюкзаки и идем смотреть место. К сожалению, самые большие блиндажи завалены старым дачным хламом и пакетами с мусором. В бывших землянках лежат наваленные в кучу старые диваны, остатки железных кроватей, прогнившие белые холодильники, старые автопокрышки и прочее современное барахло. Тем не менее, я достаю прибор, и мы вместе со Стасом по очереди начинаем проверять не загаженные места.

Вот гильза советская – хорошо! Вот немецкий гильзач пошел – отлично! Уже хорошо так темнеет, но вот снег теперь наш союзник – он лежит на земле белым покрывалом, и в лесу не так темно.

– Есть! Что-то большое! – радостно кричит мне Стас, и я подхожу к нему. Действительно, прибор сигналил очень хорошо, видимо, в земле либо большой кусок черного металла, либо вещь из цветного металла средних размеров.

– Надо копать, – говорю ему и забираю у него прибор. Стас начинает копать, а я отхожу от него, и мне по пути встречается интересный Y-образный окопчик. Мусора рядом нет, хотя окоп находится прямо в центре всех ям. Без особо энтузиазма, повинаясь только привычке, машинально провожу металлоискателем прямо над центром этой буквы Y. Сигнал! Хороший сигнал, довольно уверенный. Прибор гудит очень настойчиво, и я решаю снять дерн из многолетних наслоений хвои и листьев. Ничего нет, и я снова проверяю место металлоискателем. Сигнал говорит – надо копать, там, в глубине что-то есть. Я откладываю металлоискатель, оглядываюсь на Стаса – он копается недалеко от меня – и тоже принимаюсь копать.

Неожиданно моя лопата упирается во что-то твердое и издает такой звук: «Хырк! Хырк!»

Это не было похоже на консервную банку. Снег все так же падал, и я решил поскорее узнать, что же мне попало. Вроде как похоже на обруч, но из-за снега так ничего и не разобрать. Не помню как, но я довольно быстро обкопал мою находку со всех сторон, потом просто всунул лопату между краем ямы и нажал на лопату, как на рычаг, – вниз. Из-под земли выскочила каска! Причем немецкая! Как мне показалось в первую минуту. Хватаю ее и кричу во весь голос!

– Стас! Скорее сюда, я каску нашел! – мои последние слова совпали с шагами Стаса, когда он быстро подскочил ко мне.

Смотрю ему в глаза, он таращится на меня, потом на каску, потом снова на меня: «Ну, Пал Николаич, ну ты даешь!» – только и смог вымолвить он.

Мы оглядели находку со всех сторон. Так и есть – ржавая, вся облепленная землей, каска с «ушами». К сожалению, у нее прогнила верхняя часть, но все остальное было крепким. Я в полутьме соскоблил остатки земли, глины, песка и дерна с железа, и нашим глазам предстала удивительная картина, это было уже второе открытие вечера: «Халхинголка»..., – прошептал Стас, – или «хасанка» – как правильно?

Надо было уже фанатически бежать на электричку, если мы не хотели провести эту ночь в лесу в 70 км от Москвы. И мы побежали. И успели, и уже в полупустой электричке рассматривали грязную каску, невзирая на удивленные лица других пассажиров.

Да, это была каска СШ-36, в народе называемый чаще всего «халхинголкой» из-за того, что свое боевое крещение этот советский шлем получил в боестолкновениях на озере Хасан в 1938 году и реки Халхин-Гол в 1939-м. Такие каски были у личного состава сибирских дивизий, прибывших в октябре 1941 года для обороны Москвы. Именно эта дивизия, между прочим, принимала участие в боевых действиях на озере Хасан в 1938-м, за что была награждена орденом Красного Знамени. В Великую Отечественную войну 32-й стрелковая дивизия под командованием полковника Полосухина во время Московской битвы вела напряжённые

бои на Можайском направлении. В октябре 1941-го эта 32 дивизия на 6 суток задержала на Бородинском поле части 40-го механизированного корпуса вермахта, рвавшихся к городу Москва. В. И. Полосухин погиб под Можайском, недалеко от села Семёновского, что в Долине Славы.

Так прошли последние выходные октября, после которых наша копательская активность немного снизилась. Тот первый снег немного отпугнул нас от походов по лесам. Однако всю первую половину ноября было сухо, бесснежно и даже относительно тепло. У Стаса были дела на работе, я тем временем подтягивал свои учебные дела – в общем, каждый погрузился в свою рутину. Но вот в конце ноября мы со Стасом созвонились, и в процессе разговора нам обоим показалось, что финальный аккорд сезона все-таки еще не поставлен.

Русскую каску СШ-36 я отчистил от ржавчины и отреставрировал – насколько это было возможно для такой проржавленной вещи. С помощью эпоксидной смолы и лоскутов синтетической ткани я восстановил утраченную часть сферы каски. На форуме «Рейберт» я попросил участников, владеющих такими касками в идеальном состоянии, измерить гребень и выложить его размеры в открытый доступ. Тогда, в 2003-м году, копательское сообщество было очень ограниченной тусовкой, и люди, которые тогда общались в Интернете на тему раскопок и военной археологии, были искренне заинтересованы в теме. Поэтому я довольно скоро стал обладателем оригинальных размеров гребня советской каски СШ-36. По лекалам, которые также выложил один виртуальный коллега из Санкт-Петербурга, из эпоксидной смолы и синтетической ткани, я сделал эрзац-гребень и приклеил его на восстановленную таким образом «гребехатку». Когда я покрасил ее серой грунтовкой, то в этот момент история как будто вернулась из прошлого. Ровные очертания каски, которая лежала у меня на полке, словно манили продолжить изыскания.

В очередной раз созвонившись со Стасом, мы решили выбраться в Долину Славы, которая находится на границе Московской и Смоленской областей. Мы решили выбраться именно в то место, где героически погиб командир 32 стрелковой дивизии В. И. Полосухин. Итак, решено!

Впереди последние выходные ноября, а снега так и нет, и это тоже дополнительно мотивировало меня и Стаса к тому, чтобы выбраться в лес. Даже дождей за прошедшие 30 дней особо не наблюдалось – ноябрь был довольно спокойным. В надежде на увлекательное путешествие, мы обо всем договорились еще в середине недели, а чтобы у нас было больше времени для приключений, решили выбраться из города как можно раньше в субботу утром.

Однако в ночь с пятницы на субботу пошел мокрый снег, который очень быстро лег ровным слоем на все наружные поверхности. Наша электричка должна была увезти нас в 7:40 с Белорусского вокзала, но как поступить, если вдруг неожиданно для нас в конце декабря пошел этот предательский снег? Найдем ли мы в лесу что-нибудь интересное при такой погоде? А еще стало немного холоднее, чем раньше... Таков был общий настрой нашего телефонного разговора, который состоялся у нас со Стасом ранним утром в субботу. Мы очень долго морально раскачивались: когда один готов уже практически уговаривал другого все-таки поехать, и тот в итоге соглашался, то почти сразу после этого первый начинал сомневаться в правильности такого решения и начинал приводить аргументы в пользу того, чтобы остаться. И эти «качели» продолжались довольно долго, инициатива каждый раз переходила из рук в руки. Но в итоге я сказал Стасу, что, поскольку мы очень хотели поехать еще накануне, и, более того, у нас запасены продукты, экипировка и все-все-все, то нужно непременно ехать, несмотря ни на что!

Мы потеряли время на обсуждение и традиционно встретились на станции «Белорусской-кольцевой» московского метрополитена только в районе обеда. Прошли по заснеженной и пустынной площади Белорусского вокзала, подождали немного очередную электричку. Уже в вагоне мы стали понимать, что эти выходные действительно будут необычными – уж очень мало людей ехало в электричке в сторону области. А я, к тому же, никогда еще не ездил так далеко от Москвы по Белорусскому направлению. Стас, у которого дача находится в деревне Горетовка, недалеко от Можайского водохранилища, был более спокоен. Он бывал и в Бородино, и в Америке, в Европе и на Урале, в Калининграде и на Дальнем Востоке. Его работа предполагала частые командировки, поэтому такое милое приключение, как выходные в заснеженном лесу близ Долины Славы, как мне казалось, было для него, как развлечение. По своему обыкновению, он захватил с собой фляжку с дорожным коньяком, которым всегда старался разжиться во время поездок по регионам.

В промерзлом вагоне электрички Стас частенько прикладывался к фляжке. Но, надо отдать ему должное, за почти 3 часа поездки от Москвы до Можайска, он все-таки не выпил ее полностью: «Оставляю на потом, когда будем вечером сидеть у костра», – поделился он со мной своей тактикой. «Запасливый какой», – подумал я, а в этот моменты мы уже подъезжали к городу Можайску. Заснеженные дачные поселки, вершины сосен, стоящие в безмолвии среди русской равнины. У каждого из нас был огромный тяжеленный рюкзак, и среди немногочисленных пассажиров электрички, вышедших на перрон в Можайске, мы выглядели довольно подозрительно. Два туриста из Москвы, выехавшие в конце ноября в такую непогоду к западу от Москвы, опасливо озирающиеся по сторонам – это ли не повод для милиционера подойти и спросить документы? Но, к счастью, именно непогода, мерзкий снег и ветер, дующий отовсюду прямо в лицо, способствовали тому, чтобы никто на нас не обращал внимания.

Уже гораздо позже я понял, что именно плохая погода и помогает нам, так называемым «черным копателям», реализовывать свои необычные увлечения стариной и археологией. Потому что копать в хорошем месте при солнечной погоде может любой дурак, а вот заниматься поиском кладов, военных реликвий, касок, железных крестов, оружия и прочего шмурдяка при дожде, снеге, в сильный холод или невыносимый зной могут только настоящие энтузиасты этого дела – «черные копатели». Обычно все эти усилия, или, лучше сказать, сверхусилия, воздаются сторицей, но об этом я тоже узнал гораздо позже.

И вот, мы вышли на станции «Можайск». Время примерно 15 часов. Зашли на автобусную станцию, посмотрели на расписание. Следующий автобус, который бы ехал в сторону Семеновского, будет только через полтора часа. Это очень долго по нашим меркам, мы не можем столько ждать! К тому же, из-за погоды и так пасмурно, и, очевидно, что в это время года будет рано темнеть. Интересно, успеем ли мы вообще покопать сегодня? Поскольку Стас все-таки более натасканный человек в плане путешествий и логистики, то он предложил тут же на площади договориться с местным таксистом, который бы довез нас до места. Надо сказать, что мы в то время были малоопытными, и, к тому же, слишком много читали байки из Интернета и слишком им доверяли. Мы тогда были уверены, что нужно как можно лучше шифроваться и быть фактически на нелегальном положении, пребывая за городом. Если кто вдруг спросит – а что вы тут делаете – то непременно нужно было плести всякие небылицы. То мы представлялись грибниками, то рыбаками, то просто туристами-экстремалами. Но ин в коем случае мы не говорили о том, что интересуемся войной, и тем паче, что у меня есть металлоискатель. Наученный горьким опытом прошлого года, я уже больше не отдал бы мой прибор задаром никому, даже менту. Никому не афишируя своих целей, мы должны были незаметно высадиться в нужной точке, незаметными работать на местности, и как можно тише

и спокойнее уехать обратно – вот такая была установка. Поэтому, когда я услышал про такси, то мой мозг стал лихорадочно выдумывать стратегию возможного разговора с таксистом. Как известно, вся эта братия общается с разными людьми, в том числе с местной братвой и с местной милицмейской средой – что, в общем-то, одно и то же. Поэтому нам предстояло прикинуться как можно более безобидными простачками, которые если и интересуются военной историей в Можайском районе, то со стороны наш интерес должен быть выглядеть так, будто он ограничен осмотром дотов и памятников. Ну, а если нас спросили бы, почему мы решили их осматривать в такое неподходящее время, то ответ был готов: «Не успели в сентябре, а тут отпуск по работе, вот и решили экстримом заняться, к тому же, у одного из нас дача, в принципе, недалеко».

И вот, движимые адреналином и желанием поскорее оказаться на местах боев, мы вышли на привокзальную площадь уездного города Можайска, на «плешку». Стас опытным глазом приметил первого же таксиста-частника и бодро пошел к нему, а я остался стоять на открытом месте с нашими рюкзаками. Таксиста не пришлось долго упрашивать, Стас машет мне рукой, и я, волоча два рюкзака, подхожу к машине. Водитель быстро выскочил из машины и услужливо открыл багажник. Запихали в него рюкзаки, и тут водитель спрашивает: «Вам прямо до самого Семеновского?» Я говорю, что нам нужно в ту сторону, а где выйти – это мы решим по дороге. А вообще, говорю, нам надо оказаться в районе села Мокрое. И так слишком много информации для тебя, думаю в это время я, не хватало, чтобы ты по нашему следу еще кого-нибудь пустил. Сели в машину и поехали.

Как же хорошо ехать на машине, скажу я вам! Гораздо лучше, чем на маршрутке или на автобусе. И это удовольствие стоило нам всего-то 200 рублей (мы со Стасом скинулись по 100 рублей). Однако мне тогда казалось, что это слишком большие расходы. Судите сами, банка хорошей тушенки стоила 18 или 19 рублей, самая отличная стоила 24 рубля – 500 грамм тушеной говядины в стеклянной банке. Двести рублей – это был бюджет всей поездки на одного человека, учитывая то, что мы на Белорусском вокзале покупали билет на вход, а потом уже в вагоне при встрече с кондуктором совали ему незаметно по 10 рублей в потную ладонку – так было принято, и такие были цены. Вот так я прикидывал в уме свои расходы, пока мы ехали. Таксист, к моему удивлению, у нас ничего не спрашивал. Наоборот, рассказывал, как тяжело сейчас работать в частном извозе: ментам нужно платить, в общий котел «таксистской мафии» тоже нужно скидываться, еле-еле хватает денег на жизнь.

Вот мы выехали из Можайска, свернули на Минское шоссе, проехали деревни Артемки и Ельня, заметили по дороге знаменитые доты в том районе, проехали чуть дальше – и вот он, перекресток. Указатель гласит, что направо будет Уваровка, а налево – дорога на Семеновское. Да, на машине ехать очень комфортно, к тому же мы потратили всего 10—15 минут на дорогу. Ни в коем случае не желая информировать постороннего нам человека, а именно таксиста, в свои грандиозные «чернокопательские» планы, я перемигнулся со Стасом и попросил водителя остановить сразу после села Мокрое. Уже потихоньку начинало темнеть, мы вышли из машины под холодный мокрый снег, вытащили из багажника рюкзаки. Водитель на бумажке начеркал номер своего мобильного телефона и отдал Стасу, напутствовав словами: «Если нужно будет вас забрать, то позвоните заранее, примерно за полчаса, и я приеду за вами». Ага, или вместо тебя приедет машина с синим маячком, подумал я про себя. Мы поблагодарили водилу, он быстренько развернулся и поехал назад. Я поводил его взглядом, пока он не скрылся в снежной пурге. После этого мы свернули направо в лес, чтобы переодеться из гражданской одежды в копательскую, которая выглядит более брутально. Но в ней удобнее ходить по лесам, и она явно теплее чем то, что было на нас надето в тот момент.

После того, как мы углубились на 50 метров в лес, стало понятно, почему село называется Мокрое: лес состоял из небольших островков твердой земли, которые были окружены болотом. Мы со Стасом переоделись в теплую одежду, а потом я достал мой металлоискатель – нужно было первым делом проверить землю на наличие подъемного материала. Вокруг не было заметно ни окопов, ни следов от землянок. В общем, логично, что даже 60 и, скорее всего, даже 100 лет назад эти места были заболочены, раз селу наши замечательные предки дали такое говорящее название. А раз так, то в этих лесах немцы не стали бы создавать свою оборону. Известно, что они выбирали только самые лучшие места – обычно на пригорке, а болота оставляли перед собой, чтобы удобнее было расстреливать цепи наступающих противников. И сейчас, не имея нужного оборудования и нужных мощностей, а главное, не обладая запасом времени, мы не могли себе позволить искать что-то в этих заболоченных лесах. Может быть, когда-нибудь в другой раз, но только не сегодня вечером, решили мы и стали выбираться обратно на асфальтовую дорогу. Пока выбирались на нее, прошли несколько завалов, под которыми была холодная хлюпающая жижа, к тому же ее было не так легко распознать. На болото упал снег, он уже не таял, и, только ткнув палкой перед собой, можно было понять, что это твердая земля, а не болото.

Наконец, мы вышли на асфальт и пошли дальше от Мокрого в сторону Семеновского. Почти совсем стемнело, снег не переставал идти. И тут Стас стал говорить, что напрасно мы вышли на полпути, что нужно было проехать на такси чуть подальше и выйти на сухом месте, а теперь из-за нашей конспирации приходится лишний раз страдать. Мы шли по асфальтовому шоссе, меся ногами жидкую снегообразную кашу. Стас был обут в добротные резиновые сапоги, а я еще с осени ходил в баскетбольных кроссовках. В сентябре в них было довольно комфортно ходить по сухому лесу, но сейчас они были явно не к сезону. Но делать нечего, другой обуви у меня тогда вообще не было. А раз так, то я не жаловался, а спокойно шел по снежно-водной каше, с каждым разом все больше набирая воды в кроссовки. Между прочим, мои ноги хоть и были мокрые, но организм, видя такой беспорядок, мобилизовал все силы. И я чувствовал, что моим ногам жарко от прилившей к ступням крови. Было мокро, тепло и весело!

Вот так за разговором мы прошли по дороге метров 500, когда сзади послышался шум приближающейся машины. Мы не оглядывались, только посторонились вправо. В этот момент с нами поравнялась милицейская машина – седьмая модель «Жигулей», белый кузов с синими полосами...

Машина поравнялась с нами и, не снижая скорости, пронеслась дальше в сторону Семеновского. Менты проехали мимо нас, даже не притормозив. Они уже удалялись, исчезая в белой метели, когда у меня начало усиленно биться сердце, а в висках стал стучать молот. Что было бы, если бы они остановились, движимые желанием допросить и обыскать нас? А если бы они нашли у меня прибор в рюкзаке, они бы просто решили бы его отобрать у нас здесь же на дороге или решили бы отвезти в местное сельское отделение? В самом худшем варианте, они захотели бы увезти нас в райотдел, где смогли бы «нагрузить» нас так сильно, как бы у них хватило фантазии. Наверняка у них в запасниках есть и копаное оружие, и патроны, и взрывчатка, изъятые у кого-то ранее. И ничто не мешало бы им преподнести все эти незаконные предметы как принадлежащие нам. Но, слава Богу, погода была совершенно отвратительная, было очень холодно и довольно темно. И, скорее всего, милиционеры решили не останавливаться, ведь дома ждет теплый диван, телевизор и горячий ужин. Так рассуждал я, и стук в висках постепенно пропадал. А, с другой стороны, им ведь из машины неизвестно, кто это идет, – местные или приезжие? С местных и взять нечего, а приезжие – они бывают разные.

Охотники вдвоем на природу не выезжают, и если сейчас по дороге эти двое идут так уверенно, то они идут к кому-то еще, а сколько их всего есть? Если же это копатели, то никому неизвестно, что это за люди. А вдруг у них у каждого в кармане куртки по пистолету заряженному? Остановишься, начнешь спрашивать-допрашивать, а они начнут стрелять. А потом уйдут в лес, и никто их никогда не найдет. И тогда никто не узнает, что произошло темным вечером на дороге Мокрое – Семеновское и за что убили доблестных милиционеров. Вот такая она, другая сторона, и правильно они сделали, менты, что даже не остановились. И, если мы идем со Стасом так уверенно по неизвестной нам дороге, то нам ничего не страшно уже!

Я поделился своими соображениями со Стасом, а он только и вымолвил: «Мы – молодцы! Одно то, что мы идем в неизвестном направлении, и вся суббота почти прошла, делает нас безрассудными героями». Так мы прошагали еще метров 300—400, как сзади послышался шум приближающейся машины потяжелее, чем «Жигули». Стас оглянулся назад и закричал мне: «Это Газель, тормози ее, на попутке проедем столько, сколько будет возможно!»

Выкидываю руку вперед, прося водителя подвезти. Он проезжает мимо нас, проехав еще немного вперед, останавливается и сдает назад.

Мужик согласился нас подвезти в любое место по дороге на Семеновское. Закинули рюкзаки к нему в тент, сами забрались в кабину. Поехали. Из теплой кабины окружающая природа совершенно враждебно, свет фар выхватывал дорогу не далее, чем 15 метров перед бампером. Водитель «Газели» оказался местным, семеновским. Я уже не стал шифроваться и сразу начал спрашивать его о том, была ли здесь война, что тут происходило и как вообще обстановка. Он тоже не тянул с ответами, из которых стало ясно: война тут шла страшная, бои были такие, что до 1970-х годов все поле, которое сейчас называется «Долиной Славы», было ограждено колючей проволокой. С его слов, до перестройки на тех полях подрывались трактористы, случайно наткнувшиеся на боеприпасы, поэтому-то поле особо и не использовалось для сельскохозяйственных нужд. Максимум пасли коров и косили сено. За последние 15 лет эти места «черные копатели» исходили вдоль и поперек, местным ребятам уже не очень интересно здесь копать, а вот из Можайска и из Москвы очень много народу ездит до сих пор. У них хорошие металлоискатели, у них джипы и все снаряжение имеется. «А у вас есть металлоискатель?» – как-то нехорошо мне задал он вопрос в лоб. «Да нет, какой металлоискатель, мы так, чисто пройтись по местам боевой славы, дойти до памятника Полосухину, походить по окопам...» – с нарочитой ленцой ответил ему. «Сами откуда?» – снова вопрос ребром. «Мы из Гагарина,» – соврал я. Никак не хотелось в 150 км от столицы говорить о том, что мы москвичи. Честно сказать, мы в той одежде, которую тогда надевали для хождения по лесу и для копания, были похожи скорее на провинциальных бомжей, ну максимум на фанатов региональных турслетов. Стас всегда надевал вязаную лыжную шапку-петушок, выдавшую виды серую болоньевую куртку и потертые и местами рваные спортивные тренировочные штаны серого цвета. В довершение всего у него на ногах были темно-зеленые резиновые сапоги – вылитый грибник-профессионал. Я был одет в те самые демисезонные кроссовки, камуфляжные штаны от костюма «флора» – надо сказать, очень истрепанные и затертые на коленях, – старый-престарый пуховик, и на голове у меня была надета шапка, издали похожая на растаманку, только серо-черно-синего цвета. Мы не выглядели устрашающе, со стороны нам можно было только посочувствовать – на что мы всегда очень надеялись. Сегодня уже дважды этот «лоховский» прикид выручил нас: первый раз – когда менты на «Жигулях» проскочили мимо по дороге, второй – когда сердобольный «Газелист» остановился нас подвезти. Так что мы, по нашей легенде, были не из Москвы и старались не вызывать особых подозрений в дерзости имеющих у нас намерений.

– Если так, – продолжал водитель «Газели», – тогда нормально, а то у нас в Семеновском есть один деятель, так у него менты нашли целый склад оружия, боеприпасов, тротила и прочего. На три года посадили без разговоров, но он там, видимо, не один этими раскопками зани-

мался. Так что вы лучше просто гуляйте по природе, с криминалом не связывайтесь. А если за достопримечательностями, так это вам туда надо, – и показывает на правую часть дороги. Вон там окопы, ходы сообщения, там самые бои были.

Мы смотрели в окно и старались увидеть все это.

– А мне надо поворачивать, вы дальше со мной едете или как? – неожиданно подвел он черту под нашим разговором.

Мы вышли из «Газели», достали рюкзаки, и душевно поблагодарили мужика за то, что подвез, и за то, что в двух словах поделился очень ценной информацией. Когда «Газель» скрылась из вида, я тут же сказал Стасу: «Надо скорее сворачивать в лес, чтобы никто нас не видел и не знал о нашем местонахождении. Пойдем не направо, там поле и до леса надо долго идти. Пойдем налево, тут сразу опушка у дороги, там дальше лес густой и наших следов никому не сыскать», – это у меня уже снова разыгралась привычка к конспирации. Надо сказать, что Стас меня полностью поддерживал в этом рвении, и мы быстренько, в полной темноте (глаза еще не отвыкли от света фар), практически на ощупь, двинулись в еловые посадки.

Через 10 минут зрение полностью адаптировалось к отсутствию света, и нашим глазам предстал молодой еловый лес, засыпанный мокрым снегом. Время уже было примерно 20 часов, и нам ничего не оставалось делать, как в самое ближайшее время найти себе сухое место для того, чтобы установить палатку и как можно скорее разводить костер – нам нужно было немедленно поужинать, а я хотел еще и согреть мокрые и замерзшие ноги.

Нашли место для ночлега довольно быстро – ровная площадка между тремя елками и одной березой.

Девять часов вечера, лес вокруг, холодно и идет снег. Слава Богу, что есть костер, это значит, что мы будем сыты и согреты. Не буду вдаваться в детали того, как мы закутались в палатке, чтобы не замерзнуть ночью. Скажу лишь, что в спальный мешок мы залезали полностью одетыми, на голове было по две шерстяные шапки. Утром я проснулся от того, что у меня начали замерзать ноги. Я вылез из спальника, открыл палатку. Снаружи все было засыпано снегом, но, поскольку земля все еще была теплая, то кое-где он успел подтаять. Вода не замерзла, и лес представлял собой одно большое холодное и мокрое место. Стас тоже проснулся, мы быстро собрали костер и немедленно напились горячего чая. Вокруг стояла просто гробовая тишина, птицы не пели, никаких звуков услышать было просто невозможно. Я быстро расчехлил прибор и решил пройтись хотя бы вокруг места нашего ночлега, авось, будут какие-либо зацепки. Не успел я включить металлоискатель, как оказалось, что земля буквально везде нашлапигована металлом. Мне попадались русские гильзы и патроны калибра 7,62 мм, немецкие гильзы и настрел от Маузера, куски сгнивших металлических ящиков, проржавевшие петли, пружины, какие-то тросики и куски проволоки, куски колес и механизмов. На расстоянии прямой видимости от палатки везде были заплывшие блиндажи и одиночные стрелковые ячейки. Стас добил все сладкие сухари и присоединился ко мне. Я отдал ему прибор, а сам решил налегке пройтись подальше в лес и посмотреть, что же тут еще есть.

Примерно в 50 метрах от палатки я нашел недавно взрытый блиндаж, который уже успел наполниться водой. На бруствере лежали довольно свежие отвалы земли, сверху на них лежал полусгнивший, но, тем не менее, хорошо сохранившийся деревянный ящик. Было видно, что побывавшие здесь до нас копатели нашли много интересного. Одно то, что рядом с выбитым блиндажом они оставили воткнутое в землю профессиональный шуп, говорит о том, что добра они забрали немало. Я вернулся к Стасу, а он за это время успел на пятачке площадью в один квадратный метр накопать кучку патронов от Нагана, множество разнообразных гильз и всяких непонятных пряжек и деталей снаряжения. Мы тогда так и не смогли определить, что это

было такое – немецкое или советское? После этой маленькой разведки на местности мы сверились с картой и поняли, что провели ночь на советских позициях. Поскольку мы жаждали обрести немецкий хабар, то решили двинуться на северо-запад, к немецким окопам и блиндажам. Быстро собрали палатку, доварили кашу с тушенкой и быстро ее съели. Собрали рюкзаки и пошли на немецкую линию обороны. В этом направлении мы прошли весь лес, подошли к опушке. Перед нами простиралось большое поле. Слева от опушки была дорога, за ней была видна линия электропередачи, ведущая от Уваровки на Семеновское. Это была та самая дорога, по которой нас подвезли сюда. Дорога была довольно оживленная, и мы, не желая выдавать свое присутствие здесь, на всякий случай каждый раз пригибались к земле, когда слышали звук приближающегося автомобиля. Когда стало относительно тихо, мы начали свой путь через поле. Оказалось, что оно залито водой. Под травой, которая еще не успела пригнуться к земле из-за снега, прятались колеи от гусеничной сельскохозяйственной техники. Так и шли мы, утопая кое-где в воде и прячась за травой от проезжающих в 300 метрах автомобилей и автобусов. Наконец, минут через 30—40 мы достигли противоположной опушки, где можно было сбросить рюкзаки и немного передохнуть. Силы покидали нас, поскольку организм терял энергию не только от движения с нагрузкой, но и от обогрева тела.

Немного восстановившись, мы снова двинулись в заданном направлении. Не успели мы пройти и 100 метров по лесу, как наткнулись на широкий и глубокий ров. Точнее, это были остатки рва. В одном месте он сохранил свои очертания, а дальше уже оказался почти сровненным с землей и засаженным лесом. То, что это земляное сооружение относилось к периоду войны, а точнее к 1942—1943 годам, не вызывало никаких сомнений: в нескольких местах на бруствере рва мы обнаружили старые, почти в труху сгнившие деревянные ежи, на которые была намотана тройная колючая проволока. Это немецкая колючка! С помощью металлоискателя мы проверили бруствер – колючка продолжалась и дальше в обе стороны, она уже выросла в землю, но сама по себе проволока была довольно крепкая и вполне еще могла служить по назначению. В некоторых местах стояли старые деревья, которые 60 с лишним лет назад были молодыми. Так вот, с земли колючая проволока поднималась на высоту более трех метров, и обвивала там стволы деревьев! То есть деревья выросли, мотки проволоки выросли в кору и в ствол, и дерево и подняло линию проволочного ограждения на высоту второго этажа! Такого я раньше никогда не видел, и, забегаю вперед, скажу, и что и в будущем подобное явление мне не удалось встретить никогда. Мы со Стасом побросали рюкзаки возле самого толстого дерева и начали рыскать в этом квадрате. Куски советских касок, хвостовики от мин, осколки снарядов и большое количество гильз – это все, чем была усеяна земля в том месте. Когда нам надоело копать каждый звук, на который откликался металлоискатель, я переключил свой Tesoro Compadre в режим дискриминации, и теперь мы должны были находить только вещи из цветного металла. Лишь спустя пару лет копательской практики я понял всю ошибочность данной тактики. Огнестрельное оружие и его детали, а также штыки и другие интересные вещи из стали невозможно обнаружить, если ты переключаешь прибор в режим дискриминации железа, чугуна и стали. Кто знает, сколько стволов я тогда пропустил, сколько штыков и стальных пряжек вермахта, сколько пистолетов лежали у моих ног в земле, но я тогда ходил с металлоискателем в режиме «цветной металл», и поэтому так их никогда и не нашел?

Целый день мы вот так и провели на этих позициях, не найдя ничего ценного, ничего такого, что можно было бы забрать с собой. Конечно, здесь было очень интересно копать, потому что плотность железа на единицу леса была очень большой. Если бы у нас тогда было больше времени, возможно, мы бы исследовали больше площади.

Но вот уже начинало темнеть, а ведь нам еще предстояло выбираться из леса, чтобы в тот же день приехать обратно в Москву. Мы со Стасом напоследок отужинали в лесу, сверились с расписанием автобусов до Можайска – оставалось еще примерно час до следующего рейса. Минут за 20 мы преодолели расстояние, отделявшее район поисков от шоссе, дошли до остановки и увидели тот самый холм на месте гибели полковника Полосухина. Он был в пределах прямой видимости. Не желая просто так мерзнуть на ветру, а заодно и чувствуя обязанность посетить памятное место, мы сделали марш-бросок к холму. Фактически, это главный ориентир в самой «Долине Славы», от которого обычно поисковики отсчитывают километраж своих рейдов. Постояв пару минут на вершине холма, мы спустились вниз и возвратились к остановке. Ко времени приезда автобуса на остановку подошел пожилой мужчина, по всей видимости, дачник. Слово за слово, мы с ним разговорились, и узнали, что у него есть летний домик в дачном поселке Васильки, в окрестностях которого каждый год поисковики находят множество останков солдат Красной Армии. Он рассказал нам и том, что лично находил в лесу, когда ходил туда за грибами с внуком: выкопанные немецкие сапоги с подошвами, подбитыми стальными подковами, выкопанные ящики от патронов, присыпанные землей снаряды и мины, остатки амуниции и большое количество мотков колючей проволоки. Вот куда бы нам попасть...

Вскоре приехал автобус, мы со Стасом загрузились в него. Свободных мест в салоне не было, люди из Семеновского с самого начала заняли все места, и большинство пассажиров уже успели заснуть. Мы сложили рюкзаки в проходе, оплатили проезд и поехали. Мне показалось, что автобус едет очень медленно, кроме того, он так отчаянно трясся на ухабах, что казалось, будто мы свернули с дороги на поле. Однако это была обычная подмосковная дорога. В салоне было тепло, мы со Стасом мигом согрелись и усталость, накопившая за все время хождений по Долине Славы, дала о себе знать. Наконец, автобус остановился, и это была конечная остановка – станция «Можайск». На улице уже была кромешная темнота, время примерно 9 часов вечера. На автостанции совсем мало людей и машин, воскресный вечер – это все понятно.

Мы вытащили рюкзаки из автобуса, дошли до расписания электричек и увидели, что наша электричка уходит буквально через 5 минут. Откуда только силы взялись? Мы быстро побежали к виадук, пробежали мимо неспешно идущих людей. Смотрим сверху – вот электричка стоит, вон стоит мужик у тамбура, докуривает сигарету на улице, собирается заходить в вагон. Переглядываемся со Стасом: «Да это же наша электричка!» Пулей спускаемся с виадука по лестнице с нашими огромными рюкзаками, влетаем в ближайшие двери. Они закрываются сразу же за нами, электричка плавно начинает движение в направлении... от Москвы! Я и Стас, мы смотрим за окно, так и есть, едем от Москвы. И тут голос машиниста подтверждает наши худшие опасения: «Следующая станция „Бородино“, далее до Гагарина без остановок».

Твою мать! Мы сели не в ту электричку! И все бы ничего, но сейчас воскресенье, поздний вечер. И еще неизвестно, пойдет ли какая-нибудь электричка в сторону Москвы. А вдруг та, на которую мы не сели, вдруг она и есть самая последняя? Что делать? Как быть? Ловить машину? Но ведь мало того, что нужно будет убедить водителя подвезти двух грязных людей с огромными рюкзаками до Москвы, так ведь нужно в это время еще и встретить хоть одну попутную машину. Чертыхаясь и матерясь вслух, мы со Стасом вылезли на станции «Бородино». Культурно оформленные и хорошо освещающиеся перроны, пустое здание станции и неработающий свет в привокзальном туалете – это реальность, которая еще больше угнетающе действовала на наше настроение. Мы посмотрели расписание электричек в выходные на Москву. Итак, в 22:45 будет еще одна, уже последняя, электричка на Москву. До нее еще

примерно час. Что делать? Верить этому расписанию, написанному от руки шариковой ручкой и приклеенному на стенд на платформе? Или прям сейчас идти по карте и по компасу в сторону Минского шоссе в надежде на то, что кто-нибудь согласится довезти до Москвы. Мы выбрали первый вариант.

Поскольку здание станции было закрыто, то нам ничего не оставалось, как идти в ближайшую рощу, чтобы там развести костер и погреться у него, попить горячего чая. Так и сделали.

Слава Богу, последняя электричка на Москву приехала вовремя, мы сели в нее, испытывая огромную благодарность к тем, кто придумал электровозы, кто составлял расписание движения электропоездов и к тем, кто бился за Россию в этих местах в 1812 году, а также в Великую Отечественную войну.

Делаем сайт

Мы вернулись домой в Москву очень поздно. В первом часу ночи ехал с Белорусского вокзала на метро домой, медленно разбирал рюкзак и потом долго сидел в горячей ванной. Но я до сих пор помню те картинки, которые довелось увидеть в районе Долины Славы: взрытую с 1942 года землю, тысячи блиндажей, холодную воду на дне окопов, снег, который уже не таял в воде, покрытую снегом палатку, разбитые в хлам советские каски, мотки колючей проволоки и целые куски ее, вросшие в старые деревья. Стас после той поездки мне отдал распечатанные фотографии, которые он успел сделать своим тогда еще пленочным фотоаппаратом. Я еще не сразу смог оцифровать их, пришлось просить Ламкина, у которого был сканер.

Помню его удивление, когда он увидел мои фотки и те следы войны, которую до этого мог наблюдать только в кино и по телевизору. И еще я помню, как он меня не понял. Ему было непонятно, почему я езжу так далеко, выбираюсь из города и делаю это в любую погоду, да еще и забираюсь в такие глухие места, где еще можно найти следы войны? Что я мог ему ответить? Я лишь молча забирал фотографии в цифровом виде, говорил «спасибо» и уходил. Фотки мне были нужны не просто так: я решил сделать Интернет-сайт, где буду рассказывать о своих поездках, выкладывать своего рода отчеты и просто писать о том, что мне нравится и что меня лично «зацепило» в каждой конкретной поездке.

Поскольку без Интернет-сайтов по теме копательства не было бы моего увлечения, я решил понемногу брать пример в изложении с тех страничек, которые уже были. Очень быстро я создал свой первый сайт на сервисе «Яндекса», который попросту называли «на народе», дал ему имя akira82.narod.ru, и вот так начал познавать основы HTML. К счастью, я довольно быстро во всем разобрался и за короткое время мой сайт наполнился отчетами о трех или четырех поездках.

Венцом нашей со Стасом копательской карьеры на тот момент была именно последняя поездка в Долину Славы, которую я на том сайте расписал чуть более живописно, чем это было сделано немного выше по тексту. При этом я, как мог, поддерживал общение с виртуальными коллегами-копателями на всех тех форумах, которые были актуальны в тот момент — reibert.info, trizna.ru. Туда же я выкладывал и гиперссылки на странички своего сайта, чтобы поделиться эмоциями и может даже отчасти и опытом с теми людьми, кто разделял мою страсть к копанию.

К удивлению, вскоре на мои тексты стали приходиться восторженные отзывы с форума. Не буду здесь много хвалить себя, но скажу, что мне тогда это было лестно. Люди выражали признательность за интересный рассказ притом, что я изначально не мог похвастаться ценными или редкими находками. Но что было — то было, заканчивался 2003 год, и тогда все было немного по-другому.

Входим в тусовку

В какой-то момент я понял, что тексты с нашего сайта имеют популярность в народе, и что мы имеем своего рода читательский успех. Стасу это нравилось, мне после пары недель обсуждения наших походов на форуме стало, в общем-то, все равно, и мой интерес к поддержанию сайта постепенно стал угасать. Но стало уже ясно, что мы движемся в правильном направлении, что так, как мы начинали, брали свой старт 99% копателей. А посему мы спокойно заняли полагающееся нам место в тусовке, успокоились на том, что первый этап пройден, и теперь надо делать какие-то новые шаги.

Наступила зима, стало совсем холодно, снег уже не позволял выезжать в Подмоскowie. Одновременно с учебой я продолжал ходить в библиотеку и выискивать интересные издания по теме войны. Постепенно я пролистал всю подшивку «Военно-исторического журнала» с 1990 по 2000 год. Там было очень мало по теме войны, точнее, про войну там было достаточно информации, но вот более-менее детальных карт с описанием мест боев было мало. Конечно же, я прочитал все, что только было можно о трагедии Мясного Бора и гибели 2-й Ударной Армии, о предательстве генерала Власова и о поисковых работах новгородских и ленинградских поисковиков.

Но интуитивно я понимал, что нам нечего делать на тех местах боев, о которых пишут в журналах, что нам нужно искать свои места, делать свои собственные изыскания. Вот так постепенно я вникал в военную историю нашей страны. Стас одобрял мои изыскания, однако сам не стремился по-настоящему погружаться в архивы. Максимум, на что его хватало, так это на покупку военных мемуаров русских офицеров и солдат, которые в тот момент только начали массово публиковаться. Он читал Бешанова, Суворова и других. Я решил взять с него пример, но мемуаристика в тот момент мне показалась совершенно бесполезной в нашем копательском деле. Я купил двухтомное издание «Битва под Москвой», где было все!

Там были донесения советских войск, отчеты о боях, о понесенных потерях и сводки о захваченных трофеях. Была и подобная же информация, но только с немецкой стороны. Конечно же, поражала разница в подходе к войне, который был у немецких войск, и который практиковался советскими войсками. Если у немцев всюду сквозил прагматичный подход, и мы могли видеть с их стороны разумное ведение боевых действий, то у Красной Армии налицо было авральное отношение к боям, эдакая штурмовщина. Естественно, что за этой разницей в подходах скрывалась и разница в потерях, в количестве загубленных человеческих жизней. Мне было горько это осознавать, но когда я впервые это понял, то мне просто раскрылись глаза на многие процессы, которые происходили в истории России до и после Великой Отечественной войны. Скажу прямо, через чтение военных сводок с двух сторон я стал лучше понимать и русских, и немцев.

И я понял, что нам с немцами на роду написано всегда и быть рядом, и вместе строить Петербурги с верфями и кораблями, и воевать друг против друга насмерть. За такой активностью мы и не заметили, как подошел к концу 2003 год. Загадывая желания в Новогоднюю ночь, я, помимо прочего, загадал для себя, много интересных копательских экспедиций и пожелал себе много неизвестного. Так оно, в общем-то, и получилось.

2004: Общее дело

В январе 2004 года быстро прошли зимние экзамены, все в университете шло более-менее гладко, и у меня появилось довольно много времени на изучение литературы и на чтение Интернет-форумов. Я все также проводил много времени над книгами, по крупицам сопоставляя разрозненные данные из разных источников, одновременно отмечая на картах Московской области все интересующие места. Помимо Долины Славы за Можайском, я узнал о множестве интересных мест на границе Московской и Смоленской областей.

Мы часто созванивались со Стасом, обсуждая наши прошлые выезды в ближайшее Подмосковье, и в наших разговорах строили планы на весну и лето. Не менее часто мы ходили друг к другу в гости. У меня мы смотрели на компьютере фотки и карты, которые я нашел в Интернете за осень и зиму, а в гостях у Стаса мы смотрели художественные и документальные фильмы о войне. Мы просмотрели финский фильм «Зимняя война», немецкий фильм «Сталинград», ставший уже легендарным, документальную трилогию о группах армий вермахта, все старые военные фильмы, которые мы только смогли найти. В общем, мотивировали себя на копание и уже изнемогали от долгой и снежной зимы.

Параллельно я продолжал заниматься своим сайтом в Интернете, продолжал сканировать и выкладывать фотографии из осенних выездов и публиковать отчеты и впечатления о копательстве. Однажды мне написал некто Алексей, который изначально выступил с несколькими полезными, на его взгляд, советами, которые касались той информации, которую я выкладывал в Интернете. Алексей крайне настоятельно рекомендовал мне убрать всю информацию о Долине Славы. Это меня немного удивило, но я продолжил с ним контактировать, потому что мне стало интересно узнать его мотивы.

Алексей писал, что сам неоднократно был в Долине Славы с поисковым отрядом «Тризна», но ему не очень нравилась жесткая дисциплина и субординация в этом отряде, поэтому он недавно решил стать одиночкой и теперь ищет компаньонов.

Он также вскоре объяснил, почему, по его мнению, не стоит рассказывать всем о Долине Славы. Это, как он считал, может привлечь излишнее внимание правоохранительных органов к этой местности, а, кроме того, избыток информации может стать рекламой и заманить множество копателей-конкурентов в эту местность. А поскольку Долину Славы Алексей называл чуть ли не локальным копательским Эльдorado, то считал своим долгом уберечь это место от чужих.

В чем-то я с ним согласился – в той части, которая касалась правоохранительных органов, а вот желание сохранить это место в целости изначально показалось мне чересчур навязчивым и эгоистичным. Поддавшись его уговорам, местами переходившим в дружеское требование, я убрал со своего сайта все тексты о Долине Славы. Вскоре после этого мы с Алексеем вступили в более плотную переписку о возможном сотрудничестве и совместном копании. Мне показалось, что это нормальный и здравый парень, который по-настоящему интересуется историей войны и военной археологией.

Я с самого начала этого общения с этим Алексеем поставил Стаса в известность о том, что есть вот такая вот переписка и есть такой человек. Стас заинтересовался этим человеком, посоветовав мне, на всякий случай, быть настороже, ну и самому со своей стороны «прощупать» этого человека. А вдруг он какой-нибудь провокатор или опер, который имеет желание подставить меня или привлечь к какому-либо нехорошему уголовному делу? Все может быть, и поэтому я предложил Алексею встретиться, чтобы посмотреть друг на друга и все выяснить.

Алексея не нужно было долго уговаривать, он как будто бы даже ждал того момента, когда я предложу ему встречу. Хорошо, договорились, и я предупредил Алексея, что на встречу я приду с моим камрадом Стасом, о котором он читал в моих отчетах. Он не возражал, и местом встречи мы определили «Центральный музей Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», который находится на Поклонной Горе. Отлично! Прекрасное место, а саму встречу назначили на 23 февраля.

Шли дни, прошел январь, и наступило время учебы. Лекции, семинары, какая-то университетская суета, постоянное нахождение среди моих однокурсников – это немного отвлекало от главной моей идеи. Копать хотелось все так же сильно, но удавалось переключаться на другие предметы – всякую там экономику, зарубежную литературу и прочие предметы, которые преподают на факультете журналистики МГУ.

Наконец, наступил всеобщий мужской праздник 23 февраля. Мы со Стасом встретились в метро где-то в центре города, и вместе поехали в музей на Поклонной Горе, где должны были встретиться с Алексеем. Входим, раздеваемся в гардеробе музея и идем в буфет, где нас уже ждет Алексей. Видим поднимающегося из-за столика нам навстречу молодого парня в сером свитере – это Алексей. «Шипилов» – представляется он, и мы все втроем садимся за стол, начинаем разговаривать. Разговаривали мы очень долго, пили чай и делились друг с другом теми историями, которые у нас были. Наши истории до этого момента вы уже прочитали, а вот про Алексея и его приключения с его слов я расскажу подробнее.

Шипилов

Алексей несколько лет ездил на раскопки в составе поискового отряда «Тризна» в Долину Славы и излазил ее всю, насколько это возможно для 20-ти летнего парня. Они с ребятами находили практически все, что можно найти на месте линии фронта, которая стояла практически на одном месте в течение почти целого года. Однако к моменту нашей встречи с Алексеем, он успел разочароваться в копании под эгидой официального поискового отряда и копал в основном сам. Конечно, он несколько раз ездил с малознакомыми ему людьми по разным местам, например, в окрестности города Ржев. Но эти поездки ему не особо понравились, потому что эти люди оказались, со слов Алексея, странными и циничными.

Алексей рассказывал о своем копании под Ржевом так, как если бы он рассказывал о неудачах. Общий заунывный тон, которого он придерживался в разговоре, отдавал сильным пессимизмом, в котором чувствовался глубокий эгоизм. То есть ему были важны трофеи сами по себе, а поисковая деятельность, романтика, отдых у костра и времяпрепровождения на природе казались ему лишь необходимыми лишениями на пути к обретению милых находок. Он видел и раскопанные в песчаной почве немецкие пулеметные расчеты в полном боевом снаряжении: «На ногах у них были ботинки, а на руке у одного даже часы на кожаном ремешке сохранились!». Он был в курсе того, как в районе Ржева местные лихие ребята подгоняли экскаватор к засыпанным еще со времен войны траншеям и ковшом выгребали оттуда все, что можно было. При этом они не заботились о сохранности найденных вещей, об их культурной и гуманитарной ценности. Оружие, снаряжение в хорошем состоянии, награды и личные вещи немецких солдат – это забирали для дальнейшей продажи. Кости, личные жетоны и испорченные вещи – все это оставлялось на месте или выкидывалось на помойку. Алексей нам раскрыл глаза на реалии деревенского копа в 1990-х, особенно в конце десятилетия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.